

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ «БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИКИ И
ЛИНГВОДИДАКТИКИ**
сборник научных статей

Брест, 2022

УДК 81'1
ББК 74.480.46л0

Рецензенты:

Леванцевич Л.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» (Брест, Беларусь)

Переход О.Б., заведующий кафедрой общего и русского языкознания УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», кандидат филологических наук, доцент (Брест, Беларусь)

Под общей редакцией кандидата филологических наук,
доцента кафедры белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»
Ю.Н. Чагайды

Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сб. науч. ст. / Брест. гос. техн. ун-т ; под общ. ред. Ю.Н. Чагайды. – Брест : БрГТУ, 2022. – 168 с.

ISBN 978-985-493-572-0.

Сборник составлен по материалам Республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики» (Брест, 14 октября 2022 года) и содержит научные статьи по актуальным проблемам языкознания, литературоведения и лингводидактики.

Издание адресуется ученым, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

УДК 81'1
ББК 74.480.46л0

ISBN 978-985-493-572-0

©Издательство БрГТУ, 2022

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Д.С. Воробьева

*(Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь)*

ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДУХОВНЫХ АВТОБИОГРАФИЙ)

Разработка теории церковно-религиозного стиля предполагает опору на историю его развития, поскольку именно история любого явления предопределяет векторы его эволюции в настоящем. XVIII–XIX столетия – период, ознаменованный в русском литературном языке интенсивными жанрово-стилевыми изменениями. Особенно активным развитием норм литературного языка, сопровождавшимся бурными спорами «архаистов» и «новаторов», характеризуется первая треть XIX века.

В текстах духовных автобиографий этого периода «в сложное взаимодействие с летописным и агиографическим этикетом вступает явление нового характера, такое, как биографизм, который нацелен на проявление личностно-индивидуального начала и способствующего разрушению средневековой условно-нормативной связи содержания с формой» [3, с. 11]. Мы предполагаем, что явление подобного сложного взаимодействия оказало существенное влияние на становление современного церковно-религиозного стиля. Кроме этого, «ключевым концептом» жанров повествовательной литературы, развившихся из средневекового жития (жизнеописание духовного лица, в том числе автобиография, сказание о подвигах и др.), является святость [2, с. 157]. Концепт святости самым тесным образом связан с двоемирием как основным принципом религиозного мировоззрения, предопределяющим такую яркую отличительную черту церковно-религиозного стиля, как языковая неоднородность, или двуязычие.

Цель настоящего исследования – определить и описать явления в области глагольного формообразования и функционирования глагольных лексем в текстах духовных автобиографий первой трети XIX века. Глагол как часть речи несет особую стилистическую нагрузку. «Являясь темпоральной доминантой художественного текста, глагольные формы принимают самое деятельное участие в формировании временного континуума произведения» [7, с. 91]. А поскольку хронотоп несет в себе жанрообразующую функцию (по М. М. Бахтину), при помощи анализа глагольных форм мы попытаемся выявить характерные черты как церковно-религиозного стиля соответствующего периода в целом, так и исследуемого жанра в частности.

Для анализа нами были выбраны следующие источники: «Житие и страдания отца и монаха Авеля» (составлено предположительно им самим в 1820-х годах) [4], «Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия» (написана в 1830–1833 годах) [1], а также автобиографические сочинения иеромонаха Ар-

сения Троепольского – «Излияние сердца» (1824 года) и «Записки для моей грешной, окаянной и слабой памяти» (1828 года) [6].

Главным стилеобразующим элементом «Жития и страдания отца и монаха Авеля», жанровую принадлежность которого мы определяем как духовная автобиография [5, с. 19], являются архаичные формы глагола в прошедшем времени. При этом современные формы с суффиксом -л- явно преобладают в тексте (процентное соотношение их во фрагменте (I и II части): 60/40). Наиболее часто встречающиеся устаревшие глагольные формы – 3 л. ед. ч. аориста, что соответствует текстам повествовательной литературы Древней Руси. Как правило, их употребление связано с выражением устойчивых агиографических топосов: уход святого в монастырь/пустынь, ниспосланные Всевышним искушения, борьба с антагонистом (бесом), страдания (*пойдя он с сего года в южные страны и в западные, отыде въ пустыню, похвали о сем Бога, явися ему многія скорби*).

Глаголы речи, мысли и восприятия также чаще всего употребляются в формах аориста (реже имперфекта): *рече въ себѣ, отвѣщаваху къ нему и рекоша, рече къ нему, отвеща, видѣша, взываху весь народъ*. Вероятнее всего, это связано с тем, что «оформление прошедшего времени по нормам церковнославянского языка – если речь идет о свободно употребляемых формах, обычно получали глаголы книжного происхождения» [8, с. 93].

Отмечен пример употребления в парной конструкции современной глагольной формы (перфект без связки) и аориста: *Он же наки к нему отвещалъ и глагола*. Примечательно употребление одного и того же глагола в разных формах (современной и архаичной): *И доложилъ о томъ генералу, который управляетъ весь сенатъ; той же доложи самому государю Павлу*. На наш взгляд, это обусловлено тем, что глагол *доклжить*, с одной стороны, воспринимается как книжный глагол речи, мысли и восприятия, а с другой – как элемент официально-делового стиля. Утверждение И. В. Грековой о «вторжении» «в пределы церковно-религиозного стиля на современном этапе» [2, с. 116] черт официально-делового, таким образом, можно дополнить фактами проявления этой тенденции уже в текстах XIX века.

Используется форма аориста и в устойчивых сочетаниях, повторяющихся на протяжении текста: *удивися вкупе же и ужасеся, ужасошася и бежаша*. Особый интерес вызывает употребление глагола *быти* в качестве связки составного именного сказуемого в форме аориста (*привезень бысть, бысть тако отправленъ*), а в значении присутствия – в современной форме (*и много у нихъ было разговора и спора*). Можно предположить, что эта дифференциация служит указанием на стилистический регистр синтаксической конструкции.

Единожды в тексте употреблена форма перфекта со связкой (в обращении к святому высших, божественных сил, от которых он получил «великий дар прорицания судеб будущего»): *буди ты новый Адамъ и древній отецъ Дадамей, и напиши яже видѣлъ еси: и скажи яже слышалъ еси*. Примечательна в этом примере и архаичная форма повелительного наклонения *буди*. Встречаются в житии и архаичные формы причастий – также при описании действий святого: *Господь же видя раба своего таковую брань творяща, Отець же Авель пришедъ въ себя*.

Несмотря на преобладание современных форм прошедшего времени в «Автобиографии Юрьевского архимандрита Фотия», текст насыщен устаревшими

формами. Среди них преобладают действительные причастия настоящего и (реже) прошедшего времени в полной и краткой формах (*поборая, воскресый, глаголяй, ходяй и ничего не думая, служащи, сродники и знаемии пришедшее, слезящи и болящи душою матери его*) и деепричастия, образованные по непродуктивным в современном русском языке моделям (*стражда, боля и мучась, не стерпя, устрояя, сидя на столпе, собою ведя*). Все эти формы так или иначе связаны с образом архимандрита или с образом благочестивой Анны.

Обнаружены примеры употребления форм причастий прошедшего времени, образованных от глаголов движения, в роли деепричастия: *Такъ Фотий ... възсѣдѣ на колесницу от нея присланную, поѣхалъ къ девицѣ*. Нередко используются архаичные деепричастия м. р. ед. ч. типа *помолився, изумився, устыдився, возвратився, утешився, слышав, заблудив* (подобные формы к середине XVIII века перестали активно использоваться в текстах).

Формы перфекта и аориста чаще всего используются в прямой речи архимандрита (*не отставил мя еси, уповахъ, пребылъ еси во злобе, погибе*). Однако встречаются примеры использования аориста и при описании событий (*изыде тайно, о часе третьем роди его матери его*). Прямая речь главного героя, его внутренние монологи также характеризуются обилием устаревших форм повелительного наклонения (*крѣпись, слыши, глаголи, виждѣ*). Архаичные императивы встречаются и в высказываниях других персонажей: *буди после меня утешение; не забуди меня*. В молитвенных обращениях архимандрита к Богу реализуется архаичное спряжение глагола *въдѣтъ* (*въси, повѣмъ, въмъ*).

Особого внимания заслуживают формы с огласовкой постфикса *-ся*, достаточно часто используемые в тексте (*не убоюся, крѣпись, трудясь*), а также формы инфинитива с суффиксом *-ти* (*глаголати, ясти, молитися*) как средство создания высокого стиля. Однако в одном предложении может присутствовать один и тот же инфинитив в разных вариантах.

Интересно проследить за тем, как в тексте употребляется глагол *быть* в роли связочного компонента. В настоящем времени его присутствие в соответствии с архаичной системой склонения обязательно (*дар свыше есть сходяй от Него, сердце ея есть чисто, что суть оныя*). В прошедшем времени в большинстве случаев употребляется современная форма (*быль срѣтаемъ, отвезенъ былъ, былъ званъ въ домъ, служащи была, несен был*). Подобная дифференциация уже была обнаружена нами в житии отца Авеля.

Конструкции со страдательными причастиями наиболее частотны в тексте: *общий слух был разглашаем, от беса вдыхаемая, рука подъята*.

Ещё одна характерная черта анализируемого текста – обилие глаголов, маркированных, благодаря полногласным приставкам, как лексические церковнославянизмы: *возгласилъ, вопіалъ, сокрывали, не возмог, придешь*.

Особое внимание стоит обратить на формы *подъемлет, прияла, объемля*. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года фиксируются как варианты *принять, обнять* так и *пріимать* («то же, что принимать»), *объяти*¹. Употребления форм с высокой стилистической окраской в сочинении Фотия

¹ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Репринт издания 1847 года. – Том III. – С. 509.

может быть обусловлено либо переносностью значения глагола, либо торжественностью описываемого момента.

Отличительной особенностью глагольного употребления в сочинениях «Излияние сердца» и «Записки для моей грешной, окаянной и слабой памяти» является обилие стативов (*к таковой жизни предызбран, погребена, облечен в рясу*). Подобные формы широко использовались в духовных автобиографиях XVIII века («Дневные записки Святого Димитрия Митрополита Ростовского», «Собственно-ручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко)»). Возможно, таким образом автор выражает преемственность манеры повествования.

Также в текстах иеромонаха велика доля действительных причастий и страдательных настоящего времени (*наставляем советами моей матери, увлекаем, знаки являвшегося на мне предызбрания Божия*).

Архаичные глагольные формы прошедшего времени (аорист и имперфект) 1 и 3 лица ед. ч., как правило, связаны в тексте с лексико-семантической группой «рождение–смерть»: *роди мя мати, преставися к вечней жизни, осиротех аз, уготовася тебе место упокоения*. Примечательно то, что, если речь идет о смерти женщины, употребляется современная форма с суффиксом -л- (*преставилась родительница моя Мария*). Если говорится о смерти монаха, как правило, используется форма аориста.

В молитвенных обращениях иеромонаха к Богу (чаще всего связанных с кончиной близкого человека или деятеля церкви) регулярно используются устаревшие формы императива: *Покой их Г[оспо]ди, благослови начало! Да назидается худость моя! Да укрепит его десница Г[оспо]дня!* Нередко автором используется архаичная глагольная связка *есть*, повышающая регистр синтаксических конструкций (*из всех состояний жизни есть удобнейшая и выгоднейшая жизнь уединенная, свидетель тому есть Бог*).

Книжному характеру стиля отвечает частотность фонетических церковнославянизмов (*облеци, пеиися, востязующего, похощет*).

В рассматриваемых текстах присутствует особая черта, не характерная для «Жития и страдания отца и монаха Авеля» и «Автобиографии архимандрита Фотия (Спасского)», – использование глаголов в настоящем времени, обозначающих временную локализованность автора: *могу припомнить, сие истинно признаю за предызбрание Божие, живо помню, как будто бы в сей час вижу, имею ясные тому доказательства*. События земной жизни соотносятся не только с вечностью, но и с моментом самого повествования.

Таким образом, в проанализированных духовных автобиографиях первой трети XIX века, глагольные формы выступают средством грамматической реализации принципа двоемирия, что в наибольшей степени относится к сочинениям архимандрита Фотия Спасского и отца Авеля. В автобиографических произведениях Арсения Троицкого, в отличие от духовной прозы Фотия и Авеля, устаревшие формы используются не столько с целью противопоставления мира вечного земному миру, сколько по причине смещения точки отсчета высказывания. Повествование о прошлом в произведении при особой духовной значимости событий осуществляется в средневековой житийной манере, а языковое воплощение настоящего по стилистике мало отличается от произведений светских авторов того времени.

Сосуществование церковнославянских и русских элементов является общей характерной чертой всех проанализированных сочинений. Активное формирование языковой нормы в тот период было теснейшим образом связано с культурно-идеологической борьбой между сторонниками европеизации (и секуляризации) и приверженцами «славянских истоков». Причинами употребления устаревших форм во всех рассмотренных произведениях могут быть названы стремление повествователя подчеркнуть ориентацию на средневековую книжную традицию, высокий стилистический регистр самого глагола, частотность его употребления, абстрактность семантики подлежащего, обозначающего субъект при нем.

Литература

1. Автобиография архимандрита Фотия (Спасского) (1792–1838) / сост. В. В. Улыбин, Ю. Е. Кондаков. – СПб. : Алетей, 2015. – 376 с.
2. Грекова, И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01. / И. В. Грекова. – Кемерово, 2014. – 211 с.
3. Жиленков, А. И. Мемуарно-биографические жанры в русской духовной литературе XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] / А. И. Жиленков // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2016. – № 14. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/memuarno-biograficheskie-zhanry-v-russkoy-duhovnoy-literature-xviii-xix-vekov>. – Дата доступа: 22.02.2022.
4. Житие и страдание отца и монаха Авеля // Русская старина : ежемесячное историческое издание : в 174 томах. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. – Т. 12, вып. 1–4. – С. 416–435.
5. Житие преподобного Авеля-прорицателя // изд. Свято-Троицкого Ново-Голутвина женского монастыря. – Коломна, 1995. – 176 с.
6. Запальский, Г. М. Иеромонах Арсений (Тропольский): «Очерк странствования моего по бурному морю житейскому» / Г. М. Запальский // Вестник церковной истории. – 2010. – № 1/2 (17/18). – С. 108–127.
7. Зворыгина, О. И. Форма прошедшего времени глагола как средство создания основного временного плана русской литературной сказки [Электронный ресурс] / О. И. Зворыгина // Известия ВГПУ. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/forma-proshedshego-vremeni-glagola-kak-sredstvo-sozdaniya-osnovnogo-vremennogo-plana-russkoy-literaturnoy-skazki>. – Дата доступа: 30.10.2021.
8. Серегина, Е. Е. Архаичные формы глагола у писателей XIX века / Е. Е. Серегина // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 90–95.

С.В. Грибова, А.Е. Грицук

*(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь)*

НЕОЛОГИЗМЫ С ЛАТИНСКИМИ КОРНЯМИ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Изменение словаря – это естественное движение в языке. Новые реалии вносят в язык свои наименования. Так возникают неологизмы. Провести резкую грань между историей реалий и историей слов часто бывает трудно. Возникает проблема размежевания и взаимопроникновения истории слова и исто-

рии вещи. Мир вещей требует обновления слов, и, чтобы постичь причины словарных изменений, приходится как бы выходить за пределы самого языка, входить в историю общества, историю культуры, науки, искусства.

Обогащение словаря – один из важнейших факторов в развитии языка. Новые слова образуются: 1) средствами самого русского языка – создание новых слов из старых морфем, переосмысление старых слов и т.п.; 2) путем заимствования слов (результат международных контактов), которые обычно активно перерабатываются в языковой системе русского языка [2, с. 3].

В 60–70-е годы XX века появилось много новых слов, связанных с освоением космоса, появлением атома, телевидения, например: космодром, космонавт, лунодром, ракетчик, спутник и др.

В начале XXI века с появлением интернета были заимствованы или образованы новые слова, связанные с виртуальным пространством. Также в словарный запас входят термины, которые относятся к цифровой экономике и связаны с интернет-платежами и новыми видами организации бизнеса и развлечений.

Современный человек должен грамотно использовать в своей речи новые слова и выражения, а также понимать их в речи окружающих. В данной работе мы рассмотрим некоторые неологизмы, которые появились в русском языке в начале XXI века. Лексические единицы были нами отобраны из «Словаря иностранных слов» (2018), составленного Виктором Доминиковичем Скаковским [3].

Огромное количество неологизмов пришло в русский язык из английского, поскольку английский является языком глобального общения. Мы же отобрали неологизмы, в основе которых лежат латинские корни. Это как собственно иноязычные заимствования, которые произносятся практически так же, как в языке-оригинале, так и слова, образованные в русском языке с помощью морфем или путем сложения основ и целых слов из разных языков, в том числе и из русского языка. Необходимо отметить, что слова с латинскими корнями активно начали проникать в русский язык в эпоху Петра I. Латинизмы в большом количестве есть в научной, философской, технической, юридической, медицинской терминологии русского языка. И этот процесс не останавливается: в русский язык в начале XXI в. вошли новые слова латинскими корнями, которые относятся к разным сферам жизни: науке, искусству, спорту, технике, производству и т.д. Мы рассмотрим некоторые неологизмы, связанные с информатикой и бизнесом.

Слова, которые произносятся практически как в языке-оригинале.

Агéнда – от лат. *agendum* вещь, которую надлежит сделать. Слово в новом значении используется в информатике – последовательность операций в ЭВМ [3, с. 13].

Аддéндум – от лат. *Addere* добавлять, прибавлять. В бизнесе: дополнение к договору, в том числе к чартеру, выработанное сторонами, подписавшими договор [3, с. 14].

Аквизи́ция – от лат. *acquisitio* приобретаю, достигаю. В бизнесе: скупка одним лицом или группой лиц контрольного пакета акций компании, означающая приобретение предприятия [3, с. 17].

Неологизмы с уже известными ранее заимствованными корнями.

Антирекла́ма – *anti...* + лат. *reclamare* громко выкрикивать, призывать. Привлечение внимания потребителей к низкокачественным товарам с целью побуждения производителей к устранению недостатков [3, с. 23].

Арт-бизнес – от лат. *ars* искусство + *business* дело. Ранее в русском языке уже были слова с начальным элементом арт- (артефакт). Арт-бизнес – коммерческая деятельность по организации и проведению художественных выставок, аукционов, продаже произведений искусства [3, с. 27].

Видеокарта – от нем. *Videokarte* ← лат. *Video* вижу + *charta* бумага. Термин используется в информатике: особая плата, схема в системном блоке компьютера, отвечающая за формирование изображения на экране монитора [3, с. 60]. В русском языке к началу XXI века уже существовали слова с корнем видео- (виз-): телевизор, видеоигра и др.

Утилі́та – от англ. *utility* система услуг ← лат. *utilitas* полезность. В информатике: обслуживающая программа, облегчающая работу с компьютером или пользование какими-либо другими программами [3, с. 306]. Ранее были известны слова с корнем *utilit-*: утилизация, утилитаризм, утилитарист, утилитарный, утиль в значении 'польза, полезный'.

Форматировать – от нем. *formatieren* ← *forma* вид, наружность. В информатике термин имеет следующее значение: определенным способом располагать (расположить) и представлять (представить) данные в памяти компьютера или на внешнем носителе [3, с. 321]. В русском языке латинский корень *form-* встречается в словах 'формат', 'формироваться'.

Новые слова, образованные путем сложения уже известных слов (основ).

Демовёрсия – от лат. *demo(nstratio)* показывание + *versio* поворот. В информатике: демонстрационная версия программы, сайта и т.п., созданная в рекламных целях и предоставляющая пользователям доступ к ресурсу в ограниченном по времени и (или) неполном по функциям объеме. Другие названия: лайт-версия, триал-версия, шареварная версия (от *shareware*) [3, с. 81]. В русском языке уже есть слова с корнем *demonstrati-*: демонстрация, демонстрировать, демонстратор, демонстрант, демонстративный и с корнем *versio* – версия.

Криптовалюта – от греч. *kryptos* тайный + итал. *valuta* ← от лат. *valere* стоить. Это финансовый термин: вид цифровой валюты, подкатегория электронных денег, используемых как альтернативная форма платежа [3, с. 147]. Слова с греческим корнем *krypt-* уже известны носителям языка, например: крипто, криптограмма, криптофиты. Латинский корень *val-* встречается в следующих словах: валюта, валютирование, валютный.

Новые слова, образованные от латинского корня, но пришедшие посредством заимствования из другого языка.

Акцепту́ация – от фр. *acceptation* ← лат. *acceptare* принимать, одобрять; допускать. Юридический термин: заключение договора по предложению другой стороны. Финансовый термин: обязательство платить предъявленный счет, вексель в намеченный срок. Финансовый термин: согласие банка гарантировать выплату необходимой суммы [3, с. 19].

Аме́ндмент – от англ. *Amendment* поправка ← лат. *amendo* удалять. Поправка, незначительное изменение, дополнение в документе, резолюции [3, с. 20].

Атрибу́тика – от фр. *attribut* ← лат. *attributus* – приданный, предназначенный. В информатике: атрибутика файла – фиксируемые свойства файла – дата и время последнего его изменения, пометка о том, является ли он скрытым, и некоторые другие параметры [3, с. 30].

Новые слова, которые уже существовали в языке, но в настоящее время приобрели или дополнительный смысловой оттенок, или новое значение. Здесь нужно говорить о семантической деривации – то есть о развитии в уже существующем слове нового, вторичного значения на основе сходства вновь обозначаемого явления с явлением уже известным.

Антив́ирус – от англ. *antivirus* ← *anti...* + лат. *virus* яд. Ранее данный термин употреблялся в значении 'лечебный препарат, представляющий собой фильтрат культур микробов, обладающий свойством задерживать размножение именно того вида микробов, из которого получен [1, с. 53]. Сейчас слово 'антивирус' применяется в информатике: компьютерная программа, обнаруживающая наличие вируса в памяти компьютера или на другом носителе информации и нейтрализующая его действие [3, с. 23].

Арка́да – от фр. *arcade* ← *arcus* дуга. Согласно словарю 1998 года, аркадой назывался рядáрок (с пометой 'архитектурное') [1, с. 66]. В настоящее время термин 'аркада' в информатике обозначает 'жанр компьютерных игр, в основу которых положено быстрое перемещение игрока по лабиринтам и различным сооружениям, в которых возникают неожиданные ситуации [3, с. 26].

Сёрвер – от англ. *server* ← *servire* обслуживать. Ранее слово 'сервер' в словаре имело только одно значение: в теннисе и других играх обозначало игрока, вводящего мяч в игру (делающего сервис, т.е. удар) [1, с. 582]. В настоящее время термин 'сервер' употребляется в информатике в следующих значениях: 1) центральное электронное устройство в ЭВМ для накопления и передачи информации подсоединённым приборам (мониторам); 2) сетевой узел (компьютер), позволяющий обмениваться информацией пользователям других компьютеров, подключенных к локальной (на предприятии) или глобальной (Интернет) сети; 3) компьютерная программа, которая обслуживает запросы клиента (другое название – вебсервер) [3, с. 255].

Трансáкция – от англ. *transaction* ← лат. *transactio* соглашение, сделка. Сейчас данный термин употребляется как в уже известном значении 'соглашение (политическое, юридическое) с взаимными уступками' [1, с. 643], так и в новых значениях, в частности, в информатике: пересылка, передача содержательной информации в автоматизированной системе, а также как финансовый термин: банковская операция по переводу денежных средств [3, с. 295].

Новые слова, образованные в русском языке от уже известных латинских корней с помощью новых морфем.

Дезархивáция – от лат. *des-* раз... , от... + *archivum* архив. В информатике: распаковка с помощью архиватора заархивированных файлов, придание им первоначального вида [3, с. 80]. С латинским корнем *archiv-* в словаре новых слов 1998 года есть слова: архив, архивариус.

Дескрíптор – от лат. *de-* о + *scribere* писать. В информатике и лингвистике: стандартизированная единица (слово, словосочетание) поисковой системы, выражающая основное смысловое содержание какого-либо текста и используемая при информационном поиске документов [3, с. 83]. Латинский корень *scrib-* (*script-*) известен, например, в словах 'манускрипт', 'скрипторий'.

Интерактíвный – от лат. *inter-* между, посреди + *activus* деятельный. Данный термин используется в разных сферах человеческой деятельности, например, в

информатике: относящийся к использованию средств и устройств взаимодействия в диалоге «человек – компьютер»; принимающий или передающий информацию по компьютерной сети. Также в социологии: диалоговый, основанный на взаимодействии и взаимовлиянии людей [3, с. 111]. Корень *activ-* уже известен в словах: актив, активатор, активизация, активировать, актив, активность и др.

Интернетизация – степень вовлеченности граждан в использование Интернета; техническое обеспечение страны, региона для подключения к Интернету. Термин появился путем слияния уже известной в русском языке латинской приставки *inter-* между, посреди с английским словом *nat...* (сокращенно от *nation*, что восходит к латинскому *natio* народ, племя. Таким образом, Интернет означает нахождение среди народов.

Экономика и информационные технологии в современном обществе занимают ведущие места по степени значимости для развития общества, следовательно, терминология этих сфер развивается быстрыми темпами, оказывая заметное влияние на терминологическую систему русского языка. Экономическая терминологическая лексика часто проникает в активный словарь носителей языка, которые не связаны экономикой в своей профессиональной деятельности. Так, некоторые новые слова-термины более известны нашим современникам, например, сервер, криптовалюта, видеокарта и т.д., поскольку были заимствованы более пяти-десяти лет назад и уже вошли в активный словарный запас. Другие термины (например, амендмент, акцептуация и др.) менее известны, так как обозначают узкоспециальные понятия, были заимствованы несколько лет назад и находятся на стадии начального употребления в языке.

Литература

1. Большой словарь иностранных слов в русском языке. – М. : Юнвес, 1998. – 784 с.
2. Брагина, А. А. Неологизмы в русском языке. Пособие для студ. и учителей. – М. : Просвещение, 1973. – 224 с.
3. Скаковский, В. Д. Словарь новых иностранных слов / В. Д. Скаковский. – Минск : Белорус. ассоц. «Конкурс», 2018. – 368 с.

А.В. Макарэвіч

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
г. Мінск, Беларусь)

АСАБЛІВАСЦІ СЛОВАЎЖЫВАННЯ БРАМА, БРАМНІК У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Гісторыю ўжывання ў беларускай мове слова **брама** і вытворнага ад яго **брамнік** прааналізуем на падставе лексікаграфічных крыніц. Ёсць розныя меркаванні пра паходжанне лексемы **брама**, напрыклад, паводле “Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы”, яна прыйшла ў беларускую мову з чэшскай праз пасярэдніцтва польскай: **брама** ‘вароты’, укр. *брама*, рус. дзял. *брама*. Запозычэнне з польскай *brama* ‘тс’ (ст.-польск. *brana, brama, brona, brota*), якое запозыч. з чэш. *brano* ‘тс’ (а гэта да дзеяслова **borniti* ‘абараняць’)... [1, т. 1,

с. 377]. На думку А. Булыкі, назва паходзіць праз польскую з нямецкай мовы: **брама** (польск. *brama*, ад ням. *Brame*) – крытыя зверху вароты, якія закрываюць уваход на тэрыторыю завода, двара і інш. [2, т. 1, с. 245]. У старабеларускай мове лексема вядома з XVI ст. у значэнні ‘вароты’: **брама, брана** і *Вароты*. идучи отъ sluцкое брамы, клѣткисъ конца порядкомъ личечи шесть, тые на часть нашу zostали (АСД, III, 36, 1571) [3, вып. 2, с. 187–188]. І. Насовіч у “Слоўніку беларускай мовы” (1870) лічыць адзінку **брама** мнагазначным словам і змяшчае таксама вытворныя ад яго **брамнікь, брамница, брамный: Брама**. 1) Крѣпостныя ворота. 2) Городскія ворота на главныхъ вѣздахъ въ городъ. 3) Тріумфальныя ворота. Королевская брама. 4) Ворота замка. Замковая брама. 5) Ворота въ господскомъ или заѣздномъ домѣ по большимъ городамъ. 6) Ворота у церковной ограды и монастырской [4, с. 32].

У сучаснай беларускай мове пачатку XX стагоддзя семантыка лексемы **брама** звужалася і слова ўжывалася ў значэнні ‘двухстворкавыя ўязныя вароты’. Тагачасныя слоўнікі 20-х гадоў XX стагоддзя зафіксавалі і такое тлумачэнне назвы: **брама** – вароты замка, крэпасці [5, с. 22]. У перакладных даведніках другой паловы XX стагоддзя змешчаны **брама, брамнік, брамніца** без усялякіх памет [6, с. 505; 7, с. 130]. Складальнікі “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы” (1977–1984) адзінкі **брамнік, брамніца** залічылі да ўстарэлай лексікі, пазначыўшы іх паметай *уст.*: **Брамнік**. Уст. Вартаўнік, дзяжурны пры браме, пры ўваходзе куды-н. **Брамніца**. Уст. *Жан. Да брамнік* [8, т. 1, с. 399]. Аналагічна лексемы змешчаны і ў “Слоўніку беларускай мовы” (1987). “Слоўнік сучаснай беларускай мовы” (2009) рэгіструе **браму**, а **брамнік** пазначае паметай *уст.* [9, с. 50]. Змены ў палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным развіцці ў канцы XX – пачатку XXI стагоддзя ў Беларусі паўплывалі на тое, што паступова назвы **брама, брамнік** сталі больш актыўна выкарыстоўвацца, найперш у спартыўнай сферы. Лексема **брамнік** набыла значэнне ‘варатар’ у сучаснай беларускай літаратурнай мове. Складальнікі “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы для школьнікаў” (2009) адзначаюць яе як мнагазначнае слова: **Брамнік**. 1. *устар.* Вартаўнік, дзяжурны пры браме. 2. Варатар [10, с. 74]. П. Купрысь і Д. Яндальцаў **брамнік** у другім значэнні адносяць да гістарызмаў, змясціўшы памету *гіст.* (гістарычнае), і перакладаюць на рускую мову такім чынам: **брамнік** 2. *гіст.* стражнік у ворот [11, с. 33]. Аўтары “Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы” (2016) рэгіструюць толькі назву **брама** ‘шчыльныя, на дзве палавіны, крытыя зверху вароты, якія закрываюць галоўны ўваход на тэрыторыю горада, завода, двара і інш.’, адзінкі **брамнік, брамніца** не падаюць. На думку Ф. Піскунова, **брама** і вытворныя ад яе **брама-званіца, брамнік, брамніца** з’яўляюцца агульнаўжывальнымі словамі сучаснай беларускай літаратурнай мовы [12, с. 137].

У наш час назва **брамнік** выкарыстоўваецца пісьменнікамі для напісання гістарычных твораў, напрыклад, С. Струкава ў “Слоўніку архаізмаў і гістарызмаў” (2007) змяшчае лексічныя адзінкі **брамнік** і **брамнае** і прыводзіць прыклады ўжывання гэтых найменняў у мастацкіх тэкстах: **Брамнік**. Вартаўнік, дзяжурны пры браме, пры ўваходзе куды-н. *Маці Анастасся зразумела, што брамнікі гатовыя біцца, і спуцілася да іх* (К. Тарасаў. Тры жыцці княгіні Рагнеды. – ТЖ, 113). **Брамнае**. Плата за праезд праз гарадскую браму на кірмаш. Прыехаў на рынак; тут здэёрлі дзесятку **Брамнага**, ці як там, за штосьці казалі...

(Ф. Багушэвіч.. Песні – Выбр. тв., 101) [13, с. 75–76]. Адзначым, што ў сваёй манаграфіі “Лексіка беларускай мовы” (2008), аналізуючы сістэму падаткаў і павіннасцей у сярэдневяковай Беларусі, даследчыца адзінку **брамнае** не згадвае.

Словы **брама** ‘двухстворкавыя вароты’, **брамка** ‘веснічкі’ ўжываюцца і ў дыялектнай мове беларусаў. На Віцебшчыне, да прыкладу, захаваўся абрад з такой назвай: **Брама**¹, *абрад*. У вясельным абрадзе перашкода на шляху маладых з пачастункам дзеля таго, каб маладыя заплацілі грошы [14, с. 90].

Такім чынам, прааналізаваны фактычны матэрыял сведчыць, што запазычанне **брама** ‘вароты’ замацавалася ў старабеларускай мове ў XVI ст. Былі розныя перыяды ўжывання гэтага слова, напрыклад, прыблізна да 20-30-х гадоў XX стагоддзя яно актыўна выкарыстоўвалася. За савецкім часам, можна сказаць, знаходзілася ў пасіўным складзе беларускай лексікі, хоць у даведніках паметы ўст. не мела. У выніку змен у палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным развіцці ў канцы XX – пачатку XXI стагоддзя ў Беларусі ўжыванне назвы **брама** ў сучаснай беларускай мове актывізавалася, найперш у спорце. Вытворныя ад яе **брамнік**, **брамніца** паступова перасталі актыўна выкарыстоўвацца, сталі ўстарэлымі словамі. Аднак сёння назіраецца працэс “вяртання” адзінкі **брамнік** ва ўжытак, якая, пашырыўшы семантыку, стала выкарыстоўвацца ў і значэнні ‘варатар’.

Літаратура

1. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: У 1–14 т. / рэдкал.: В. У. Мартынаў [і інш.]; рэд. В. У. Мартынаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978–2006. – 14 т.
2. Булыка, А.М. Слоўнік іншамоўных слоў: У 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск: БелЭн, 1999. – 2 т.
3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 2, Биець–Варивный [Склад. А. П. Груцо, Н. Ц. Кажура, І. І. Крамко і інш.]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1983. – 320 с.
4. Насовіч, І.І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск : БелСЭ, 1983. Факс, выд.: СПб: Типогр. Император. Акад. Наук, 1870. – 756 с.
5. Гарэцкі, М. Беларуска-расейскі слоўнік. Выданне III (пераробленае). / М. Гарэцкі. Дзяржаўнае Выдавецтва Беларусі. – Менск, 1925. – 175 с.
6. Русско-белорусский словарь. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 788 с.
7. Белорусско-русский словарь / Под ред. К. Крапивы. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – 1048 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : У 5-ці т. 6 кн. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1977–1984. – 5 т. 6 кн.
9. Завальнюк, У. М. Слоўнік сучаснай беларускай мовы / У. М. Завальнюк, М. Р. Прыгодзіч, В. К. Раманцэвіч. / пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча, У. М. Завальнюка. – Мінск : Нар. асвета, 2009. – 399 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы для школьнікаў / уклад.: І.Л. Капылоў, С.Я. Рапацэвіч. – Мінск : Соврем. шк., 2009. – 480 с.
11. Купрысь, П. Д. Вялікі беларуска-рускі слоўнік / П. Д. Купрысь, Д. М. Яндальцаў. – Мінск : Зарвест, 2015. – 576 с.
12. Піскуноў, Ф. А. Вялікі слоўнік беларускай мовы : Арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка каля 223 тысяч слоў / Фёдар Піскуноў. – Мінск : Зміцер Колас, 2012. – XVI + 1196 с.
13. Струкава, С. Слоўнік і гістарызмаў (па творах беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі) / С. М. Струкава. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 655 с.
14. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / Л. І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск : “ВДУ імя П. М. Машэрава”, 2012. – Ч. 1. – 304 с.

ПРОБЛЕМА ЭТИЧНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТА В ТВОРЧЕСТВЕ М. БУЛГАКОВА

В XX веке мир осознал истинную цену научного прорыва. Проект «Солнечный свет», эксперимент в Уиллоубруке и другие заставили человека задуматься о соотношении науки и этики. Допустим ли неэтичный эксперимент, если на кону настоящий прорыв? Этот вопрос, кажется, в большей степени затрагивает зарубежные произведения Р. Брэдбери, Ф. Дика, К. Воннегута и др. Однако вопрос этичности эксперимента и ответственности за его последствия поднимали отечественные писатели, в частности, М.А. Булгаков. Любовь Михаила Афанасьевича к медицине и сатире дали выдающиеся творческие плоды в виде повестей «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Написанные с небольшой разницей в 1924–25 гг., произведения объединены проблемой этичности эксперимента над живым существом.

Описывая главного героя «Роковых яиц», Булгаков рисует однозначно отрицательный образ: профессор Персиков, говорящий на 4 языках, кроме родного русского, посвятил свою жизнь «голым гадам» [1]. И такое описание его страсти рефреном проходит через всю повесть. Едва ли Персикова можно назвать человеком, он по своей природе Человек Исследующий, промежуточный вид. Даже лежа в лихорадке профессор думает о Суринамской жабе. Человеческие качества в нем, наличие символичной для Булгакова лампы под зеленым колпаком и слезы по почившей бывшей жене, – атавизм, отвлекающий от работы. И хотя вся жизнь Персикова посвящена «голым гадам», он действительно любит этих странных существ и питает к образцам привязанность, профессор не испытывает ровным счетом ничего, распиная живую лягушку.

Булгаков, видя в земноводном чувствующее существо, персонифицирует ее, наделяет лягушку мыслью, речью и сознанием. Перед смертью, замученная, она вербально выражает ненависть к ученым, ее препарировавшим: «Сволочи вы, вот что...» [1]. Так автор, возможно, сам не раз проводивший такие эксперименты, обучаясь медицине, выражает свою однозначную позицию к бесчеловечности Персикова. Лягушка при этом распята, как символ жертвы всех подопытных животных, отправленных на заклание во имя человеческой науки.

Совершенно иные чувства у профессора вызывают его инструменты: «Побледнел и занес руки над микроскопом, так, словно мать над дитятей, которому угрожает опасность» [1]. Булгаков прибегает к очень яркому и довольно однозначному сравнению, чтобы описать качества этого нового вида, Человека Изучающего. Живые подопытные, медленно умирающие от болевого шока под светом кабинетной лампы, не вызывают сочувствия в Персикове, в отличие от микроскопа, где сосредоточено все его существо. Открыв луч жизни, профессор отмечает: «Выжившие были ужасны» [1]. Но этот ужас ничуть не смущает ученого. Единственное сомнение, омрачившее за все время ход его эксперимента, была «маленькая заминка» – вопрос авторских прав на исследование [1].

Окружающие описывают происходящее как «чудовищное», но ни это, ни хаос, создаваемый экспериментом, ни однозначные предзнаменования зла – «На морде жабы даже после смерти было злобное выражение» – ничто не смутило Персикова. Разросшуюся популяцию подопытных ученых приказал травить «ядами», чтобы не мешали работать.

Отношению Персикова к животным Булгаков противопоставляет деревенских жителей, которые носятся за курами, отпаивая их и приговаривая ласковые слова, чтобы избавить несушек от куриной чумы. Здесь, вдали от университетского кабинета, животным отдают должное, ведь от них зависит сама жизнь. Описывая животных, автор прибегает к антропоморфизму: «вид у ужа был такой, словно тот собрался куда глаза глядят, лишь бы только уйти» [1]. «Голые твари» обладают самосознанием, развитой чувственно-эмоциональной сферой и подобием верований («хохлатка закатывала грустные глаза на солнце так, как будто видела его в последний раз»). Эта дихотомия живое-неживое, где живое представлено зверями, подчеркивает духовное омертвление ученого. Персиков, в отличие от той же умирающей хохлатки, на протяжении текста почти не проявляет глубоких эмоций, не проявляет гуманизма — всего того, что ожидается от человека «высокой культуры», каким должен быть профессор. В этом аспекте он проигрывает Преображенскому, прототипом которого выступил и который способен на эмпатию и сочувственность.

Одновременно с чудовищными экспериментами Персикова в губерниях начинается мор, который скоро переходит на всю страну и передается от животных к людям. Булгаков, как человек верующий, выросший, несмотря на советский атеизм, в религиозной семье и известный обилием христианских мотивов в своих произведениях, вводит в повествование отсылку к Апокалипсису и его предзнаменованиям. Описание происходящего также можно связать с чашами гнева Апокалипсиса: обилие крови, язвы и иссушающий зной. Автор намеренно связывает эти два события, чтобы выразить свое отношение к эксперименту: подобное вмешательство нарушает мировую гармонию так в биологическом, так и в христианском дискурсе. Не зря существа, создаваемые лучом, описаны как «злые», что имеет смысл только в парадигме, где добро и зло разграничено. Простые жители деревни, далекие от зоологической науки, так же определяют эксперименты как пришествие Антихриста. Персиков во всем этом хаосе поддается греху гордыни, теряет все человеческое и «срезает» студента одного за другим [1]. Важное во всех отношениях спасение кур профессора раздражает, он с большой неохотой отправляется заниматься чем-то для него бесполезным, отвлекающим от главного эксперимента.

Сатирическая составляющая повести поистине блистательна: человек, взявший на себя роль творца, создателя новой жизни и покорителя вселенной, обращает мир в хаос по простому человеческому недосмотру – ящики с яйцами оказались перепутаны. В описании последствий роковой ошибки также изобилуют яркие описания надвигающейся беды: птицы покидают деревню, на мир опускается тревожная «зеленоватая ночь» [1], а из яиц в лучших библейских традициях вылупляются гады. Эксперимент завершается в зимнем саду, как в символе рукотворного Эдема, где человек, подобного Творцу, создает искусственную, улучшенную для социализма жизнь, но терпит поражение из-за собственной эмоциональности и невнимательно-

сти. Персиков же погибает в хаосе, созданном им самим, и уносит секрет луча жизни в могилу. Эта развязка дает понять: автор придерживается твердой позиции относительно неэтичных экспериментов. Булгаков не просто сочувствует животным, распятым во имя человеческой гордыни, он считает, что подобное вмешательство в принципе не допустимо. Нарушение природного баланса ведет к полному разрушению экосистемы, затрагивающему даже человека, который, казалось бы, как царь пищевой цепи, стоит непоколебимым особняком.

Более конкретно эта позиция выражена в повести «Собачье сердце». Здесь расстановка сил меняется по той причине, что Булгакову необходимо было выразить иную, более социально ориентированную идею, нежели в «Роковых яйцах». Теперь профессор – персонаж однозначно более симпатичный автору, он носит говорящую фамилию Преображенский. Понятие «преображение» несет позитивный смысл как со светской, так и с религиозной точек зрения.

Говорящим является и его имя – Филипп – имя апостола-целителя и воскрешателя мертвых. Преображенский более сочувствующий, более ласковый человек. Он способен на сопереживание и привязанность. В его образе меньше сатирического, чем в образе Персикова. Филипп Филиппович уважает жизнь и является противником насилия в отношении животных. Профессор даже привязывается к Шарику, но разительно преобразается, переступив порог операционной. Он деловито распоряжается органами умерших людей и животных, очень легко относится к возможной смерти на операционном столе и рассуждает об этом холодно и трезво, как о ходе эксперимента. Преобразается ученый и внешне, в тексте по отношению к нему не менее трех раз употребляется эпитет «страшен». Филипп Филиппович мог бы стать Человеком Изучающим, подобно Персикову, не будь у него такого воспитания и окружения. Такого, какое имел сам Булгаков. Шарик же, как жабы и ужи в «Роковых яйцах» имеющий самосознание, память и мышление, описывает Преображенского как «божество» или «жреца», как кого-то, кому позволено вмешиваться в таинство жизни и смерти [1]. Рождение Шарикова приходится на 7 января, что усиливает впечатление как от значимости совершенного, так и от его богохульности. Эксперимент вызывает ужас у всех его участников: Филипп Филиппович падает в обморок, а рука Борменталья срысывается, когда он пишет в журнале наблюдений «чудовище».

Вопрос «Зачем создавать новую жизнь?» в повести остается без ответа (ведь Спинозу можно просто родить, по словам Преображенского [1]). Равно как и в «Роковых яйцах», учеными здесь движет научный интерес, любопытство, поиск границ их возможностей и власти. Преображенский переступает через все человеческое, через свою собственную привязанность, оперируя Шарика. Но так как профессор стоит как личность на более высокой нравственной ступени, чем Персиков, Булгаков дает своему персонажу шанс решить проблему, вынесенную в заглавие нашей работы, относительно правильно. Преображенский вербально выражает позицию автора: «Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей» [1].

Попытка улучшить природу не приводит, по мнению Булгакова, ни к чему, кроме ее разрушения, ведь идеальное улучшить невозможно. Решение возникшего конфликта, однако, является «преступлением» не меньшим, чем действия, его по-

родившие. Здесь и возникает проблема ответственности за последствия неэтичного эксперимента: можно ли искусственно созданных людей считать людьми в полном смысле, нужно ли нести ответственность за их жизнь, как за жизнь собственных детей, или как за жизнь обычных людей? Но это вопрос, поднятый еще Мэри Шелли, остается без ответа и в XXI веке. Шарик здесь субъект и личность, какими были и гады Персикова. Пусть собака и находится на низшей ступени развития, она заслуживает, по убеждению Булгакова, сочувствия и уважения. Для бытия «человеком» недостаточно просто иметь развитые психические функции, нужно иметь достаточно высокий уровень духовного развития, который и проявляется в этическом отношении к якобы низшим формам жизни. С собаки спрос маленький, у нее в повести есть «собачье» сердце, полное, однако, теплоты и преданности, хотя и нет «мозга». С мозгом же собака превращается в человека без сердца. И этот баланс в искусственной форме жизни никак не может быть достигнут, что влечет за собой страдания и животных, и людей.

В своем искрометном стиле, совмещающем живой юмор и элементы драматизма, Михаил Булгаков исследует злободневный для своего времени вопрос этичности вмешательства человека в естественный ход жизни. Автор приходит к выводу, что исследование мира не нарушает его целостности и постоянства, в отличие от продиктованных гордыней человека, как «высшей» формы жизни, попыток природу улучшить, которые разрушают и без того хрупкое равновесие в экосистеме.

Литература

1. Булгаков, М.А. Роковые яйца. Собачье сердце / М.А. Булгаков. – М.: Изд-во «АСТ», 1998. – 352 с.
2. Вохилова, Ш.Ш. Медицинские сюжеты в произведениях М.А. Булгакова (К 125-летию со дня рождения М.А. Булгакова) / Ш.Ш. Вохилова, О.Л. Сигайло, В.С. Яшина // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – № 5, 2016. – 497 с.
3. Менглинова, Л.Б. Социально-философская сатира в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» / Л.Б. Менглинова // Вестник Томского государственного университета, 2007. – № 295. – С. 29–35
4. Фомин, А.Ю. Философские аспекты прочтения художественного произведения: смысл названия повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» / А.Ю. Фомин // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. – Волгоград, 2016. – С. 23–24.

А. А. Радзевіч

*(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
г. Мінск, Беларусь)*

ПУНКТУАЦЫЙНАЯ ПРЭЦЭДЭНТНАСЦЬ У ПРОСТЫМ УСКЛАДНЕНЫМ СКАЗЕ

Граматычная прырода простага ўскладненага сказа, выпрацоўка алгарытмаў яго класіфікацыі, практычнай адаптацыі да патрэб пісьмовай формы маўлення, удакладненне аб'ёму самога паняцця традыцыйна займаюць высокі рэйтынг у

парадыгме сучасных лінгвістычных даследаванняў. Пры гэтым тое, што ўжо, нібыта, знайшло сваё адлюстраванне ў самых разнастайных канцэпцыях і напрамках, даволі часта суправаджаецца асістэмнасцю выпрацаваных падыходаў да вырашэння як навукова-даследчых праблем, так і праблем практычнага асэнсавання простага ўскладненага сказа ў разнастайных яго «праявах» (прапазіцыйнае ўскладненне, мадальныя зрухі, граматычныя змены, выкліканыя зменамі структурнага характару, і інш.).

Падставы для пільнай увагі даследчыкаў гэтай разнавіднасці сінтаксічных структур дастаткова грунтоўныя. Звычайнае структурна-колькаснае пашырэнне сінтагматычнага ланцужка кардынальна змяняе статус паведамлення як ў семантычным плане, так і ў плане яго граматычнай арганізацыі. Змяняецца рытміка-інтанацыйнае поле ўскладненага сказа, характар і зададзенасць камунікатыўнай сутнасці інфармацыі. Параўнайце: *Ды сонца зноў Вяртае сок салодкі На зямлю – Ды сонца зноў, Перацярпеўшы смагу, Вяртае сок салодкі На зямлю ...* (М. Дукса). *Патрэбна людзям слова... – Патрэбна, як хлеб, людзям слова...* (С. Законнікаў).

Вусная форма маўлення для перадачы камунікатыўных нюансаў ускладнення абапіраецца на разгалінаваную сістэму сродкаў, як вербальных (знакавых), так і невербальных (кінестычных). У пісьмовай форме маўлення важным паказчыкам пераразмеркавання семантычных роляў пры ўскладненні з’яўляецца пунктуацыя. Менавіта пры дапамозе пэўных знакаў прыпынку мы “ўдакладняем” усе параметры арганізацыі выказвання: яго граматычную будову, сэнсавую зададзенасць, рытма-меладычную і інтанацыйную мадэль. Гэта значыць, што *пунктуацыйныя нормы ў простым ускладненым сказе з’яўляюцца своеасаблівым маркерам ускладнення*¹.

Праблеме пунктуацыйнага «суправаджэння» складаных, неадназначных адносінаў у гэтай разнавіднасці сінтаксічных структур не заўсёды надаецца, на нашу думку, адпаведная ўвага. У большасці выпадкаў мы арыентуемся на пунктуацыйныя стандарты, зафіксаваныя ў нарматыўных заканадаўчых актах, вучэбных матэрыялах, навуковых даследаваннях [1; 2; 4; 5; 10; 12].

Але, як паказвае практыка і аналіз пісьмовай тэкставай дзейнасці, усё часцей мы бачым спробы выйсці за межы пунктуацыйнай кадыфікацыі. Пры гэтым, у адным выпадку, даследчыкі максімальна арыентуюцца на патрабаванні пунктуацыйных правіл, «звяраюцца» з «жорсткімі» патрабаваннямі адпаведных нормаў: афармленне адасобленых і аднародных членаў сказа, мадальных кампанентаў, параўнальных канструкцый, звароткаў і інш.² У другім, шукаюць

¹ Нават у “звычайнай сітуацыі” пунктуацыя можа адлюстроўваць спецыфіку рэалізацыі сінтаксічных адносін. На гэтым заснаваны, напрыклад, нормы пастаноўкі працяжніка паміж дзейнікам і выказнікам, якія не адпавядаюць марфалагічнаму статусу выражэння прадмета маўлення ці яго прэдыкатыўнай адзнакі. Менавіта такім чынам фіксуецца немарфалагізаванасць аднаго з кампанентаў граматычнай асновы, што перадаецца адпаведным напісаннем: *Сэрца – то спрасаваны стагоддзямі порах, Міна незразумелай дакладнасці: Бывае, не разрываецца ад вялікага гора, А ўзрываецца ад маленькай радасці* (Я. Сіпакоў). *Жыць – сеяць, / а не жаць: / запомніце, як запаведзь, сябры...* (Я. Хвалеі).

² Паказальным у гэтым выпадку з’яўляецца дыскусія ў сеціве адносна пунктуацыі ў хрэстаматыйным для тлумачэння значэння і важнасці пунктуацыі выказванні «*Памілаваць нельга пакараць*». (Дарэчы, у СМІ камунікацыйная неадназначнасць гэтай канструкцыі спарадзіла самыя разнастайныя варыянты назваў для артыкулаў з прапановай чытачу самому вырашыць развіццё той ці іншай сітуацыі: *Адмовіць нельга цвёрдзіць* (Роднае слова); *Скараціць нельга пакінуць* (Звязда); *Забыць нельга адпомсціць* (Новы Час); *Пакараць нельга*

аргументы для праяўленняў так званай аўтарскай пунктуацыі³, асэнсоўваюць пунктуацыйную варыянтнасць, поліфункцыянальнасць знакаў прыпынку, крытэрыі ідэнтыфікацыі ідэастылю аўтара, пунктуацыйную стратэгію тэксту, карэктнасць сфармуляваных палажэнняў пунктуацыйных нормаў, псіхалінгвістычныя падыходы да вывучэння пунктуацыі [Гл., напрыклад: 6; 7; 8; 9; 11; 13; 14; 15; 16].

Пры ўсёй разгалінаванасці вектараў вывучэння простага ўскладненага сказа мы, тым не менш, хочам акцэнтаваць увагу на некаторых аспектах: адзначанае намі вышэй пераразмеркаванне сінтаксічных сувязей пры ўскладненні патрабуе адпаведнага ўдакладнення яго характару на фармальна-граматычным узроўні, зафіксаваным у патрабаваннях неабходнага пунктуацыйнага афармлення семантыка-сінтаксічных трансфармацый.

Мы не агітуем за кардынальны перагляд традыцыйных пунктуацыйных алгарытмаў, што, як нам падаецца, у большасці выпадкаў адпавядаюць статусу нарматыўнасці, больш таго, канцэптuallyнай прыроды (граматычнай, сэнсавай, інтанацыйнай), на якую арыентуецца паняцце *норма*. Але ў межах артыкула плануем акрэсліць некаторыя праблемы, што вынікаюць з практычнага асэнсавання пунктуацыйных нормаў для ўскладненага сказа. У прыватнасці, злучнікавых комплексаў аднародных членаў сказа. Пры функцыянальнай разнастайнасці (аднародныя дзейнікі, выказнікі, азначэнні, дапаўненні, акалічнасці) алгарытм пунктуацыйнага афармлення аднародных кампанентаў дастаткова лагічны і зразумелы: *Кулік ці мо вецер За грэбляй упоцёмках плача* (А. Бажко); *Хтось пераблытаў і змяшаў Мелодыю з лясным дыханнем* (Р. Баравікова); *Я люблю напеў таполяў, Шэпат клёнаў і бяроз, Зачарован*

злітавацца: беларускі нацыяналізм у даследаванні Пэра Андэрсэ Рудлінга (Беларускі гістарычны агляд) і г. д. Сама па сабе ў гэтым выпадку напрошваецца выснова, магчыма, гіпатэтычная, аб семіятычнасці пунктуацыі і яе «камунікатыўнасці», што можа спараджаць сінтаксічныя прэцэдэнтныя адзінкі: «*І звініць каса, ўспамінаючы, ... Што яна сталёвая коска сказа «Памілаваць нельга пакараць»*» (В. Шніп. Каса)).

Псіхалаг Ганна Жукава на старонцы «УКантакце» проста ашаламіла усіх сцвярдзеннем: «Прышоў час разбурыць вашы дзіцячыя ілюзіі з нагоды фразы *Пакараць смерцю нельга памілаваць*. Нідзе ў гэтай фразе не патрэбна коска! *Пакараць смерцю: нельга памілаваць* (дзукроп'е: *таму што*). *Пакараць смерцю нельга – памілаваць* (працяжнік: *таму*). Так, вам хлусілі усё дзяцінства, жывіце з гэтым» (https://vk.com/wall2042341_3367). Нібыта доказна і справядліва, тым больш, адпавядае пунктуацыйным нормам. Але апаненты, якія адгукнуліся на гэтае сцвярдзенне, арыентуючыся на сістэмнасць адносінаў у мове, прыводзілі больш лагічныя аргументы да самых разнастайных варыянтаў (магчымыя ўсе знакі прыпынку) афармлення гэтай фразы ў залежнасці ад семантыкі і камунікатыўнай сітуацыі. Можна толькі пагадзіцца з Аленай Астроўскай, філолагам, выкладчыкам, што «*знакі прыпынку – віртуозная камунікацыя. Яны здольныя паласнуць лазерам па сэрцы, ахінуць пледом клопату або штурнуць на барыкады. Усё залежыць ад умення выкарыстоўваць гэты шматгранны інструмент*» (https://dzen.ru/media/forma_slova/kaznit-nelzia-pomilovat-kakie-znaki-preripaniia-vozmojny-5e1b03f498fe7900b031b80a). Відаць, можна казаць пра пунктуацыю як своеасаблівы інструментарый катэгарызацыі як камунікатыўнай, так і граматычнай семантыкі.

³ Нам падаецца цікавым і перспектыўным даследаванне аўтарскай пунктуацыі (нестандартнай, супярэчнай сучасным нормам пастаноўкі знакаў прыпынку) з пункту гледжання камунікатыўна-прагматычнай канцэпцыі спараджэння і ўспрымання так званай «натуральнай» пунктуацыі ва ўмовах рэальных зносін: «*Сінтаксічная неадназначнасць тэксту падрозумяе неадназначнае тлумачэнне чытачом: пры адным прачытанні тэкст мае адзін сэнс (напрыклад, той, які меў на ўвазе аўтар), пры іншым прачытанні – іншы (варыянт інтэрпрэтацыі чытача). <...> Механізмы спараджэння і ўспрымання такіх тэкстаў павінны быць нязменнымі ад канкрэтнага сэнсу (камунікатыўнага намеру) да пісьмовага коду і ад пісьмовага кода да «эксплікацыі» канкрэтнага сэнсу (камунікатыўнага намеру)*» [8, с. 21]. Базіснай у гэтым выпадку, канешне, з'яўляецца канцэпцыя паверхневых і глыбінных структур тэксту: «*...паверхневыя схемы інтэрпрэтацыі пісьмовага тэксту пры яго звычайным прачытанні, да якіх адносіцца і пунктуацыйны алгарытм, падпарадкаваны глыбінным схемам, што адносяцца да структур успрымання і разумення тэксту*» [9, с. 129].

жытнім полем Я да **радасці і слёз** (А. Астрэйка); *Косы ўтыкалі канцамі касільнаў у мяккую пакошу, а самі адыходзіліся трохі і залягалі або рассядаліся на сушэйшым, падгрэбеным узмежку* (Я. Брыль); *Усё, што ён ведаў, бачыў, назіраў і чуў, занатоўваў і захоўваў у сваёй памяці* (А. Бутэвіч).

Як паказвае аналіз практычнага моўнага матэрыялу, асновай для пунктуацыйнага афармлення аднароднасці з'яўляюцца: 1) характар адносінаў паміж аднароднымі членамі сказа, зафіксаваны злучнікамі *а, і, ды, але, або, ці, не то, ці то, не толькі – а і, не то што – а і* інш.; 2) асаблівасці структурнай арганізацыі аднароднага ланцужка, адлюстраваныя ў колькаснай характарыстыцы злучнікаў (адзінкавасць, паўторнасць, парнасць); 3) характар арганізацыі самога выказвання, які залежыць ад камунікатыўнай задачы, актуальнага членення, падпарадкаванага інтэнцыям моўцы. Пры гэтым граматычны «статус аднароднасці» кампанентаў (супадзенне сінтаксічнай функцыі ў сказе, тоеснасць адносінаў са стрыжнёвым кампанентам, заснаваная на адзінай семантычнай прымеце) могуць не ўлічваецца. Напрыклад, толькі пазіцыя (па сутнасці, структурны паказчык) пасля азначаемага слова надзяляе «рангам аднароднасці» атрыбутыўныя кампаненты, што не адпавядаюць гэтым параметрам: ...**Густы сярэбраны** *касяк гарбушы, адна ў адну, адцэдзваецца і апускаецца ў лодку-басейн, кунгас, і адтуль – жыўцом на канвеер* (Я. Брыль) і *Касяк гарбушы, густы, сярэбраны, адна ў адну, адцэдзваецца і апускаецца ў лодку-басейн, кунгас, і адтуль – жыўцом на канвеер*⁴. І *Сушчэння, разгарачаны і спатнелы, у адной кашулі, прыпусціў з пагорачка крыху ў іншы бок*)... (В. Быкаў)

Неабходна адзначыць, што як даданыя, так і галоўныя члены сказа парознаму прымаюць удзел у арганізацыі структуры аднароднага рада [5, с. 149]. Відавочна, трансфармацыі выказніка (характар пашырэння, месца ў сказе, спосаб выражэння) прыводзяць да парушэння сінтаксічнай раўнапраўнасці, семантычнай аднапланавасці – прыярытэтных паказчыкаў аднароднасці [5, с. 146]. Гэта і спарадзіла дыскусію адносна кваліфікацыі простага сказа, ускладненага аднароднымі выказнікамі. Кардынальна процілеглыя меркаванні (*просты ўскладнены сказ, складаназлучаны монасуб'ектны, пераходная паміж простым ускладненым і складаназлучаным сказам канструкцыя*) супадаюць у адзіным: неадназначным характары арганізацыі сказа з некалькімі выказнікамі. Нават Л.І. Бурак, які катэгарычна не пагаджаўся са сцвярджэннем аб змяненні аднароднымі выказнікамі структуры сказа і яго кваліфікацыі ў такім выпадку як складаназлучанага, тым не менш адзначаў: «*Але гэта не значыць, што паміж складаназлучанымі і простымі сказами з аднароднымі членамі існуе выразная мяжа. У тых выпадках, калі развітыя выказнікі займаюць у сказе дыстантную пазіцыю, яны часта збліжаюцца з няпоўнымі прэдыкатывымі часткамі складаназлучанага сказа... У выніку адбываецца спецыфічны зрух у сэнсава-граматычным характары ўсяго сказа, які прыводзіць да адпаведнага*

⁴ Гл., напрыкл.: Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі: «3. Калі да аднаго назоўніка або займенніка ў сказе адносяцца некалькі адасобленых азначэнняў, выражаных дзеепрыметнікавымі і прыметнікавымі словазлучэннямі або адзіночнымі азначальнымі словамі, то яны **раздзяляюцца коскамі як аднародныя члены сказа**». (Выдзелена намі. – Р.А.) [13, с. 87].

расчлянення сказа, семантычнага ўзбагачэння кожнай з расчлянёных частак і набыцця імі большай граматычнай самастойнасці» [5, с. 150].

Паколькі дзеяслоўная форма выступае асноўным носьбітам прэдыкатыўнасці, праецыруючы субкатэгорыі мадальнасці, часу, персанальнасці на пазамоўную сітуацыю, ёсць падставы для размежавання «класічнай» аднароднасці ў форме монасуб'ектнага монапрэдыкатыўнага выказвання і аднароднасці, якая з'яўляецца, па сутнасці, прадуктам семантыка-граматычнай кампрэсіі ў форме монасуб'ектнага поліпрэдыкатыўнага выказвання.

З аднаго боку, дзеяслоўная аднароднасць не прычыць монасуб'ектнасці, рэалізаванай у простым монапрэдыкатыўным, але ўскладненым сказе: *А чалавек **стагнаў, стагнаў і клікаў*** (Л. Арабей); *Ён усё **думаў і думаў*** (В. Гапееў); *Жаданне **абарвецца і растае**...* (Я. Янішчыц); *Санкі толькі **скрыпелі** ды пагрозліва **перавальваліся** з боку на бок на выбоінах...* (У. Дамашэвіч). З другога, назіраем сітуацыю, калі асобныя вербальныя кампаненты ў залежнасці ад характару пашырэння, іх пазіцыі ў структуры сказа, катэгарыяльнай зададзенасці адлюстроўваюць тую самую «граматычную самастойнасць», а значыць сігналізуюць аб адпаведных сэнсава-граматычных зрухах, своеасаблівым «расчляненні сказа», пра што і пісаў Л. І. Бурак: *Цяжка ўпаў і востра зазвінеў на падлозе пад сталом жалезны відэлец...* (В. Адамчык); *Сам старшыня выйшаў, абанёрся рукою на крыло машыны, другую ўпёр у бок, нахіліў набок голаў і глядзеў на брыгадзіра* (А. Жук); *Раптам Юлія Іванаўна ўсхапілася, падышла да акна* (В. Карамазаў); *Як гэта ў Вушачы кажуць, пабарляліся троху, заплацілі ды пад рогат выскачылі галодныя* (Р. Барадулін).

У кожнай з ілюстрацый падкрэслены словаформы, якія ў сваю чаргу пашыраюць змест саміх аднародных кампанентаў. Пры гэтым заўважаецца ўстойлівая тэндэнцыя: павелічэнне разнастайных акалічнасных комплексаў пры кожным з аднародных выказнікаў (*відэлец **цяжка ўпаў і востра зазвінеў на падлозе пад сталом; пабарляліся троху, заплацілі ды пад рогат выскачылі галодныя***), змяненне вектараў скіраванасці дзеяння на розныя аб'екты ў межах аднаго выказвання (*выйшаў, абанёрся **рукою на крыло машыны, другую ўпёр у бок, нахіліў голаў і глядзеў на брыгадзіра; усхапілася, падышла да акна***), не апраўданае для аднолькавай сінтаксічнай функцыянальнасці і граматычнай тоеснасці змяненне трывальна-часавых параметраў аднародных выказнікаў (*выйшаў – абанёрся – упёр – нахіліў – і глядзеў*).

Такім чынам, у адпаведных сітуацыях можна казаць пра *граматычную кандэнсацыю*, што дае права кваліфікаваць такія выказванні як *монасуб'ектныя поліпрэдыкатыўныя*. Калі відавочнасць прыведзеных вышэй аргументаў дастаткова шырока прымаецца, нягледзячы на розны характар іх асэнсавання, то падыходы да неабходнага пунктуацыйнага афармлення поліпрэдыкатыўнасці ў монасуб'ектных выказваннях застаюцца нязменнымі. У пунктуацыі такія нормы не прадугледжаны і зведзены да шырокага разумення аднароднасці. Гэта, на нашу думку, прычыць аднаму з прынцыпаў пунктуацыйных нормаў – граматычнаму: ва ўсіх выпадках усе адзнакі сказа «абавязкова ўлічваюцца, бо толькі ў сваёй сукупнасці яны з'яўляюцца той асновай, на якой грунтуецца сучасная пунктуацыя» [5, с. 307].

Калі ўважліва прыгледзецца да характару адносін у такіх выказваннях, можна заўважыць, што большая частка так званых семантыка-граматычных зрухаў у іх можа быць кваліфікавана як *асобы тып монасуб'ектнага далучэння*⁵. Як паказвае аналіз тэкстаў, пры дастаткова выразным несупадзенні граматычных параметраў прэдыкатыўных цэнтраў пунктуацыя ў такіх выказваннях не выклікае прэрэчанняў і адлюстравана належным чынам: [Старая, сівая бабулька з нейкай бязглуздай вечнай усмешкай і бабулька маладзейшая, ані не харашэйшая за тую, першую.] *Нават больш брудная і ўся закручаная ў нейкія анучы, ды яшчэ і кульгае, горбіцца* (А. Адамовіч); *Усё нібыта так і ёсць, і лёгка вытлумачваецца...* (Т. Бондар); *Вірус жа толькі засмяецца, ды далей у дарогу ішадлівую выпраўляецца* (А. Бутэвіч); *Ён і сапраўды быў падобны на камень, ды і крэпкі, як крэмень* (С. Давідовіч); [– Ты хочаш, каб я кінула інстытут?] *Мама мяне пракляне, і цябе ў першую чаргу* (В. Іпатава).

Што да складаназлучаных сказаў з далучальнымі часткамі, то галоўнае адрозненне іх ад монасуб'ектных поліпрэдыкатыўных канструкцый толькі ў фармальным займеннікавым дубліраванні кампанентаў папярэдняй часткі. Але гэты (па сутнасці, структурны) паказчык, своеасаблівая рэакцыя на пераразмеркаванне роляў пры актуальным члянэнні, зафіксаваны і з'яўляецца асновай для неабходнага пунктуацыйнага афармлення: *Мышцы стала дужа балюча, і яна аж перастала дыхаць* (В. Быкаў); *Ён і Гануся стаялі яшчэ бліжэй да дзвярэй свае кватэры, і гэта выратавала іх* (К. Чорны); *Ён стаяў збоку, слухаў размову старшыні гарсавета з наведвальнікамі, і ў вачах яго, крыху блізарукіх, прыжмураных, свяцілася іранічная ўсмешка* (І. Шамякін).

У асобных выпадках трансфармацыя паказвае, што, нібыта розныя па граматычным характары, гэтыя сказы могуць мець адну сінтаксічную мадэль, але па-рознаму рэалізаваную: *Ёсць іншае, унутранае, жыццё, і яно не менш складанае і часта больш трагічнае...* (Т. Бондар) – *Ёсць іншае, унутранае, жыццё, і не менш складанае і часта больш трагічнае...*; *Мы з Барысам – блазнюкі, падшыванцы, конюх – чалавек стары, ды і недалюбліваў ён нас* (С. Давідовіч) – ... *конюх – чалавек стары, ды і недалюбліваў нас*.

Разам з тым, мы адзначаем і пунктуацыйныя прэцэдэнты, калі дамінуючым падыходам выступае граматычны, што і адлюстравана ў пунктуацыйным афармленні такіх выказванняў: *Я зрабіў – і забыўся* (І. Міско); *А тут работа*

⁵ Мы ўжо адзначалі, што Л.І. Бурак выступаў супраць проціпастаўлення монасуб'ектнасці і поліпрэдыкатыўнасці, каб не «ставіць пад сумненне наяўнасць адзінай катэгорыі аднароднасці, якая ... у аднолькавай меры датычыць усіх яго членаў» [5, с. 150]. Аднак падкрэслівае, што паміж аднароднымі членамі магчымыя не толькі спалучальныя адносіны адначасовасці і сумеснасці, але і адносіны паслядоўнасці, прычынна-выніковыя і ўмоўна-выніковыя адносіны [5, с. 152]. Больш таго, некаторыя ілюстрацыі ў яго падручніку «Сучасная беларуская мова: Сінтаксіс. Пунктуацыя» пацвярджаюць нашы меркаванні аб граматычнай ролі пунктуацыі ў простым сказе: «Зірнуў тады дзед на свайго ментуза – і ледзь не самлеў» (М. Лынькоў) [6, с. 152]. Там жа ён дапускае наяўнасць закрытых расчлянёных радоў, якія ўтвараюцца аднароднымі членамі, аб'яднаны далучальнымі злучнікамі і «выражаюць розныя віды далучальных адносін». Паказальна, што ілюстрацыйны матэрыял, прыведзены Л.І. Бураком для аргументацыі [6, с. 154], у пунктуацыйным плане падаецца неаднастайна: *Горад, ды і вёска перабудоўваліся на новы лад* (М. Зарэцкі) і *Яна першы раз выйшла на маёўку, ды і то на водшыбе прымасцілася* (І. Гурскі). [Выдзелена намі. – А.Р.]

Але неабходна падкрэсліць, што афармленне далучальных адносін як адносін аднародных прэрэчыць самой прыродзе далучальнасці: «Пры далучэнні аднародныя члены семантычна нераўнапраўныя, бо далучаныя члены служаць спадарожнымі кампанентамі, якія ўводзяцца ў сказ для дадатковай характарыстыкі таго, што абазначана стрыжнёвымі членамі аднароднага рада» [5, с. 154]. (Больш грунтоўна [2; 3; 4; 5].)

акордная, зрабіў і – на бакавую... (С.Грахоўскі); *Зрабіў – і спалохаўся...* (В.Ткачоў); *Пасвішча – і перастане ...* (А.Бароўскі); *Прыйшла дамоў – і памерла* (А.Якімовіч); *Гляджу – і вачам не даю веры...* (І.Чыгрынаў). Паказальна: акалічнасныя прычынна-выніковыя і ўмоўна-выніковыя адносіны, адносіны паслядоўнасці, ускладненыя адносінамі сітуацыйнай абумоўленасці і падпарадкаванасці, як дадатковая і выразная падстава пунктуацыі ў вышэйпрыведзеных канструкцыях, вельмі падобныя на выпадкі рэалізацыі адносін паміж аднароднымі выказнікамі ў монасуб'ектных поліпрэдыкатыўных сказах.

Аднак у пунктуацыйных нормах не прадугледжана адпаведная пазіцыя для абазначэння адносінаў аднароднасці, ускладненых адносінамі прэдыкатыўнымі: ***Блаславілі і долю саткалі Хлеб, і песня, і келіх віна*** (Я. Янішчыц); ***Тым не мени Чубар неўзабаве не вытрымаў і рушыў паціху ад вогнішча...*** (І. Чыгрынаў); [У вачах яго мільганулі злосныя агенчыкі.] ***Але толькі на адзін момант, мільганулі і патухлі*** (І. Сяркоў); ***Быццам нейкая лёгкая і чыстая хваля падхапіла і несла яго...*** (М. Стральцоў); ***Тонік не ўтрываў і пабег таксама*** (В. Адамчык); ***Таня прыпынілася на хвілінку ды так і засталася, прымасцілася на крэсле каля сына...*** (Л. Арабей); ***Ішоў Тонік з лесу, арэхаў поўныя кішэні набіў ды і за пазуху яшчэ напіхаў...*** (А. Бароўскі).

Прыведзены вышэй аналіз яшчэ раз падкрэслівае не толькі складанасць гэтай праблемы, але і важнасць яе рашэння для збалансаванага апісання сістэмы аднародных членаў сказа, якая павінна абапірацца на адзіную катэгорыю аднароднасці. Таму размежаванне «монасуб'ектнай аднароднасці» і згорнутай поліпрэдыкатыўнасці павінна быць замацавана на фармальна-граматычным узроўні з выпрацоўкай пэўных пунктуацыйных алгарытмаў⁶.

Літаратура

1. Бадзевіч, З.І. і інш. Пішам па-беларуску: даведнік па арфаграфіі і пунктуацыі з каментарыямі: дапам. для агульнаадукац. устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання / З.І. Бадзевіч [і інш.]. – Мінск : Аверсэв, 2010. – 191 с.
2. Бурак, Л.І. Пунктуацыя ў беларускай мове. Дапаможнік для настаўнікаў і студэнтаў / Л.І. Бурак. – Мінск : Народная асвета, 1969. – 200 с.
3. Бурак, Л.І. Далучэнне ў сучаснай беларускай мове / Л.І. Бурак. – Мінск : БДУ, 1975. – 256 с.
4. Бурак, Л.І. Даведнік па пунктуацыі беларускай мовы / Л.І. Бурак. – Мінск : БДУ, 1980. – 280 с.
5. Бурак, Л.І. Сучасная беларуская мова: Сінтаксіс. Пунктуацыя: [Вучэб. дапаможнік для філал. фак. ун-таў] / Л.І. Бурак. – Мінск : Універсітэцкае, 1987. – 320 с.
6. Бурак, Л.І. Пунктуацыйныя варыянты ў сучаснай беларускай мове / Л.І. Бурак // Беларуская лінгвістыка / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры, Філіял «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы». – 2011. – Вып. 67. – С. 40–44.
7. Бурак, Л.І. Граматычныя ўмовы ўзмоцненага адасаблення / Л.І. Бурак // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы / пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск : РІВШ, 2008. Вып. 7. – С. 29–33.

⁶ Наяўнасць «прэцэдэнтнага афармлення» такіх канструкцый можа стаць асновай для пошукаў кампрамісу, а значыць і ўдасканалення пунктуацыйных нормаў, бо «*пунктуацыйнае афармленне (калі ўжо праведзена першаснае члененне на графічныя словы) ёсць першая інтэрпрэтацыя глыбінных сувязяў тэксту*» (Выдзелена намі. – Р.А.) [11 с. 107].

8. Власов, М.С. Теоретико-экспериментальное исследование процессов порождения и восприятия «естественной» пунктуации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.С. Власов; Бийский пед. гос. ун-т имени В.М. Шукшина. – Кемерово, 2008. – 24 с.
9. Голев, Н.Д., Басалаева, М.Ю. Роль пунктуации в понимании текста (о взаимодействии поверхностной и глубинной структур текста) / Н.Д. Голев, М.Ю. Басалаева // Вестник КемГУ. – 2010. – № 4 (44). – С. 129–133.
10. Ключаў, Г.Н., Юрэвіч А.Л. Сучасная беларуская пунктуацыя. Выд. 2-е, выпр. і дап. / Г.Н. Ключаў, А.Л. Юрэвіч. Мінск : Вышэйш. школа, 1972. – 280 с.
11. Ким, И. Е. Теория русской пунктуации: пространство знака и пространство текста / И.Е. Ким. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 120 с.
12. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Мінск : Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2008. – 141 с.
13. Ищук, Е.Н. Пунктуационный сценарий текста как критерий идентификации идиостиля автора / Е.Н. Ищук // Филология и человек. – 2015. – № 1. – С. 117–124.
14. Саўко, І.Э., Саўко, У.П. Правілы беларускай пунктуацыі: нарматыўны і метадычны аспект / І.Э. Саўко, У.П. Саўко // Мова – літаратура – культура: матэрыялы IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі памяці прафесара А. Я. Міхневіча. – Мінск, 2020. – С. 150–154.
15. Саўчанка, В.М. Стылістычная функцыя знакаў прыпынку ў літаратурна-мастацкім тэксце / В. М. Саўчанка // Беларусь на скрываўанні стагоддзяў: ад класікі да сучаснасці : (да 130-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа) : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, г. Мінск, 1–2 лістапада 2012 г. / [рэдкалегія: В. Д. Старычонак (адказны рэдактар) і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 203–206.
16. Сигал, К.Я. Истоки психолингвистического подхода к пунктуации / К.Я. Сигал // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. – 2022. – Т. 32. – Вып. 3. – С. 529–536.

Я.Р. Самуйлік

*(Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт,
г. Брэст, Беларусь)*

ЛЕКСІЧНЫЯ ЗАПАЗЫЧАННІ СА СЛАВЯНСКІХ І НЕСЛАВЯНСКІХ МОЎ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ: ДЫДАКТЫЧНЫ АСПЕКТ

Пры выкладанні дысцыпліны “Беларуская мова (прафесійная лексіка)” значная ўвага павінна надавацца фарміраванню і засваенню студэнтамі ведаў пра слоўнікавы склад беларускай мовы з улікам розных крытэрыяў яе класіфікацыі (паходжання, актыўнасці выкарыстання, сферы ўжывання, стылістычнай дыферэнцыяцыі). У адрозненне ад фаналогіі, марфалогіі і сінтасісу, якія лічацца закрытымі сістэмамі, лексіка з’яўляецца адкрытым і найбольш пранікальным сегментам мовы. З аднаго боку, яна вельмі аператыўна рэагуе на тыя змены, якія адбываюцца ў жыцці грамадства (так узнікаюць новыя словы), а з другога – захоўвае тое, што на працягу доўгага часу фарміравалася, развівалася і ўдасканалвалася ў нашай мове (яе асноўны слоўны фонд). Паводле падлікаў навукоўцаў, у нашай рэчаіснасці існуе больш за чатыры мільёны натуральных і створаных чалавекам прадметаў.

Незлічонасць моўных адзінак слоўнікавага складу мовы – адметная асаблівасць лексікі, бо колькасць элементарных адзінак на фаналагічным і марфалагічным узроўнях (г. зн. гукаў, марфем) з’яўляецца больш абмежаванай. Аднак пры выпрацоўцы лексічных уменняў і навыкаў у студэнтаў узнікаюць пэўныя цяжкасці. У гэтым артыкуле мы засяродзім увагу на запазычаных словах са славянскіх і неславянскіх моў у беларускай мове.

Лексіка беларускай мовы складвалася, няспынна развівалася і ўдасканалывалася на працягу многіх стагоддзяў. І таму натуральна, што яна ўбірала набыткі розных гістарычных эпох і перыядаў, адлюстроўваючы ўсе змены ў грамадска-палітычным, гаспадарчым жыцці і побыце, што адбываліся ў той час. У выніку адны словы дайшлі да нас з часоў індаеўрапейскага і агульнаславянскага моўнага адзінства⁷, другія належаць да перыяду ўсходнеславянскай еднасці, трэція ўзніклі ў часы фарміравання беларускай народнасці і нацыі, г. зн. належаць толькі беларускаму этнасу, з’яўляюцца ўласнабеларускімі словамі. Усе гэтыя чатыры пласты лексікі нашай мовы прынята ў мовазнаўстве лічыць спрадвечна беларускімі словамі.

Апрача спрадвечна беларускай лексікі, у слоўніковым складзе нашай мовы нямала запазычаных лексем, якія ўвайшлі ў яе з іншых славянскіх і неславянскіх моў. Засваенне любой мовай чужых слоў – натуральны працэс, вынік эканамічных, палітычных і культурных сувязей з іншымі народамі, сведчанне цесных моўных кантактаў. Запазычванне з адной мовы ў другую адбываецца двума шляхамі: вусным, г.зн. праз непасрэдныя кантакты з носьбітамі іншай мовы, і пісьмовым, г.зн. праз навуковую, мастацкую літаратуру, афіцыйныя дакументы, перапіску. Самымі шматлікімі ў беларускай мове з’яўляюцца запазычанні з польскай, лацінскай і нямецкай моў.

Запыччаныя бываюць непасрэднымі, з мовы ў мову, і апасродкаваныя, з дапамогай моў-пасрэдніц. Напрыклад, у беларускую мову з лацінскай або нямецкай праз пасрэдніцтва польскай мовы трапілі словы *грамата*, *гатунак*, *герб*, *гмах*, *кагорта*, *каморнік*, *клямка* і інш. Яшчэ больш моў-пасрэдніц удзельнічала пры запіччванні грэчаскага паводле паходжання назоўніка *аптэка* (ад грэч. *apothēke* ‘склад’), які трапіў у лацінскую мову (*apotheca*), пасля ў польскую (*apтека*). Турэцкае слова *kavun* спачатку ўвайшло ва ўкраінскую (*кавун*), а затым у такім жа фанетычным і графічным афармленні ў беларускую мову.

Працэс запіччвання праходзіў ва ўсе гістарычныя перыяды, г.зн. у індаеўрапейскі, агульнаславянскі, усходнеславянскі, уласна беларускі. І выкліканы ён перш за ўсё гістарычнымі прычынамі, бо народы заўсёды падтрымлівалі паміж сабой гандлёвыя, культурныя сувязі, а вусныя і пісьмовыя помнікі адлюстроўвалі вайсковыя справы, навукова-тэхнічныя адкрыцці і дасягненні. Запазычаныя словы найчасцей прыходзілі ў мову як новыя назвы разам з новымі рэаліямі і паняццямі. Напрыклад, пашырэнне матэматычных, астранамічных, медыцынскіх ведаў выклікала прыток адпаведных запіччанняў з грэчаскай мовы: *асіметрыя*, *гіпатэнуза*, *ромб*, *тапаграфія*, *трапецыя*, *тэарэма*, *цыліндр*, *эліпс*; *апагей*, *астраномія*, *астэроід*; *артэрыя*, *аорта*, *арытмія*, *бронхі*, *траўма*, *трахея*, *тромб*. Пачатак паветраплавання прывёў да

⁷Размежаваць індаеўрапейскія і агульнаславянскія словы паводле паходжання даволі цяжка.

запазычвання адпаведнай французскай (*аэраплан, ангар, аэробус, пілот, парашут*), галандскай (*штурвал, штурм*) лексікі.

Пранікненне ў мову запазычаных слоў выклікаецца і ўласналінгвістычнымі прычынамі. Напрыклад, з мэтай пазбягання мнагазначнасці назоўніка *здача*, які мае 8 значэнняў, выкарыстоўваюцца запазычанні з польскай мовы – *рэшта* (*reszta* < *Rest*) ‘астатак чаго-небудзь, здача’ і з лацінскай – *капітуляцыя* (*capitulatio*) ‘спыненне ваенных дзеянняў і здача пераможцу на прадыхаваных умовах’. За кошт запазычанняў нярэдка дэталізуецца сутнасць з’явы, паняцця, калі разам з уласнымі лексэмамі выкарыстоўваюцца запазычаныя. Так, беларускі назоўнік *варэнне* ‘ягады, фрукты, звараныя з цукрам, мёдам’ дэталізуецца запазычаннямі *навідла* (з пол. *rowidła*), *джэм* (з англ. *jam*), *канфіцюр* (з фр. *confiture*), у выніку чаго ўтварыўся сінанімічны рад, што ўзбагаціў слоўнікавы запас нашай мовы. Падобная канкрэтызацыя назвы аднаго з відаў мэблі дасягаецца суіснаваннем у беларускай мове запазычанняў *канана* (пол. *kanapa* з фр. *canapa*), *тахта* (перс. *tāxt*), *сафа* (фр. *sofa* ад араб. *suffa*).

Часам узнікае неабходнасць замяніць апісальную, шматслоўную назву кароткай, лаканічнай. Напрыклад, апісальнае тлумачэнне ‘буйныя спаборніцтвы з авальным мячом’ перадаецца запазычаннем *рэббі* (англ. *rugby*); для замены апісальнага выразу ‘частка сцяны або столі з малюнкам або арнамантам’ выкарыстоўваецца запазычанае слова *пано* (фр. *panneau*); урачыстае адкрыццё мастацкай выставы даўно прызвычаліся называць словам *вернісаж* (фр. *vernissage*); агульны выгляд мясцовасці, краявід звычайна акрэсліваецца запазычаннем *пейзаж* (рус. *пейзаж* < фр. *paysage*).

Генетычная роднасць славянскіх моў, цесныя кантакты паміж славянскімі народамі спрыялі актыўнаму ўзаемадзеянню іх моў, асабліва на лексічным узроўні.

У беларускай літаратурнай мове зафіксавана значная колькасць запазычанняў з польскай мовы. Першыя з іх з’явіліся ў нашай мове пасля Крэўскай уніі 1385 г. у выніку ўзмацнення эканамічных і культурных сувязей Польшчы і Вялікага Княства Літоўскага: *агрэст, блакітны, касцёл, скарб, кавадла, тлусты* і інш. Пранікненне паланізмаў асабліва актыўна адбывалася падчас знаходжання беларускіх земляў у складзе Рэчы Паспалітай: *гарнец, гузік, апантаны, сукенка, карысьць, літасць, брудны, гвалтоўны, вандраваць* і інш. Гэты працэс з рознай ступенню інтэнсіўнасці працягваўся і ў іншыя гістарычныя перыяды. Папаўненне слоўніка нашай мовы паланізмамі спрыялі і спрыяюць таксама наступныя фактары: памежныя кантакты, часовае знаходжанне Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы ў 20–30 гг. XX ст., узаемадзеянне двух народаў усферы літаратуры, навукі і культуры і г.д.

Найбольш тыповыя прыкметы паланізмаў: спалучэнне *дл* (*кавадла, вяндрліна, рыдлёўка*); спалучэнні *ен* (*эн*), *ён* (*он*), *ян* (*ан*) на месцы польскіх насаваў галосных (*арэнда, енчыць, парэнчы, маёнтак, вантробы, вандроўка, паляндвіца*); гук [ц] на месцы ўсходнеславянскага [ч] (*цуд, цураца, моц*); спалучэнне *лу* паміж зычнымі (*слуп, тлум, тлусты*). Польская мова адыграла ролю пасрэдніцы ў запазычванні беларускай мовай слоў з лацінскай мовы.

Значную групу ў беларускай мове складаюць запазычанні з рускай мовы. Сярод іх вылучаюцца лексічныя адзінкі ўласнарускага паходжання,

запазычаныя з захаваннем марфемнага складу мовы-крыніцы: *вяшчанне, дзекабрысты, чарцёж, адвёртка, гусеніца, дальнамер, пыласос, рубільнік, шатун, керагаз*. Некаторыя запазычаныя з рускай мовы словы змянілі ў беларускай мове сваю марфемную будову: *выключальнік, прайгравальнік, прадпрымальнік, непераўздызены*.

Нямала беларускіх лексічных адзінак створана з беларускіх словаўтваральных элементаў на ўзор адпаведных рускіх лексічных адзінак (калькаваннем): *добраўпарадкаваны – благоустроенный, мілагучны – благозвучный, недатыкальнасць – неприкосновенность, немэтазгоднасць – нецелесообразность, святлоадчувальнасць – светочувствительность, стагакід – стогометатель, дрэваапрацоўчы – деревообрабатывающий, нафтасвідравіна – нефтескважина*. Пад уплывам рускай мовы некаторыя беларускія словы набылі дадатковыя лексічныя значэнні. Напрыклад, слова *крыніца*, апрача асноўнага значэння 'выхад падземных вод на паверхню зямлі', набыло два дадатковыя значэнні: пераноснае 'тое, з чаго бярэцца, чэрпаецца што-небудзь' (*крыніца даходаў, крыніца дабрабыту*) і спецыяльнае 'пісьмовы помнік, дакумент, на падставе якога пабудавана даследаванне' (*летапісныя крыніцы, літаратурныя крыніцы*). Падобнае семантычнае прырашчэнне адбылося і ў слове *ключ*, у якім прыбавіліся да традыцыйных новыя значэнні: пераноснае 'моўны код для дэшыфроўкі' і спецыяльнае 'элемент перадаччыка пры тэлеграфнай сувязі'.

Руская мова ўвесь час актыўна выконвала ролю пасрэдніцы пры запазычванні ў беларускі слоўнік іншамоўных лексічных і фразеалагічных адзінак. Па падліках М.І. Крукоўскага, зробленых у сярэдзіне ХХ ст., запазычванні праз рускую мову складаюць 13–15% ад усіх лексічных адзінак. Так, праз пасрэдніцтва рускай мовы замацаваліся ў беларускай мове французскія словы *алея, банкет, вакзал, кашнэ, тэраса*, англійскія – *грэйдар, джэрсі, блакада, чэк, танк, хакей*, нямецкія – *гільза, клапан, шына, фланг, бутэрброд, вэксаль, гальштук, фарш*, італьянскія – *акорд, арыя, кларнет, лібрэта*. У апошні час запазычванні праз рускую мову папаўняюць слоўнік нашай мовы іншамоўнымі лексічнымі адзінкамі, якія адлюстроўваюць новыя з'явы ў грамадскіх і вытворчых адносінах, у навуцы, тэхніцы і культуры, напрыклад: *асамблея, боінг, бройлер, лазер, плазма, супермаркет, трэнінг, холдынг, чартар, шоу* і інш.

Генетычныя і гістарычныя сувязі беларускага і ўкраінскага народаў спрыялі пранікненню ў беларускую мову ўкраінізмаў: *бадзёры, бублік, боршч, гапак, журыца, касавіца, кабзар, хлебароб, чубаты, чумак, ікаляр* і інш.

Асобныя словы трапілі ў беларускую мову з іншых славянскіх моў: *бавоўна, робат, прапаршчык, бежанец, краля, полька* – з чэшскай, *вурдалак* – з сербскай.

Суіснаванне літоўскага і беларускага этнасу ў складзе ВКЛ, а таксама памежныя сувязі з Летувай (сучасная Літва) спрыялі пранікненню літоўскіх і часткова латышскіх слоў (балтызмаў) у беларускую мову. У колькасных адносінах група балтызмаў нешматлікая. Гэта назвы гаспадарчых пабудов (*клуня, пуня, свіран, азярод*), прылад працы і бытавых прадметаў (*венцер, коўш, мянташка, кубел*), сельскагаспадарчых паняццяў (*дзірван, гірса, сцірта, стог*) і інш.

Вельмі старажытнымі запазычаннямі ў беларускай мове з’яўляюцца цюркско-татарскія словы, або цюркізмы. Асобныя з іх трапілі ў нашу мову ў часы палавецкіх і татарскіх набегуў у агульнаславянскі і ўсходнеславянскі перыяды. Але ўсё ж большасць з гэтых лексічных адзінак увайшло ў беларускую мову пазней у выніку рассялення татар на нашых землях. Да цюркізмаў адносяцца наступныя найменні: сельскагаспадарчыя (*атава, баклажан, гарбуз, ішак, кабан, табун*), вайсковыя (*арда, аркан, атаман, барабан, каравул, калчан*), бытавыя (*бязмен, баілык, дыван, тапчан, халат, сарафан, шаравары*). Асобныя словы іншых тэматычных груп таксама цюркскага паходжання: *аул, айва, алмаз, армяк, бархан, буран, нагайка, беркут, балык, калека, кумыс, кутас, барыш; буланы, буры, гняды, кары* і інш.

Прыметы цюркізмаў наступныя: неаднаразовае паўтарэнне аднаго і таго ж галоснага гукі ў слове (*атаман, табар, кабала, караван, чабан, кізіл, бурун, урук*); наяўнасць фіналяў *-ак (-як)* (*армяк, кішлак, казак, каўпак, шышак*), *-ал* (*аксакал, кінжал*), *-ык* (*баілык, ярлык*), *-ча* (*парча, саранча, каланча*).

Сярод іншамоўных лексічных адзінак у беларускай мове сустракаюцца нешматлікія скандынаўскія запазычанні (скандынавізмы), якія трапілі ў беларускую мову ва ўсходнеславянскі перыяд, калі на землях нашых продкаў праходзіў шлях “з варагаў у грэкі”. Гэта найменні рыб (*акула, сіг*), асобных прадметаў (*кляймо, круг, якар*), а таксама ўласныя імёны (*Алег, Аскольд, Ігар, Глеб*).

Фіна-ўгорскія словы ў беларускай мове таксама нешматлікія. Яны запазычаны яшчэ ў старажытную пару і з’яўляюцца назвамі марскіх жывёл, дрэў, з’яў прыроды, бытавых і іншых прадметаў і паняццяў: *камбала, кілька, сёмга, навага, салака, морж, піхта, пурга, тундра; сані, нарты; гуляш, пельмені, сайка*.

Пранікненне грэчаскіх слоў пачалося яшчэ ва ўсходнеславянскі перыяд, калі нашы продкі мелі непасрэдныя кантакты з Візантыяй, грэчаскімі калоніямі на Чорным моры, а таксама ў сувязі з фарміраваннем царкоўнай тэрміналогіі пасля прыняцця хрысціянства. Гэтыя лексічныя адзінкі траплялі ў нашу мову і ў больш познія часы праз пераклады рэлігійнай і навуковай літаратуры і ў выніку вывучэння грэчаскай мовы ў брацкіх школах.

Паводле семантыкі грэцызмы найчасцей абазначаюць навуковыя паняцці ў галіне матэматыкі (*аксіёма, арыфметыка, геаметрыя, катэт, куб, піраміда, прызма, тэарэма, эліпс*); гісторыі (*анархія, гегемонія, дэспатыя, дыялектыка, храналогія*); мовазнаўства (*алфавіт, апостраф, архаізм, дыялект, ідыёма, лексікон, сінтаксіс, фраза*); мастацтвазнаўства (*тэатр, хор, камедыя, ода, драма, трагедыя, паэма, эпіграма, мелодыя, сімфонія*); рэлігіі (*анафема, ангел, архіепіскап, дэман, ікона, клірас, ладан, мітрапаліт, манах, патрыярх*). У наш час актыўна выкарыстоўваюцца такія грэчаскія словы, як *акадэмія, гімназія, дэкан, прафесар, студэнт, матэматыка, аўтар, сакратар, дэпутат, догма, космас, храналогія, стыхія, эпоха* і інш. Асноўныя прыметы грэцызмаў наступныя:

- пачатковыя гукі [а], [э]: *акіян, эпоха, этап, аўтамат*;
- спалучэнні *кс, ск, пс, мп, мв*: *тэкст, дыск, псеўданім, сімptom, імпульс, сімвал*;

– прыстаўкі *а-*, *ан-* (*ана-*), *анты-*, *эў-*: *алагізм*, *анархія*, *антыкрызісны*, *эўфемізм*;

– суфіксы *-ад-*, *-ід-*, *-ік-* (*-ык-*), *-іск-*, *-ос-* (*-ас-*): *лампада*, *піраміда*, *рыторыка*, *абеліск*, *тэрмас*;

– пачатковыя часткі складаных слоў *бія-* (*біё-*), *геа-* (*гео-*), *філа-* (*філо-*): *біясфера*, *геапалітыка*, *філалогія*.

Лацінская мова, як мова навукі ў перыяд Сярэднявечча, стала крыніцай шматлікіх слоў грамадска-палітычнай, сацыяльна-эканамічнай, навукова-асветніцкай і іншых сфер жыцця беларускага народа. Лацінскімі па паходжанні з’яўляюцца наступныя лексічныя адзінкі: *адміністрацыя*, *ганарар*, *дакумент*, *інтэграцыя*, *канкурэнцыя*, *кантракт*, *камісія*, *манаполія*, *манета*, *мінус*, *працэс*, *прэмія*, *рэвізор*, *статут*, *сума*, *фабрыка*, *фонд* і інш. Асноўныя прыметамі лацінізмаў з’яўляюцца суфіксы *-ум-*, *-ус-*, *-тар-*, *-ур-*, *-цы(-я)*, *-ат-*: *акварыум*, *радыус*, *аратар*, *дыктатура*, *публікацыя*, *адвакат*.

Запазычанняў з нямецкай мовы ў сучаснай беларускай мове, паводле падлікаў спецыялістаў, не менш за тысячу. Асабліваць германізмаў у тым, што гэта пераважна старыя запазычання, якія адаптаваліся нашай мовай і маюць вялікія словаўтваральныя гнёзды: *шкода* – *шкодны*, *шкодна*, *шкодзіць*, *перашкодзіць*, *нашкодзіць* і г.д. Менавіта таму мы часта іх не ўспрымаем як запазычання, а разглядаем як уласна беларускія словы.

Германізмы пранікаюць у нашу мову, ужо пачынаючы з XIII–XIV стст. Гэта быў час, калі актыўна развіваліся гандлёвыя сувязі паміж паўночнымі гарадамі Беларусі і насельніцтвам Рыгі і Гогскага берага. Словы гэтага перыяду, што хутчэй за ўсё патрапілі ў беларускую мову непасрэдна з нямецкай, сталі вядомыя нам з грамат і іншых дакументаў: *вага*, *шалі*, *рэшта*, *дах*, *цэхі* і інш. Найбольшая колькасць германізмаў да XV–XIX стст. прыходзіць да нас праз пасрэдніцтва польскай мовы (у адаптаваным выглядзе): *малюнак*, *ланцуг*, *жабрак*, *ліхтар*, *абцас*, *махлярі* і інш. З XV ст. словы з нямецкай мовы таксама пачынаюць у невялікай колькасці пранікаць у нашу мову праз пасрэдніцтва ідыш². Гэты працэс быў не самым актыўным, паколькі яўрэі вельмі хутка вывучалі беларускую мову і з мясцовым насельніцтвам размаўлялі пераважна на ёй. Акрамя таго, цяжка сказаць, слова наўпрост трапіла з нямецкай мовы ў беларускую ці праз ідыш. Таму больш-менш сапраўднымі ідышызмамі з’яўляюцца наступныя лексічныя адзінкі: *гандаль*, *рахунак*, *кафля*, *разынка*, *труна*, *хабарі* і інш. У савецкі час новыя запазычання з нямецкай мовы прыходзілі да нас перш за ўсё праз рускую мову: *цэнтрыфуга*, *ландшафт*, *бухгалтар*, *акрэдытуй*, *рэнтген*.

²Ідыш – мова германскай групы заходнегерманскай падгрупы індаеўрапейскай моўнай сям’і, гістарычна асноўная мова ашкеназаў (субэтнічная група яўрэяў, якая сфарміравалася ў Цэнтральнай Еўропе), на якой у пачатку XX ст. гаварыла каля 11 млн яўрэяў па ўсім свеце. Ідыш узнік у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў IX–XII стст. на аснове сярэднянемецкіх дыялектаў у складзе верхнеямецкіх (70–75%) з шырокімі запазычаннямі са старажытнаяўрэйскай і арамейскай (каля 15%), а таксама з раманскімі славянскімі моў (у дыялектах дасягае 20%). Сплаў моў спарадзіў арыгінальную граматыку, якая дазваляе камбінацыю слоў германскага кораня з сінтаксічнымі элементамі семіцкіх і славянскіх моў. Унутры германскай групы ідыш уваходзіць у склад заходнегерманскай падгрупы, унутры якой, у сваю чаргу, – у склад сярэднянемецкіх гаворак верхнеямецкіх дыялектаў. Апошнія традыцыйна лічацца дыялектамі нямецкай мовы. Аднак з сацыялінгвістычных прычын ідыш лічыцца самастойнай мовай.

Часта германізмы траплялі ў нашу мову без аніякіх зменаў: *пуд, шпат, шнур, абилаг*. Аднак значная іх частка была адаптавана беларускай мовай як фанетычна, так і семантычна. Напрыклад, слова *андарак*, якое ў нашай мове мае значэнне ‘саматканая паласатая або клятчастая спадніца, якую даўней насілі жанчыны ў Беларусі’ ўтварылася ад нямецкага *Underrock* – ‘ніжняя спадніца’. Слова *герб* прыйшло з нямецкай *Erbe* (‘спадчына’) праз польскую мову. Слова *талерка* ўтварылася ад *Teller* (‘металічная пліта ў друкарскай машыне’).

Да германізмаў у беларускай мове адносяцца наступныя лексіка-тэматычныя групы слоў:

- бытавая лексіка: *кухаль (куфель), гонта, фарба, цвік, цэгла, шнур*;
- назвы пабудоваў і іх частак: *дах, гмах, кухня, шпіталь*;
- найменні асоб: *фурман, шляхта, гетман, бурмістр*;
- лексіка са сферы гандлю: *кірмаш, кошт, шалі, вага, рэшта, цэнтнер*;
- вайсковыя тэрміны: *варта, пляц, штурм, куля*;
- абстрактная лексіка: *лёс, смак, гвалт, жарт, шкода*.

Асноўныя фанетычныя і марфалагічныя прыметы германізмаў:

- спалучэнні *шт, шп* пераважна ў пачатку слова (радзей *шн, шм*): *штандар, штанга, муштра, шпіль, шпалеры, шнапс, шніцаль*;
- спалучэнне *хт* у сярэдзіне слова: *вахта, шахта*;
- суфікс *-унак- (-unk-)* у нямецкіх запазычаннях, адаптаваных польскай мовай: *малюнак, гатунак*;
- суфікс *-ар- / -яр- / -ер-*: *рыцар, муляр, канцлер*;
- канцавая частка – *-майстар*: *гросмайстар, хормайстар, балетмайстар*.

Актыўна пранікаюць у беларускую мову, пачынаючы з XVI ст. і асабліва ў XVIII–XIX стст., французскія словы, што належаць да розных тэматычных груп:

- бытавая лексіка: *салон, кабінет, тарашэр, багет, паліто, касцюм, адэкалон, флакон, пудра, манікюр, ліманад*;
- паняцці ў галіне мастацтва: *партэр, ложка, бенуар, ампула, ансамбль, суфлёр, рэфрэн, раяль, нацюрморт*;
- грамадска-палітычная лексіка: *парламент, прэм’ер, дэбаты, рэжым, камюніке, дэмарш, пацыфізм*;
- вайсковыя тэрміны: *арсенал, бліндаж, барыкада, дэсант, манеўры, гарнізон, гвардыя*.

Асноўныя прыметы галіцызмаў наступныя: канцавыя спалучэнні *анс, ёр, аж / яж* (*баланс, суфлёр, багаж, пляж*); спалучэнні *бю, вю, пю, фю, уа, уэ; лье, нье, цье, сье* (*бюро, гравюра, капюшон, фюзеляж, вуаль, дуэль; атэлье, віньетка, ранцье, дасье*); канцавыя націскныя галосныя [э], [о], [у] (*кашнэ, філе, пано, рагу*).

Англіійскія запазычанні найбольш актыўна трапляюць у беларускую мову пераважна праз рускае пасрэдніцтва ў XIX – пачатку XXI ст. Яны папаўняюць такія тэматычныя групы лексікі, як бытавая (*плед, вельвет, нейлон, кліпсы, катэдж, сквер, торт, пуны, кактэйль, пікнік, тост, джаз*); тэхнічная (*канвеер, камбайн, трактар, транзістар, грэйдар, сейф, трамвай, эскалатар*), грамадска-палітычная (*мітынг, клуб, апартаід, эскалацыя, інтэрв’ю, дэмпінг*), спартыўная (*бокс, футбол, валејбол, хакей, кракет, матч, старт, раўнд, аўт, форвард, спрынтар, спінінг*) і інш. Асноўнымі прыметамі англіцызмаў з’яўляюцца: пачатковае спалучэнне *дж* (*джоўль, джаз, джынсы*); канцавыя спалучэнні *ер /*

ёр / эр / ар; інг / ынг (буфер, баксёр, камп'ютар; брыфінг, маркетынг); канцавая частка складаных слоў -мен (-мэн) (джэнтльмен, спартсмен).

За кошт італьянскіх запазычанняў істотна папаўнялася тэрміналогія розных відаў мастацтва: *алегра, каваціна, кантата, фуга, андантэ, капэла, карнавал, буфанада, навела, карыкатура, барока, бельведэр* і г.д.

З іншых неславянскіх моў у беларускі слоўнік уліліся нешматлікія і ў большасці рэдкаўжывальныя лексічныя адзінкі, напрыклад: з іспанскай – *матадор, сілас, шыншыла, пума, цыгара, эмбарга*; з японскай – *сушы, кіmano, самурай, гейша, цунамі, ікебана, гадзіла*; з кітайскай – *каалін, чай, жэньшэнь, байхавы*; з персідскай – *чамадан, чадра, шах, фарфор*; з венгерскай – *бекеша, шалаш, цымбалы*; з нарвежскай – *слалам, фіёрд*; з грузінскай – *сакля, шампур*; з арабскай – *нашатыр, халва*.

XX ст. і пачатак XXI ст. разам з карэннымі геапалітычнымі і сацыяльна-эканамічнымі зменамі пераарыентавалі і крыніцы запазычвання, асноўнымі з якіх сталі англійская, французская, італьянская і іншыя еўрапейскія мовы. З англійскай мовы засвоіліся словы *бартар, брокер, бізнес, імпорт, канцэрн, кантэйнер, лідар, мітынг, фермер*, з французскай – *аванс, баланс, банкет, буцік, гарантыя, кар'ера, гвардыя, кафэ, метро, парфума, сабатаж, сурвэтка*, з італьянскай – *аварыя, брута, нета, мафія, сальда, сконта, фірма*.

Пры лексічным запазычванні адбываецца не механічны пераход слова з адной мовы ў другую, а, па сутнасці, узнікненне новага слова на аснове чужога матэрыялу ў выніку яго адаптацыі:

– графічнай – перадача запазычаных слоў на пісьме сродкамі беларускай графікі; параўн.: англ. *computer* < лац. *computare* – бел. *камп'ютар*; англ. *servise* – бел. *сэрвіс*; фр. *serpentin* – бел. *серпанцін*; ням. *Feuerwerk* – бел. *феерверк*; гал. *jacht* – бел. *яхта*; пол. *moc* – бел. *моц*; рус. *щёлочь* – бел. *шчолач*;

– фанетычнай – асваенне гукавога складу слова згодна з нормамі беларускай фанетыкі; параўн.: фр. *compliment* – бел. *каплімент*; англ. *trolleybus* – бел. *тралейбус*; іт. *compasso* – бел. *компас*; ням. *Klemma* – бел. *клема*; грэч. *hupnos* – бел. *гінноз*; пол. *kochać* – бел. *кахаць*; рус. *декабрист* – бел. *дзекабрыст*;

– граматычнай – адаптацыя запазычанага слова да граматычнай сістэмы беларускай мовы:

а) мена формы роду, ліку: ням. *Dach* (н. р.) – бел. *дах* (м. р.); лац. *forum* (н. р.) – бел. *форум* (м. р.); ням. *das Hospital* (н. р.) – бел. *шпіталь* (м. р.); фр. *le duel* (м. р.) – бел. *дуэль* (ж. р.); фр. *le foyer* (м. р.) – бел. *фае* (н. р.); англ. *beefsteaks* (мн. л.) – бел. *біфіштэкс* (адз. л.); англ. *sakes* (мн. л.) – бел. *кекс* (адз. л.); англ. *pense* (мн. л.) – бел. *пенс* (адз. л.); ням. *Klappen* (мн. л.) – бел. *клапан* (адз. л.);

б) пераход адной часціны мовы ў другую: лац. *biceps* (прыметнік 'двухгаловы') – бел. *біцэпс* (назоўнік 'мышца, якая згінае руку ў лакцявым суставе і галёнку ў каленым суставе'); фр. *posturne* (прыметнік 'начны') – бел. *накцюрн* (назоўнік 'невялікі музычны пераважна фартэп'яны твор лірычнага характару'); лац. *credo* (дзеяслоў 'верыць') – бел. *крэда* (назоўнік 'перакананні, светапогляд');

в) з'ява лексікалізацыі (г.зн. утварэнне слова з групы слоў або словаспалучэння): фр. *à jour* – бел. *ажур*; фр. *crêpe de Chine* – бел. *крэпдэшынь*; фр. *pouveau rich* – бел. *нуворыш*; лац. *vere dictum* – бел. *вердыкт*;

– семантычнай – захаванне або змяненне (пашырэнне ці звужэнне) значэння слова; параўн.: ням. *Maler* 'жывапісец' – бел. *маляр* 'рабочы, які фарбуе будынкі,

памяшканні, парканы і пад.’; ням. *Börse* ‘кашалёк’ – бел. *біржа* ‘установа для заключэння фінансавых і камерцыйных дамоў з каштоўнымі паперамі; будынак, дзе размешчана такая ўстанова’; лац. *annotatio* ‘заўвага’ – бел. *анатацыя* ‘кароткая характарыстыка кнігі, артыкула’; лац. *Antenna* ‘мачта’ – бел. *антэна* ‘частка радыёўстаноўкі, якая служыць для выпраменьвання і прыёму радыёхваляў’; фр. *fouer* ‘ачаг’ – бел. *фае* ‘памяшканне ў тэатры, кіно як месца адпачынку’; фр. *revue* ‘агляд’ – бел. *рэвю* ‘эстраднае прадстаўленне з асобных сцэн і нумароў, звязаных агульнай тэмай’.

Уласцівы беларускай мове і такія лексічныя адзінкі, як інтэрнацыяналізмы (інтэрлексы, еўрапеізмы). Гэта словы, што паходзяць з адной першакрыніцы і ўжываюцца ў многіх роднасных і няроднасных мовах з аднолькавым ці бліскім значэннем, напрыклад: англ. *molecule*, ням. *Molekül*, фр. *molécule*, бел. *малекула*; англ. *industry*, ням. *Industrie*, фр. *industrie*, бел. *індустрыя*. Такія лексічныя адзінкі, як правіла, не маюць адпаведнікаў у нацыянальных мовах.

Інтэрнацыяналізмы – гэта пераважна тэрміны, што абазначаюць паняцці навукі і тэхнікі: *логіка, космас, тэлескоп, геаметрыя*; грамадска-палітычнага жыцця: *канстытуцыя, рэвалюцыя, дыктатура, адміністрацыя*; эканомікі: *банк, імпорт, крэдыт, працэнт*; літаратуры і мастацтва: *ананест, навела, драма, опера* і інш.

Асаблівае значэнне сярод іншамоўных слоў належыць экзатызмам (ад грэч. *exsōtikos* ‘чужы, іншаземны’), лексічным адзінкам, якія называюць прадметы, з’явы, паняцці, характэрныя для жыцця і побыту іншых народаў і не ўласцівыя нашай рэчаіснасці.

Вылучаюць наступныя тэматычныя групы экзатычных слоў: назвы страў і напояў: *чабурэк, лаваш, джын*; назвы адзення і абутку: *унты, паранджа, кімано*; назвы жылля і населеных пунктаў: *аул, кішлак, юрта, сакля*; назвы песень, танцаў і музычных інструментаў: *бугі-вугі, джок, тамтам, чардаш*; назвы грашовых адзінак, мер плошчы, вагі і г.д.: *юань, крона, ліра, акр*; назвы асоб, тытулаў, званняў: *аксакал, бай, клерк, шэрыф, містар, мула*; назвы ўстаноў, арганізацый і г.д.: *бундэстаг, бундэсвер* (ФРГ), *меджліс* (Іран, Турцыя), *рыксдаг* (Швецыя), *сейм* (Польшча), *рада* (Украіна) і інш.

У вусным і пісьмовым маўленні часам выкарыстоўваюцца такія іншамоўныя словы, чужароднасць якіх адчуваецца надзвычай выразна. Гэта т.зв. варварызмы (ад грэч. *barbarismos* ‘іншамоўнае слова’), або ксенізмы (ад грэч. *xenos* ‘чужы’), устойлівыя лексічныя адзінкі і выразы, якія даўно ўжываюцца ў мове без перакладу, але не ўваходзяць у яе склад, перадаюцца сродкамі яе графікі (*нся крэў, проша пані, гуд бай, а’кей, дэжа вю*) або захоўваюць фанетычна-граматычныя якасці мовы-крыніцы (*mon ami* ‘мой сябра’, *de facto* ‘фактычна’, *post scriptum* ‘пасля напісанага’). У адрозненне ад экзатызмаў, варварызмы могуць называць паняцці, з’явы, для якіх у беларускай мове існуюць спрадвечна беларускія словы, параўн.: *стрыт* і *вуліца, швэрабайтар* і *чорнарабочы*.

Запазычванне як спосаб узбагачэння і актуалізацыі слоўніка нацыянальнай мовы – з’ява станоўчая і непазбежная, але толькі ў тым выпадку, калі ва ўласнай мове не знайшлося неабходнай адэкватнай лексічнай адзінкі. Калі ж іншамоўныя словы ўжываюцца беспадстаўна, тым больш пры наяўнасці свайго ўласнага адпаведніка, яны засмечваюць родную мову, абцяжарваюць і ўскладняюць зносіны паміж людзьмі [1, с. 18, 20–21; 2, с. 77, 92, 94–98; 3,

с. 166; 4, с. 57–58, 62–63, 69; 5, с. 113–114, 120–121, 123–126; 6; 7; 8; 9, с. 28, 29–34; 10, с. 106, 109–113; 11, с. 123–124, 129–139; 12].

Такім чынам, у дадзенай працы разгледжаны, прааналізаваны і сістэматызаваны лексічныя запазычанні са славянскіх і неславянскіх моў у беларускай мове. Разам з тым ужыванне іншамоўных адзінак у слоўніку нашай мовы патрабуе далейшага вывучэння, удакладнення і упарадкавання.

Літаратура

1. Беларуская мова : вучэб. дапам. / Э. Д. Блінава [і інш.] ; пад рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выш. шк., 1991. – 351 с.
2. Беларуская мова: Фанетыка. Арфаэпія. Графіка. Арфаграфія. Лексікалогія. Лексікаграфія. Фразеалогія. Марфемная будова слова. Словаўтварэнне. Марфалогія. Сінтаксіс. Пунктуацыя : вучэб. дапам. / Г. Ф. Андарала [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор’евай. – Мінск : Выш. шк., 1994. – 367 с.
3. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 7 : Застаўка – Кантата. – 1998. – 608 с.
4. Губкіна, А. В. Беларуская мова. Эканамічная лексіка : вучэб. дапам. / А. В. Губкіна, В. А. Зразікава. – Мінск : Изд-во Гревцова, 2009. – 199 с.
5. Зразікава, В. А. Беларуская мова. Прафесійная лексіка для эканамістаў : вучэб. дапам. / В. А. Зразікава, А. В. Губкіна. – Мінск : Выш. шк., 2016. – 383 с.
6. Идиш [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Идиш>. – Дата доступа: 15.07.2020.
7. Ідыш [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцикл. – Рэжым доступу: <https://be.wikipedia.org/wiki/Ідыш>. – Дата доступу: 15.07.2020.
8. Ідыш [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцикл. – Рэжым доступу: <https://be-tarask.wikipedia.org/wiki/Ідыш>. – Дата доступу: 15.07.2020.
9. Сіўковіч, В. М. Беларуская мова ў пытаннях і адказах / В. М. Сіўковіч. – Мінск : Аверсэв, 2011. – 765 с.
10. Сучасная беларуская літаратурная мова : вучэб. дапам. / Д. В. Дзятко [і інш.] ; пад рэд. Д. В. Дзятко. – Мінск : Выш. шк., 2017. – 588 с.
11. Сучасная беларуская мова : вучэб. дапам. / Л. М. Грыгор’ева [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор’евай. – Мінск : Выш. шк., 2006. – 558 с.
12. Тэорыя і практыка мовы. Германізмы ў беларускай мове [Электронны рэсурс] // Мова нанова. – Рэжым доступу: <https://www.movananova.by/zaniatki/teoryya-i-praktyka-movy-germanizmy-u-belaruskaj-move.html>. – Дата доступу: 17.07.2020.

В. Фетисова

*(Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация)*

КОНФЛИКТ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В РОМАНЕ ДЖОНА УИНДЕМА «ДЕНЬ ТРИФФИДОВ»

Наша планета – ‘сокровищница’ живой природы, которая постепенно уничтожается в связи с влиянием на нее антропогенных факторов. Человек стал с одной стороны жемчужиной этого мира, а с другой стороны тем, кто его разрушает. Развитие промышленности, потребительское отношение к природе может привести к природной катастрофе – это аксиома. Бездумное, порой бессмысленное, использование природных богатств – это путь в никуда.

Проблема экологии в нашем мире стоит на первом месте, иначе о каком будущем можно говорить, если наш 'дом' будет разрушен нашими собственными руками.

Современные писатели в своих произведениях раскрывают представления людей о принципах взаимодействия человека и природы, о гармонии этих отношений, рисуют картины будущего человечества, если не изменится отношение к природе, напоминают о том, что человек не 'царь' природы, а ее 'дитя', и призывают не разрушать в порыве 'детских' шалостей и экспериментов то, без чего невозможна будет дальнейшая жизнь.

Одним из таких произведений, показывающих будущее человечества, как результат необдуманного взаимодействия с природой является роман «День триффидов» английского писателя-фантаста Джона Уиндема, увидевший свет в 1951 году.

Роман поднимает одну из важных проблем – проблему будущего человечества. Глобальный характер экологической ситуации может привести к глобальной катастрофе. Влияние современной техники, науки, информации на духовный мир человека оказалось не обеспеченным нравственными принципами. Сформировавшаяся психология вседозволенности и потребительского отношения к природе привела к утрате единства с ней. Люди перестали осознавать, что живут в природе и являются ее частью.

Центральной проблемой романа является экологическая катастрофа в современном мире, и как на нее повлияло отношение человека к природе. Главным персонажем романа является человечество, которое находится в конфликте с фантастическими существами. Катаклизм описан как результат слияния следующих факторов: военных, научных и экономических.

Однако проблема экологии в романе тесно связана с проблемой морального выбора человека. Ведь когда, как не в ситуации полной разрухи и анархии, проявляются все настоящие человеческие качества: преданность или наоборот предательство.

Роман написан в жанре автобиографического повествования от лица биолога Мейсена, который не ослеп, так как находился в больнице. Уильям Мейсен, герой романа, рассказывает свою собственную историю человека, выжившего в катастрофе. Он делает все, чтобы выжить в мире, где за слепыми людьми охотятся триффиды, и жизни всех угрожают неизвестные инфекции.

В романе показана обыденная обстановка и фантастичные события, которые происходят в этой реальной обстановке. Все события происходят в Лондоне и его пригородах. Автор широко, использует антропонимы: William Masen – Уильям Мейсен, Josella Plaiton – Джозелла Плейтон, и топонимы: West End – Уэст Энд, Piccadilly Circus – Пикадилли Сиркус, Westminster Abbey – Вестминстерское Аббатство, Tynsham – Тиншэм, Wilts – Уилтшир [1]. Цель данного приема – подчеркнуть абсолютную реальность места действия, тем самым создавая ощущение полной реальности происходящего.

В самом начале произведения автор описывает редчайшее природное явление, «самое поразительное в истории человечества» [3, с. 10]. Это был зеленый звездный дождь, который можно было видеть с любой точки планеты. Это было волшебным зрелищем, которое, по словам радиокomentаторов, должен был увидеть каждый. Но ирония в том, что это природное явление, возможно вы-

званное действиями людей, аварией, стало последним, что увидели люди, потому что на следующий день все те, кто это видел, ослепли. Главный герой сравнивал это явление с балом, на который не пригласили его одного [3, с. 12].

Зеленый яркий свет, который озарил всю планету, не просто так появляется в книге, он является символом природы [2]. Он будто бы стал отправной точкой всех событий, так как уставшая природа жаждала перемен. Момент, сразу же поразивший главного героя – «резкая и отчетливая видимость», когда он выглянул в окно. «Даже отдаленные здания за крышами напротив вырисовывались необыкновенным образом» [3, с. 14]. Он понял, что не дымит ни одна труба. Природа освободилась от гнета.

Зеленый цвет также ассоциируется с жизнью растений [2], что прямым образом указывает на наступление “эры” триффидов. Появились они значительно раньше чудесного небесного явления. И никто не знает как именно. В книге главный герой убеждает нас, что «вряд ли справедлива гипотеза, рассматривающая появление триффидов как некую разновидность пришествия – знамение, предупреждающее о том, что грядет нечто худшее, если буйный мир не исправится и не станет вести себя прилично» [3, с. 27]. Но по предположениям Билла, они были созданы «в результате серии биологических экспериментов... совершенно случайно» [3, с. 28].

Когда они только появились, люди относились к ним с любопытством и интересом, как к чему-то новому и неизведанному. Они росли по всей планете за исключением пустынь и мест с экстремально холодным климатом. Со временем оказалось, что это не просто цветы, растущие у некоторых на заднем дворе, а это растения два метра высотой, способные передвигаться. Было доказано, что у них также есть коллективный интеллект. Помимо этого для людей стало шоком, что «скрученный жгут, увенчивающий стебель триффиды, представляет собой тонкое трехметровое жало, способное с силой выбрасываться наружу и содержащее достаточно яда, чтобы убить человека, если оно ударяется о незащищенную кожу» [3, с. 44].

Но человек не может сосуществовать с новыми видами наравных и всегда пытается подстроить их под себя. Испугавшись опасности, люди начали уничтожать триффидов. А затем, когда их ряды значительно поубавились, люди просто начали удалять у них жало, которое восстанавливалось только через два года. Тем самым гарантировав детям «безопасную и забавную игрушку» [3, с. 45].

В этом, по мнению автора, заключается человеческая сущность: люди либо пытаются играть с тем, что не может постоять за себя, либо насильно используют. Жители смотрели на триффидов как на «каприз природы», они были «забавными уродцами» [3, с. 50].

Уиндем показывая угрозу, которую представляют для человечества триффиды, отмечает, что жажда денег определенной части людей превышает здравого смысла. И эта жажда бесконечна, поэтому появляются все новые плантации, фермы необычных, не изученных до конца растений. И даже жало, которое делает триффидов опасными, удаляют не у всех растений, так как это снижает качество масла, а значит и его цену.

Только некоторые работники лаборатории, изучающие особенности триффидов, озабочены проблемой распространения растений. Уолтер Лакнор предполагает: «Мы видим, они – нет. Отнимите у нас зрение, и наше превосходство исчезает. Мало того, наше положение станет хуже, чем у них, потому что они приспособлены к слепому существованию, а мы нет» [3, с. 51]. А ведь, правда, что станет с человеком без зрения? Человек не сможет существовать, потому что не приспособлен к выживанию вне общества и технологий, которые сам же и изобрел. Усложняя жизнь новыми изобретениями и одновременно ее упрощая, человек сам загнал себя в ловушку, ведь даже для того, чтобы добыть пищу, нам нужно проделать множество манипуляций, в то время как триффидам нужно всего лишь ударить жертву жалом, подождать пару дней и съесть ее.

В основной части романа автор показывает, как природа постепенно отвоевывает жизненное пространство у человека. Уиндем не делает нашествие триффидов внезапным, он показывает, как медленно, но неуклонно природа отвоевывает свои позиции, как меняется ландшафт: разрушаются дома, дороги, зарастают города и поселки, «ковыляют» на всем пространстве на своих трех ногах триффиды, узурпируя все вокруг. Кроме всего прочего, на человечество обрушивается и третья напасть: неизвестно откуда появившаяся эпидемия, которая в короткий срок губит большие группы людей и которая, по мнению автора, тоже является рукотворной.

Обрушивая огромное количество триффидов на людей, Уиндем тем самым показывает безуспешность борьбы с природой, которая в конечном итоге отомстит за жестокое обращение с ней, и вернет все, что у нее отобрали.

Триффиды вступили в борьбу с людьми, они стали «бичом Божьим» [3, с. 45], против тех, кто угнетал природу. Они являются олицетворением всей Природы, которая буквально восстала против людей.

Уиндем показывает, что тот или иной исход событий всегда зависит от человеческого решения. То, что триффиды стали «игрушками» в руках человека, есть лишь результат нашего выбора.

Уиндем наглядно показал, что, играя с природой, мы можем сами себя загнать туда, откуда трудно будет возвратиться. Почему мы думаем, что заслуживаем лучшей жизни, и ставим себя выше окружающего мира, при этом убивая и используя ради своей выгоды растения и животных? В романе человек без зрения ничем не отличается от беспомощного животного, которое стремится выжить.

Автор описывает деградацию морали, которая последовала за катастрофой и поиском новой формы общества. В процессе борьбы за жизнь человек постоянно оказывается в ситуации морального выбора: спасти других или спастись самому, есть или не есть апельсин, взятый в брошенном магазине. Старые правила в новых условиях оказываются несостоятельными. Появляется необходимость пересмотра правил, по которым общество жило раньше, и создания новых, по которым жить теперь. Новые правила возникают в процессе приспособления к новым жизненным условиям и вызывают острые конфликты. Несколько групп, прообразов будущего общества, постоянно сталкиваются на протяжении всего романа: доктор Форхесс, который провозглашает полигамию и свободную любовь; Мисс Даррант, склоняющаяся к сохранению религиозных основ общества; Кокер с приоритетом уважения прав слепых и порабощения зрячих; Уильям Мейсен с его идеей создания небольшого семейного сообщества, основанного на любви, и, наконец, Торрент с военизированной и стандартизированной организацией кла-

нов. Какая группа более жизнеспособна, какая выживет, мы не знаем. И новый мир должен выбрать тот вариант, который в будущем не приведет к катастрофам и удовлетворит не только запросы человечества, но и Природы.

Сделав катаклизм неизбежным, автор подчеркивает, что главный виновник новой реальности – человек с его жаждой перемен, неумением и нежеланием заглянуть в будущее, с нацеленностью только на получение сиюминутной выгоды непродуманностью дальнейших последствий.

Однако для Уиндема также важно, как человечество переживет экологическую катастрофу, что будет с будущими поколениями.

У книги есть какая-то незавершенность. Мы не знаем, как будут дальше развиваться события, но остается надежда, что человечество возродится и будет более бережным и осторожным с Природой.

Литература

1. Косьяненко, А.А. Роман J. Wyndham «The Day of The Triffids» в сопоставлении с переводом А. Стругацкого «День Триффидов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2010/article/2010000231> (Дата обращения: 04.05.2022)

2. Трессидер Д. Словарь символов. – Москва, 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/ (Дата обращения: 24.04.2022)

3. Уиндем, Д. День Триффидов / Д. Уиндем. – М. : АСТ. – 2019.

Ю.Н. Чагайда

*(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь)*

СПЕЦИФИКА АДВЕРБИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одна из важнейших категорий, отражающих картину мира нации, – категория пространства, ориентация, определение места человека в нем, его членение и разграничение. Как отмечает Ю.М. Лотман, «семантика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [1, с. 205]. В представлении о пространстве дорога – его основной элемент. Н.Д. Арутюнова отмечает, что понятие дороги в славянской ментальности «...играет необычайно большую роль (гораздо бóльшую, чем в других европейских культурах)» [2, с. 3]. Выявление имеющихся в русском языке обозначений видов и способов перемещений в пространстве, всестороннее описание их основных языковых характеристик, а также парадигматических связей и особенностей оказывается возможным в свете теории поля.

Объектом нашего исследования являются лексико-семантические группы (ЛСГ) наречий в русском языке, которые входят в лексико-семантическое поле (ЛСП) «Перемещение в пространстве». Данное ЛСП имеет вертикальный (ядерно-периферийный) и горизонтальный (парцелльный) характер связи между его конституентами. Вертикальная организация включает в себя структуру ЛСП, горизонтальное сечение обусловлено семантическим взаимоотношением ЛСГ в составе по-

ля. Наличие ЛСГ в составе ЛСП объясняется тем, что значение поля подобного типа не является единым и однородным. Оно «...может распадаться на несколько семантических участков, сходных по значению (интегральная сема), но отличающихся оттенками значений (дифференциальные семы)» [3, с. 29].

Придерживаясь традиционной точки зрения относительно структуры поля, мы выделяем в составе ЛСП «Перемещение в пространстве» ядро, центр, околоядерную зону, ближнюю и дальнюю периферии.

Ядро указанного поля образуют наиболее общие по значению лексические единицы, в семантической структуре которых присутствует архисема 'передвижение'. В русском языке такими элементами являются: *дорога, движение, перемещение, передвижение, путь, дорожный, двигаться, двинуться, передвигаться, передвинуться, перемещаться, переместиться*.

В околоядерную зону входят лексемы с более сложной смысловой структурой, чем ядерные единицы. Таковыми являются следующие лексемы: *двигаться, передвигаться, перемещаться, передвинуться, переместиться*.

Центр поля рассматриваемого ЛСГ образуют единицы, имеющие интегральное (общее с ядерными единицами и друг с другом) значение и дифференциальные значения – синонимы ядерных элементов. Например, в центральную зону входят следующие обозначения дорог и процессов перемещения, а также номинации их характеристик: *асфальт, трасса, бульварный, бежать, вёрхом, вон*.

Периферию исследуемого поля образуют единицы с неполным набором признаков. Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно, что позволяет выделять две периферийные зоны поля – ближнюю и дальнюю. Ближнюю периферию ЛСП «Перемещение в пространстве» составляют устаревшие и областные слова, а также ЛСВ с переносным значением ключевых лексем, например: *ввалить, беспутье, вылететь*.

Зону дальней периферии составляют фразеологические единицы. Основным условием включения фразеологизмов в данную группу является наличие в их семантике общей идентифицирующей семы (архисемы), характеризующей движение, перемещение, представленной так или иначе в каждой из единиц поля. Примерами таких компонентов дальней зоны периферии могут служить: *гранить мостовую* (устар. 'Много, долго ходить пешком'), *держать шаг* ('Идти в такт, одновременно с другими').

Следует отметить, что в зону дальней периферии не входят те фразеологизмы, в составе которых лишь присутствуют в качестве компонентов лексемы, номинирующие понятия, связанные с дорогой, перемещением. Они не содержат в семной структуре значения интегральную сему «дорога, перемещение». Например: *не валяется на дороге* ('Не достается даром, без усилий, без труда'), *семь верст до небес* ('Очень много наговорить, наобещать'), *выходить из себя* ('Приходить в состояние крайнего раздражения'), *находить дорогу к сердцу* ('Добиваться, вызывать чье-либо расположение, симпатию, любовь').

Горизонтальная (парцелльная) структура ЛСП «Перемещение в пространстве» обусловлена наличием общего значения и семантическими взаимоотношениями единиц в составе поля. Данное поле имеет сложную многоуровневую структуру и организуются как совокупность лексико-семантических групп, в

состав каждой из которых входят единицы одной частеречной принадлежности. В этой связи выделяются ЛСГ существительных, ЛСГ прилагательных, ЛСГ глаголов, ЛСГ наречий и ЛСГ междометий со значением перемещения в пространстве.

В рамках исследуемого поля передвижения лексико-семантические группы наречий распределяются по 4 подгруппам: «Способ передвижения», «Направленность движения, маршрут следования», «Интенсивность передвижения», «Качественный признак передвижения».

В подгруппе «Способ передвижения» выделяются 2 парцеллы (более мелкие группировки в рамках подгруппы): «Способ передвижения человека», «Способ передвижения транспортных средств и животных».

Парцелла «Способ передвижения человека» включает в себя полевые единицы, общей семой которых является *‘передвижение человека’*. Такими лексемами являются: *бегом* ‘посредством бега’, *босиком* ‘Разг. Без обуви и чулок’, *пешком* ‘На собственных ногах (о способе передвижения человека)’.

Парцелла «Способ передвижения транспортных средств и животных» в русском языке включает лексические единицы, объединенные интегральной семой *‘передвижение на транспорте или на животных’* (*вскачь, галопом*).

Семантический признак ‘направление движения’ формирует подгруппу «Направленность движения, маршрут следования», которая включает следующие лексемы: *вдаль, навстречу*.

Подгруппа «Интенсивность передвижения» включает в себя полевые единицы, интегральной семой которых является *‘скорость передвижения’*. Такими лексемами являются: *вразвалку, стремительно* и др.

Критерием, на основании которого единицы включаются в подгруппу «Качественный признак передвижения», является наличие в их составе семы *‘качественная характеристика перемещения’*, например, *вперевалку, крадучись, напролом*. Данная подгруппа является наиболее репрезентативной в количественном аспекте.

Рассмотренный материал наречной лексико-семантической группы «Перемещение в пространстве» позволяет сделать вывод, что все представленные элементы данного поля не являются чем-то независимым в рамках исследуемого ЛСП. Тесно переплетаясь друг с другом, они образуют единую динамическую систему. Каждый элемент поля «Перемещение в пространстве» можно понять только посредством другого.

Литература

1. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Путь по дороге и бездорожью / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 3–18.
3. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

СЕКЦИЯ 1

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ

Т. Бабровіч

*(Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
г. Мінск, Беларусь)*

КВАЛІФІКАЦЫЙНАЯ ПРЫКМЕТА Ў АНАМАСІЯЛАГІЧНАЙ СТРУКТУРЫ БІВЕРБАЛЬНЫХ НАЙМЕННЯЎ БУДАЎНІЧАЙ СФЕРЫ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Анамасіялогія (тэорыя намінацыі) складае важную частку даследаванняў у сучаснай лінгвістыцы. Прадметам тэорыі намінацыі з’яўляецца выяўленне і аналіз заканамернасцей утварэння намінатыўных адзінак, вывучэнне ўзаемасувязі паміж паняційнымі формамі мыслення, а таксама тое, якім чынам утвараюцца і замацоўваюцца найменні за рознымі фрагментамі аб’ектыўнай рэальнасці, так званую моўную тэхніку намінацыі: яе акты, сродкі і спосабы.

Як асобны раздзел мовазнаўства анамасіялогія вылучылася ў пяцідзясятны гады мінулага стагоддзя. Па словах А.С. Кубракавай, “чэшскія лінгвісты былі першымі вучонымі, якія звярнулі ўвагу на складаны характар вытворнага слова і яго абавязковую двучленнасць: анамасіялагаічны базіс і анамасіялагічную прыкмету” [7, с. 46]. Працэс называння, які з’яўляецца прадметам тэорыі намінацыі, уяўляе сабой комплексны мыслёвы і маўленчы працэс, у якім выдзяляюць некалькі этапаў: этап вычлянення свядомасцю аб’екта, які трэба назваць, асмысленне таго, што трэба абазначыць, і выбар адэкватных моўных сродкаў наймення. У сувязі з гэтым, пэўную цікавасць уяўляюць вытворныя адзінкі, у якіх магчыма ўстанавіць анамасіялагічную структуру. Анамасіялагічны аналіз намінацый дазваляе зафіксаваць асаблівасці намінатыўнай дзейнасці чалавека. Як паказваюць назіранні, такі аналіз прымянімы да вытворных універбаў (аднаслоўных найменняў), якія ўтвораны рознымі спосабамі, бівербальных і полівербальных найменняў.

Традыцыйна пры анамасіялагічным падыходзе за аснову бярэцца паняцце і вызначаецца, па-першае, якія найменні існуюць у мове для гэтага паняцця і, па-другое, якія сувязі паміж паняццем, назвай і абазначаемым прадметам. Названы аналіз эфектыўна праводзіць з вызначэннем тыпаў намінатыўных адзінак. Вядома, што ў мовазнаўстве паняцці “тып” і “тыпалогія” ўжываюцца ў розных значэннях. Паводле меркавання У.Р. Гака, “тып” вызначаецца як “мадэль (узор), якому адпавядае акрэсленая група розных з’яў” [3, с. 310]. Такімі з’явамі могуць выступаць моўныя адзінкі. Аналіз уласцівасцей і асаблівасцей функцыянавання прыводзіць да магчымасці груповкі, выдзялення катэгорый, класаў такіх адзінак, а значыць да ўстанаўлення іх тыпаў.

Тэрмін “тыпалогія” можна вызначыць як “выяўленне і ўпарадкаванне розных тыпаў існавання аб’екта” [3, с. 328]. На думку Т.Р. Трафімовіч,

тыпалогія – гэта яшчэ і навуковы метада, які прымяняецца пры аналізе моўных фактаў і з’яў, паколькі валодае значнай тлумачальнай здольнасцю. Даследчык падкрэслівае, што з яго дапамогай магчыма выявіць анталагічныя ўласцівасці аб’ектаў, якія вывучаюцца, на аснове пэўных крытэрыяў вызначыць іх групы (тыпы) і вылучыць заканамернасці сістэмнай арганізацыі той ці іншай часткі мовы [11, с. 2].

Неабходна адзначыць, што разам з паняццем “тып намінацыі” ў сучаснай анамасіялогіі ўжываюцца тэрміны “прынцып намінацыі”, “тыпы матываваных прыкмет”. М.Д. Галеў у выніку аналізу даследаванняў па анамасіялогіі прыходзіць да высновы, што розныя тэрміны абазначаюць адну і тую ж лінгвістычную з’яву – своеасаблівыя анамасіялагічныя мадэлі з абагульненнем найбольш характэрных аспектаў і прыкметы, па якіх адбываецца намінацыя аднародных прадметаў [5, с. 17].

Пры выяўленні тыпаў найменняў важным з’яўляецца выдзяленне іх анамасіялагічнага базісу і анамасіялагічнай прыкметы. На думку У.Р. Гака, любы прадмет “характарызуецца мноствам прыкмет, уласцівасцей, адносін, іх немагчыма, ды практычна і не трэба выдзяляць усе ў працэсе намінацыі, і прадмет называецца па якой-небудзь адной або некалькіх яскравых прыкметах, якія рэпрэзентуюць увесь прадмет” [4, с. 20]. Калі анамасіялагічны базіс, які вызначае катэгарыяльную прыналежнасць наймення, заўсёды характарызуецца простаай структурай, то анамасіялагічная прыкмета мае розную ступень ускладненасці. Так, паводле даследаванняў Т.Р. Трафімовіч, пад увагай знаходзіцца семантычная структуралізацыя паняцця, якая дае магчымасць прасачыць ход узнікнення вытворнага наймення ад больш высокіх да больш нізкіх узроўняў абстракцыі [11]. У сувязі з гэтым у якасці тыпалагізаванага параметра для пабудовы класіфікацыі тыпаў найменняў можа выступаць характар анамасіялагічнай прыкметы. Прадуктыўнасць тыпаў намінацыі і іх іерархія дазваляюць зрабіць вывад аб тым, якія паняцці пры выяўленні анамасіялагічнай прыкметы з’явіліся найбольш значнымі і прадуктыўнымі і як яны звязаны з універсальнымі канцэптуальнымі ўяўленнямі чалавека. Вылучыць анамасіялагічную прыкмету магчыма для кожнага аднаслоўнага вытворнага і бівербальнага наймення шляхам узнаўлення намінатыўнага суджэння. Так, Т.Р. Трафімовіч у працы, прысвечанай старарускай прадметнай намінацыі, выдзяляе як найбольш тыповыя *агентывую, аб’ектную, лакатывую, пасесывую і нумеральна-тэмпаральную* прыкметы [11, с. 50]. Н.А. Дзерунова вылучае ў сваім даследаванні яшчэ і *кваліфікацыйны тып* [6].

Для аналізу былі ўзяты субстантыўныя бівербальныя найменні будаўнічай сферы, якія ўваходзяць у тэматычныя падгрупы “Будаўнічыя матэрыялы і рэчывы”, “Будынкі, памяшканні”, “Будаўнічыя канструкцыі, іх часткі і элементы”. Крыніцай эмпірычнага матэрыялу сталі пяцітомны “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” [10], двухтомны “Русско-белорусский политехнический словарь” [8], “Современный русско-белорусский политехнический словарь” [1], “Русско-белорусский словарь по основам строительного дела” [9], а таксама асобныя выданні, прысвечаныя будаўніцтву. Намі было прааналізавана больш за 2000 бівербальных найменняў, сярод якіх вылучана 394 бівербальныя адзінкі кваліфікацыйнага тыпу.

Кожны аб'ект валодае шэрагам прыкмет, адзін з якіх кладзецца ў аснову пры яго называнні. Часам бывае цяжка вызначыць сутнасць наймення, устанавіць яго прыналежнасць да канкрэтнага тыпу. Часцей за ўсё гэта адбываецца ў найменнях, дзе ў аснову намінацыі закладзены кваліфікацыйныя прыкметы, а якасць ці ўласцівасць анамасіялагічнай прыкметы выражаецца непасрэдна значэннем асновы слова-прыкметы. Аб гэтым даволі падрабязна пісаў В.У. Вінаградаў. Ён прапанаваў вылучыць групы прыметнікаў, якія называюць колер, прасторавыя і часавыя якасці, знешнія і фізічныя ўласцівасці, унутраныя якасці і г.д. [2, с. 153]. Па словах Н.А. Дзеруновой, “кваліфікацыйнымі можна лічыць прыкметы, якія характарызуюць прадметы праз аднясенне іх да якіх-небудзь груп, не аб'яднаных паняццем дзеяння, месца, аб'екта і іншых тыповых для разгледжаных найменняў прыкмет” [6, с. 102]. Да кваліфікацыйнага тыпу адносяцца адзінкі, якія ў сваёй унутранай форме актуалізуюць інфармацыю аб фізічных якасцях аб'екта намінацыі. На думку Г.Н. Ягафаравай, можна выдзеліць два тыпы матываў, у якіх у аснове намінацыі змяшчаецца кваліфікацыйная прыкмета:

1) знешні выгляд аб'екта, г. зн. тое, што ўспрымаецца зрокам, дотыкам, а значыць важнымі аказваюцца ў працэсе намінацыі колер, форма, памер, велічыня, структура, фізічныя якасці і інш.;

2) унутраныя якасці аб'екта, тое, што можна адчуваць праз органы пачуццяў, а значыць, важнымі аказваюцца пры намінацыі пах, смак, характар, манера паводзіні інш. [12, с. 33].

Так, будаўнічыя тэрміны кваліфікацыйнага тыпу вылучаны ва ўсіх прааналізаваных тэматычных падгрупах і прадстаўлены сінтаксічнымі дэрыватамі. Невялікую групу складаюць бівербы тэматычнай падгрупы “Будаўнічыя матэрыялы, рэчывы”, у якіх атрыбутыўны кампанент указвае на колер: *портландцэмент белы, портландцэмент каляровы; эмаль белая; бляха чорная; вапняк белы; лінолеум шматколерны*. У дадзенай тэматычнай падгрупе шырока прадстаўлены бівербальныя найменні з атрыбутыўным кампанентам, які ўказвае на фізічныя якасці ці структуру матэрыялаў і рэчываў: *алюміній грануляваны; бетон порысты, бетон ячэйсты, бетон слаісты, бетон лёгка; бітум вязкі, бітум рэдкі, бітум мяккі; валакно цвёрдае, валакно эластычнае, валакно тастаўсценнае; гіпс валакністы; драўніна буйнаслойная, драўніна вузкаслойная; мрамур жылкаваты; пенапласт мяккі, пенапласт эластычны; парапласты гібкія, парапласты цвёрдыя; плітка порыстая; пластык валакністы, пластык ячэйсты; запаўняльнік актыўны, запаўняльнік порысты, запаўняльнік цвёрды; пігмент непразрысты*.

У тэрміналагічных словазлучэннях, якія ўваходзяць у тэматычныя падгрупы “Будынкі, памяшканні”, “Будаўнічыя канструкцыі, часткі, элементы” прыметнік указвае на форму ці памер аб'екта: *арка кругавая, арка паўцыркульная, арка рашотчатая, арка скразная; арматура стрыжнёвая; дзверы пустацелья; дом вышынны, дом тыпавы; перакрыцце плоскае, перакрыцце рабрыстае; сцяна ажурная; падмурак плоскі; градзірня секцыйная; купал стральчатый*.

Бівербальныя найменні кваліфікацыйнага тыпу ўтвараюцца ў выніку семантычнай дэрывацыі, калі адбываецца пераасэнсаванне атрыбутыўнага

кампанента. Напрыклад, *падлога чорная* (асаблінасці канструкцыі падлогі), *падлога чыстая* (асаблінасці канструкцыі падлогі); *дзверы глухія* (у якіх адсутнічаюць дэкаратыўныя элементы); *акно глухое* (акно, зробленае для формы, а не для карыстання); *сцяна глухая* (суцэльная сцяна без акон і дзвярэй); *бетон тлусты* (змяшчае вялікі працэнт цэменту ў сваёй структуры), *бетон бедны* (змяшчае нізкі працэнт цэменту ў сваёй структуры); *вапна бедная* (змяшчае ў сваёй структуры малы працэнт прымесей), *латэкс кіслы* (указвае на асаблінасці ў структуры) і інш.

Такім чынам, даследаванне тыпаў намінацыі адзінак будаўнічай сферы адыгрывае важную ролю, паколькі пры супадзенні ва ўсіх народаў найбольш важных уяўленняў аб прадметах і з'явах навакольнага асяроддзя працэс называння адбываецца па-рознаму. Анамасіялагічны падыход пры вывучэнні моўных адзінак дазволіў вылучыць у структуры бівербальных будаўнічых найменняў анамасіялагічны базіс і анамасіялагічную прыкмету. Паводле характару анамасіялагічнай прыкметы сярод моўных адзінак былі выдзелены бівербы кваліфікацыйнага тыпу, у якіх кваліфікацыйная прыкмета актуалізуе інфармацыю аб фізічных якасцях аб'екта намінацыі.

Літаратура

1. Булыко, А. Н. Современный русско-белорусский политехнический словарь / А.Н. Булыко (авт.-сост.). – Мн. : Харвест, 2007. – 432 с.
2. Виноград, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1998. – 768 с.
4. Гак, В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности / В.Г. Гак // Язык и действительность : сборник научных трудов памяти В.Г. Гака / редкол.: С.Г. Тер-Минасова (председатель) [и др.]. – Москва : URSS : Ленанд, 2007. – С. 16–26.
5. Голев, Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны / Н.Д. Голев // Русские говоры Сибири. – Томск : Изд-во ТГУ, 1981. – С. 17–21.
6. Дерунова, А.А. Названия документов в русском деловом языке XI–XVII вв.: становление и развитие номинативной категории, типы наименований: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Дерунова. – Минск, 2015. – 130 с.
7. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразования / Е.С. Кубрякова Изд. 3-е. – М. : URSS : Либроком, 2012. – 83 с.
8. Русско-белорусский политехнический словарь : в 2 т. / И. Л. Бурак (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1997–1998. – 2 т.
9. Русско-белорусский словарь по основам строительного дела / П. С. Бобарыко (авт.-сост.). – Минск : БГТУ, 1994. – 20 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я.Коласа ; рэдкал.: А. А. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984. – 5 т.
11. Трофимович, Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности : монография / Т. Г. Трофимович. – Минск : БГПУ, 2003. – 223 с.
12. Ягафарова, Г. Н. Ономазиологический анализ лексики современного башкирского языка : автореф. дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.02 / Г. Н. Ягафарова; Рос. акад. наук, Ин-т ист., яз. и лит. – Казань, 2018. – 52 с.

**ПРАЦЭС АДАПТАЦЫІ ЗАПАЗЫЧАННЯЎ НА ПРЫКЛАДЗЕ
ПЕРШАЙ КНІГІ ТВОРА З. БЯДУЛІ “ЯЗЭП КРУШЫНСКІ”
(РЭДАКЦЫІ 1929 І 1931 ГГ.)¹**

Першая кніга твора З. Бядулі “Язэп Крушынскі” выйшла асобнымі выданнямі ў 1929 г. [1], 1931 г. [2] і 1987 г. (на падставе рэдакцыі 1931 г. згодна з нормамі сучаснага правапісу) [3]. Рэдакцыя 1931 г. – апошняя прыжыццёвая публікацыя першай часткі рамана, у якую самім аўтарам былі ўнесены розныя змены: устаўлены два раздзелы, перанесеныя з другой кнігі твора, дадзены назвы ўсім раздзелам, зроблены некаторыя праўкі на фанетычным, лексічным і марфалагічным узроўнях. Улічваючы, што паміж першай і другой рэдакцыямі прайшло толькі два гады, а ў арфаграфічным афармленні тэксту другога выдання ўжо назіраюцца змены, важна разгледзець культурна-гістарычныя ўмовы, характэрныя для перыяду 1929–1931 гг.

У 1930 г. Правапіснай камісіяй Інбелкульты быў надрукаваны праект беларускага правапісу, падрыхтаваны ў 1927–1929 гг. Дадзены праект падлягаў грамадскаму абмеркаванню, якое ў сувязі з “вялікімі зменамі ў саміх асновах мовазнаўчага жыцця ў Беларусі, што сталі адбывацца ў 1930 г.” [4, с. 100], было адкладзена. Гэты перыяд (з канца 1930 г. да жніўня 1933 г., фактычна да моманту прыняцця 26 жніўня пастановы “Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу”) характарызуецца вучонымі як пераходны ад навукова-даследчага да дырэктыўнага перыяду ў гісторыі беларускай літаратурнай мовы [6, с. 42]. Менавіта тады “радыкальным чынам узмацніўся палітычна-ідэалагічны кантроль за беларускай лінгвістыкай” [4, с. 100] і пачалі мяняцца погляды на фарміраванне беларускай літаратурнай мовы. У гэтых умовах адбывалася перапрацоўка першай кнігі рамана “Язэп Крушынскі”.

У пастанове “Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу” важным раздзелам быў “Правапіс слоў іншамоўнага паходжання”, дзе прадпісвалася падпарадкоўваць напісанне ненаціскавага [о] ў замежных словах правілам беларускай фанетыкі, але рабілася выключэнне для “інтэрнацыянальных рэвалюцыйных слоў” тыпу *рэволюцыя, совет, комуна*. Акрамя таго, іншамоўнае *е* пасля зычных прапаноўвалася перадаваць літарай *е* замест *э (методыка, геаграфія)*; было пастаноўлена перадаваць [л] “згодна традыцыйнага, пашыранага ў БССР вымаўлення, г. зн. пераважна цвёрда: *метал, бензол, алмаз...*”; пасля літар *з, с* было прадпісана заўсёды пісаць *і (сістэма, фізіка)* і інш. [5, с. 7–8].

У дадзеным артыкуле разгледзім, як адбываўся працэс адаптацыі замежных слоў у беларускай мове 1929–1931 гг. на прыкладзе першых двух рэдакцый твора З. Бядулі “Язэп Крушынскі”. У выніку аналізу тэксту на матэрыяле выбраных 160 лексем іншамоўнага паходжання вылучаны наступныя групы запазычанняў.

¹ Пры напісанні артыкула былі выкарыстаны крыніцы тэксту першай кнігі рамана, падрыхтаваныя для падкорпуса беларускіх пісьмовых тэкстаў 1918–1941 гг.

1. Да першай групы, прадстаўленай самым вялікім блокам лексем, адносяцца запазычанні, якія ў рэдакцыях 1929 г. і 1931 г. графічна супадаюць. Гэта у значнай ступені звязана з невялікім прамежкам часу паміж узнікненнем адной і другой рэдакцыі, які, на наш погляд, быў недастатковы для завяршэння працэсу засвойвання новага слова. Да таго ж, абедзве рэдакцыі ствараліся да рэформы беларускага правапісу 1933 г., таму напісанне запазычанняў адпавядае тагачасным нормам транслітарацыі замежных слоў і адрозніваецца ад сучаснага правапісу. Для гэтай групы характэрны наступныя прыкметы:

- захаванне *о* ў ненаціскай пазіцыі (*акробатычны, аўторытэт, колектыў, комсамол, комунізм, кондуктар, канкрэтны, контрабанда, контраст, контроль, корэспондэнцыя, мотыў, одэколёныч, профэсія* і г. д.);

- захаванне перад іншамоўным *е* цвёрдасці зычных [б] (*жалезна-бэтонны, бэнзіна, губэрня*); [д] (*корэспондэнцыя, дэмакратычны, ідэалёгія, брудэршафт*); [т] (*інтэлігентны, матэрыял, інтэрнацыянал, эстэтызм, тэорыя*); [з] (*газэта, музэй, прэзэнт*); [с] (*сэміцкі, псэўдонім, сэмінарыя, дэмісэзонны*); [п] (*пэдагог, экспэрымэнт, эпопэя, апэтыт, экспэртыза*); [м] (*мэтод, амэрыканскі, мэлёдыіны, мэлянхолічна*); [н] (*анэкдот, габінэт, сонэт, монэтка, плянэта*); [в] (*сарвэтка, канвэрт, рэвэранс, вэер, унівэрсытэт, Жуль Вэрн* і інш.);

- захаванне мяккасці гукі [л’]: *балёда, бухгалтар, доляр, лёзунг, лягер, мэлёдыя, плян, плянэта, псіхалёгія, хронолёгічны* і г. д.;

- напісанне паводле лацінскай традыцыі “бета” як [б]: *Барбара, юбэлір, Абэль, бабілёнцы*; “фіта” як [т]: *патос, мітычны*.

2. Другая група запазычанняў складаецца з лексем, якія ў рэдакцыях 1929 г. і 1931 г. адрозніваюцца ступенню засвоенасці. Як правіла, у рэдакцыі 1931 г. словы замежнага паходжання прадстаўлены больш адаптавана (іх напісанне падпарадкоўваецца фанетычнаму прынцыпу беларускай арфаграфіі); напрыклад, больш шырока распаўсюджана з’ява аканьня:

<i>Рэдакцыя 1929 г.</i>	<i>Рэдакцыя 1931 г.</i>
<i>контрoль</i>	<i>кантрoль</i>
<i>Прoлетарская (вуліца)</i>	<i>Пралетарская (вуліца)</i>
<i>кoмплект</i>	<i>камплeкт</i>
<i>кoндуктар</i>	<i>кандуктар</i>

Тым не менш, у рэдакцыі 1929 г. сустракаецца варыянт *паўночны* (параўн. у рэд. 1931 г.: *поўночны*).

Адлюстраванне на пісьме аканьня ў некаторых іншамоўных лексемах адбываецца непаслядоўна. Так, у рэдакцыі 1929 г. рэгулярна выкарыстоўваецца графічны варыянт *портрэт*, але адзін раз сустракаецца варыянт *партрэт*, які ў сучаснай беларускай мове з’яўляецца нарматыўным. Цікава, што ў рэдакцыі 1931 г. аўтар ужывае толькі напісанне *портрэт*, што можа быць абумоўлена неканчатковай засвоенасцю гэтага запазычання на фанетычным узроўні. У абедзвюх рэдакцыях выкарыстоўваюцца варыянты *агроном* / *аграном*. У рэдакцыі 1929 г. варыянт *аграном* – 2 разы (у параўнанні з варыянтам *агроном* – 114 разоў), а ў рэдакцыі 1931 *аграном* – 4 разы (*агроном* – 116 разоў).

У напісанні некаторых лексем у другой рэдакцыі была цалкам знята непаслядоўнасць (*контр*рэвалюцыя / *контрр*рэвалюцыя (1929 г.) – *контрр*рэвалюцыя (1931 г.); *кішэнь* / *кішэнь* (1929 г.) – *кішэнь* (1931 г.)).

У асобных выпадках сустракаюцца фанетычна засвоеныя варыянты напісання замежных слоў з мяккімі зычнымі [с'] і [з'] перад [і].

<i>Рэдакцыя 1929 г.</i>	<i>Рэдакцыя 1931 г.</i>
<i>портсыгар</i>	<i>портсігар і портсыгар</i>
<i>сырэна</i>	<i>сірэна</i>
<i>фізіяномія</i>	<i>фізіяномія і фізіяномія</i>

Разам з тым, у абодвух выданнях ёсць лексічныя адзінкі, дзезычныя [с] і [з] не змякчаюцца: *с*ымбалічны, *с*ымбаль, *п*сыхолёгія, *с*ымэтрыя, *в*элёсыпэд, *ф*ізічны, *м*агазын, *п*озыцыя, *в*ізытны, *б*энзына, *к*омпозытар.

Захаванне мяккасці гукі [л'] – таксама непаслядоўная з'ява. Так, у рэдакцыі 1929 г. сустракаецца графічны варыянт *гумалястыкавы*, а ў рэдакцыі 1931 г. – два варыянты гэтай лексемы: *гумалястыкавы* і *гумаластыкавы*.

У рэдакцыі 1929 г. паслядоўна выкарыстоўваецца лексема *вагзал*, а ў рэдакцыі 1931 г. – *вакзал*, згодна з традыцыйным прынцыпам арфаграфіі. У абедзвюх рэдакцыях гэтым прынцыпам арфаграфіі рэгламентуецца напісанне слоў *экзэмпляр*, *экзамін*, *экзаменаваць*.

3. Да трэцяй групы належаць запазычанні, якія ў пазнейшай рэдакцыі твора замяняліся спрадвечна беларускімі словамі. Так, для замены запазычанняў выкарыстоўваюцца моўныя сінонімы (*тэрыторыяльнай* (1929 г.) – *мясцовай* (1931 г.)), а ў большасці выпадкаў – кантэкстуальныя сінонімы (*На гэтым месцы ён бачыў такія прыгоды тысячы разоў. Гэта для яго было старым, надакучлівым трафарэтам* (1929 г.) – *На гэтым месцы ён бачыў такія прыгоды тысячы разоў. Гэта для яго было старой, надакучлівай справай* (1931 г.)²; *Тут касец навесялеў і загаварыў зноў аўторытэтным тонам* (1929 г.) – *Тут касец навесялеў і загаварыў зноў упэўненым, урачыстым тонам* (1931 г.)³; *Гэта для яго абстрактная развага, якая розуму і сэрцу мала гаворыць* (1929 г.) – *Гэта для яго пустая развага, якая розуму і сэрцу мала гаворыць* (1931 г.)⁴).

Варта адзначыць, што слова іншамойнага паходжання можа замяняцца словазлучэннем: *Толькі калі-ні-калі⁵ ківаў галавою ў знак згоды, гаварыў “угум”, маскіруючы, такім чынам, сваю неінтэлігентнасць* (1929 г.) – *Толькі калі-ні-калі ківаў галавою ў знак згоды, гаварыў “угум”, маскіруючы, такім чынам, свае слабыя веды* (1931 г.), дзе ў слове *інтэлігентнасць* актуалізуецца значэнне ‘адукаванасць, культурнасць’ [7, т. 2, с. 552].

Акрамя таго, зрэдку запазычанні замяняюцца словамі з іншымі значэннямі, што можа тлумачыцца неабходнасцю дадаць новыя сэнсы ў змест тэксту. Параўн.: *У канцы гутаркі ён заўсёды акцэнтаваў кропку велічынёю ў стог і пасля элегантнага рэвэрансу ціхенька, як мыш, высоўваўся з габінэту*

²У першым прыкладзе актуалізавана пераноснае значэнне слова *трафарэт*: ‘2. перан. Раз і назаўсёды прыняты ўзор каго-, чаго-небудзь, якога слепа прытрымліваюцца; шаблон’ [7, т. 5, кн. 1, с. 516].

³У першым варыянце слова *аўторытэтны* мае значэнне ‘2. які не дапускае пярэчанняў; уладны (пра тон, жэст, выгляд і пад.)’ [7, т. 1, с. 303];

⁴Слова *абстрактная* азначае ‘1. процілеглае канкрэтны’ [7, т. 1, с. 79].

⁵У прыкладах захоўваецца правапіс арыгінала.

начальніка (1929 г.) – У канцы гутаркі ён заўсёды акцэнтаваў кропку велічынёю ў стог і пасьля **многазначнага** рэвэрансу ціхання, як мыш, высоўваўся з габінэту начальніка (1931 г.); Яе трэба было зваць ня Бэргер, а Кветка, бо ад яе заўсёды пахла **парфумэрыяй** (1929 г.) – Яе трэба было зваць ня Бэргер, а Кветка, бо ад яе заўсёды пахла **кветкамі** (1931 г.).

Адзінкавым прыкладам прадстаўлена адваротная з’ява, калі слова беларускага паходжання замяняецца замежным словам: *Два брахуны (адзін Дзяцел, другі Дрозд) вялі цяпер між сабою заядлую бойку* (1929 г.) – *Два брахуны (адзін Дзяцел, другі Дрозд) вялі цяпер між сабою слоўны турнір* (1931 г.). У дадзеным выпадку замена ўласна беларускай лексемы на запазычанне надае сатырычнае адценне фразе і сітуацыі ў цэлым, дзякуючы сумяшчэнню ў адным сказе слоў размоўнага і кніжнага стылю (*брахуны, турнір*).

Такім чынам, у рэдакцыі першай кнігі твора Змітрака Бядулі “Язэп Крушынскі” 1931 г. у параўнанні з папярэднім варыянтам 1929 г. адбываецца паступовае засваенне запазычанняў на фанетычным узроўні (з’ява акання, змякчэнне [с] і [з] перад [і]), а таксама аддаецца перавага варыянтам традыцыйнага напісання некаторых слоў. Большасць лінгвістычных змен носіць непаслядоўны характар. На лексічным узроўні ў рэдакцыі 1931 г. назіраецца замена слоў замежнага паходжання моўнымі ці кантэкстуальнымі беларускімі сінонімамі, сінанімічнымі выражэннямі, а таксама больш далёкімі ў сэнсавых адносінах словамі.

Літаратура

1. Бядуля, З. Язэп Крушынскі. Раман. Кніга першая / З. Бядуля. – Менск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1929 г. – 332 с.
2. Бядуля, З. Язэп Крушынскі. Раман. Кніга першая / З. Бядуля. – Менск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1931 г. – 416 с.
3. Бядуля, З. Язэп Крушынскі. Раман. Кніга першая // Зб. твораў у 5 т. – Т. 4. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1987. – 375 с.
4. Запрудскі, С. М. Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918–1941) : дапаможнік / С. М. Запрудскі. – Мінск : БДУ, 2015. – 191 с.
5. Змены беларускага правапісу ў Савецкай Беларусі. Правапіс слоў іншамоўнага паходжання // “Звязда”. – 1933. – № 189. – С. 7–8.
6. Кошчанка, У., Мартысюк, В. Корпус беларускіх пісьмовых тэкстаў 1918–1941 гг.: прынцыпы ўкладання / У. Кошчанка, В. Мартысюк // Беларуская лінгвістыка. Вып. 87. – Мінск : Беларуская навука, 2021. – С. 42–48.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. – 5 т.

Ж. Дунькович, Е. Моховикова

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь)

ПОТЕНЦИАЛ КЕЙС-МЕТОДА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Современная методика преподавания русского языка как иностранного, развивая и совершенствуя традиционные методы обучения, особое внимание уделяет инновационным методам, предполагающим новый порядок взаимодействия «пре-

подаватель—студент» и изменение способов подачи учебного материала. С помощью этих методов осваиваются не только научно-теоретические знания, но и способы получения и обработки информации, технологии коммуникации между людьми, происходит интенсивное личностное развитие обучающихся.

Как отмечают специалисты, актуальными и перспективными методами обучения русского языка как иностранного являются интерактивные методы, главными принципами которых являются максимальная включенность всех участников, сотрудничество в процессе общения обучающего и обучающихся, разнообразие видов, форм и приемов деятельности, опора на групповой опыт, целенаправленная рефлексия состоявшегося взаимодействия.

Одним из методов, обеспечивающих интерактивное обучение, является кейс-метод, основанный на анализе и решении конкретной проблемной ситуации. Работа над проблемой (ее распознавание, анализ, структурирование, предложение вариантов решений) развивает аналитические и дискуссионные навыки студентов, критическое мышление, а также формирует важные профессионально ориентированные компетенции: способность применять на практике знания из разных областей, умение работать в коллективе, принимать решения.

Эффективная подготовка будущих специалистов возможна при интеграции теории и практики. Это способствует формированию у студентов целостной картины мира, нераздельному освоению требуемых компетенций. Кейс-метод является инструментом, позволяющим применить теорию к решению практических задач. Наиболее широкое распространение данный метод получил в бизнес-образовании, а также в преподавании социальных наук.

В обучении русскому языку как иностранному данная методика предоставляет студентам возможность «погрузиться» в различные сферы современного общества, на практике «проиграть» реальные ситуации общения, решить коммуникативную задачу в условиях дефицита языковых средств, адаптироваться к реальным и потенциально возможным ситуациям в чужой стране. Важным условием реализации кейс-метода является обучение через общение, в котором находят отражение такие принципы, как мотивированность, целенаправленность, ситуативность, сотрудничество, обратная связь.

Организация речевого взаимодействия является эффективным средством достижения главной цели обучения иностранному языку – овладение всеми видами речевой деятельности, составляющими умение общаться на иностранном языке [1].

Кейс-метод может успешно применяться на занятиях русского языка как иностранного, так как данный метод комплексный и направлен на обучение основным видам речевой деятельности: чтению, говорению, письму, аудированию. Все задания кейса предполагают речевую активность обучающихся, которая проявляется в восприятии и продуцировании устной и письменной речи. Таким образом, знания, умения и навыки приобретаются в результате активной деятельности: самостоятельного отбора необходимой информации, ее анализа, подведения итогов. Знакомство с кейсом, поиск решения проблемы, процесс анализа ситуации во время занятия являются хорошими стимулами к проявлению речевой инициативы иностранного студента.

У кейса есть четкая структура, которая состоит из проблемной ситуации, вопросов и заданий для обсуждения. Кроме этого, кейс по РКИ может включать

в себя следующие материалы: 1) репродуктивные и продуктивные задания на отработку лексико-грамматического материала; 2) задания на развитие навыков говорения и аналитического чтения; 3) описание проблемной ситуации в виде текста; 4) приложения с различной информацией (например, таблицы, справочный грамматический материал, сжатая информация по проблеме, изложенной в кейсе и др.).

Конкретные ситуации для кейса разрабатываются на основе подлинных источников информации: научных статей, монографий, статистических материалов, художественной и публицистической литературы, новостных сообщений, тексты реклам, афиш, метеосводок, меню и др., что придает учебному процессу необходимую достоверность. Ценным источником могут стать также реальные жизненные события и факты [2, с. 135].

В результате ознакомления с аутентичными текстами студенты получают сведения об особенностях коммуникации в данном социуме, расширяют репертуар языковых средств, знакомятся с культурным и социальным контекстом.

Тематику кейсов определяют рамки учебных программ. При разработке кейса по РКИ преподаватель должен учитывать следующие факторы: соответствие образовательным целям; наличие потенциала для развития аналитического мышления студентов; актуальность, доступность, реальность и дискуссионный характер темы [3, с. 89]. Конкретная ситуация должна являться вызовом для речевой реакции студентов. Это побуждение к вступлению в коммуникативное взаимодействие достигается при условии наличия эмоционального отклика на полученную информацию.

Приведем примеры тем кейсов для иностранных студентов, изучающих русский язык на постпороговом уровне (B2):

1. Плюсы и минусы обучения за рубежом.
2. Книга или Интернет: что победит?
3. Бизнес или госсектор: где лучше строить карьеру?
4. Вегетарианство: польза или вред?
5. За и против: нужно ли в современном мире получать высшее образование?
6. Искусственный интеллект: угроза или помощник для человечества?
7. Геймер или игроман? Вред и польза компьютерных игр.
8. Положительные и отрицательные стороны удаленной работы.

Ознакомление студентов с текстом кейса и последующий его анализ целесообразно проводить за несколько дней до его обсуждения, так как эта работа требует существенных временных затрат.

Для реализации кейс-метода в обучении иноязычному общению возможна следующая последовательность действий:

Этап 1. Знакомство с предъявленной ситуацией; распознавание и формулирование в ней проблем и противоречий.

Этап 2. Изучение информации по содержащейся в кейсе проблеме, выделение наиболее значимой информации.

Этап 3. Обмен мнениями и составление плана работы над решением проблемы.

Этап 4. Разработка вариантов решения проблемы на основе анализа информации.

Этап 5. Общая дискуссия, рассмотрение альтернативных решений.

Этап 6. Совместное подведение итогов; принятие оптимального решения.

Этап 7. Публичная защита разработанных вариантов разрешения ситуаций с последующим оппонированием (формой защиты может быть доклад, мультимедийная презентация, коллаж, газета и т. д.).

Необходимо принять к сведению, что работа с кейсами наиболее успешно проходит в студенческих коллективах с благоприятной психологической атмосферой, где уже преодолён барьер общения и взаимодействие строится на принципах поддержки и конструктивной критики.

Специалисты рекомендуют применять кейс-метод на среднем и продвинутом этапах обучения, так как студентам необходим определённый запас знаний по специальности, сформированные коммуникативные навыки и навыки самостоятельной и групповой работы. Недостаточная подготовка обучающихся к данному способу предъявления учебного материала, неразвитость их мотивации может приводить к поверхностному обсуждению проблемы. Кроме того, данный метод не является универсальным и является особенно эффективным в сочетании с другими методами обучения иностранным языкам. Следовательно, использование кейсов на учебном занятии должно быть методически обоснованным.

Таким образом, метод кейсов предполагает переход от традиционного метода накопления знаний к активному практико-ориентированному подходу и обладает большим образовательным и развивающим потенциалом.

Литература

1. Индивидуализация в обучении иностранным языкам : учеб. пособие / под ред. Е. И. Пассова, Е. С. Кузнецовой. – Воронеж : Интерлингва, 2002. – 40 с.
2. Золотова, М. В., Демина, О. А. О некоторых моментах использования метода кейсов в обучении иностранному языку // Теория и практика общественного развития. Краснодар: ХОРС, 2015. – № 4. – С. 133–136.
3. Современные образовательные технологии: учебное пособие / под ред. Н. В. Бордовской. 2-е изд-е, стер. М.: КНОРУС, 2011. – 432 с.

Т.Н. Игнатюк, Янь Мэнда
(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь)

ПАФОС КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

1. Пафос как составляющая белорусской речи на сегодняшний день в белорусской лингвистике не исследована. Между тем, некоторые традиционные явления становятся понятными, если рассматриваются с точки зрения действующей энергетики речи, в которой решающую роль играет пафос.

1.1 Термин пафос (от др.-греч. *Pathos*) известен еще со времен античности. Однако нельзя сказать, что на сегодняшний день он имеет четкую дефиницию. Это понятие можно отнести в один ряд со словами вдохновение, возбуждение, восторг, муки и т.п. Пафосом в литературоведении называется «идейно-эмоциональная направленность литературного произведения, которая определяет специфику художественного содержания в совокупности всех его компонентов» [7, с. 264]. Пафос понимается как чувство, страсть, которое вложил в свое произведение автор и какими он хотел бы вдохновить читателя.

В античной эстетике пафос означал определенное вдохновение, преимущественно трагического типа. Так, Аристотель в «Поэтике» относит пафос к числу необходимых элементов трагедии и характеризует его как «действие, которое приносит гибель или боль». В «Метафизике» он понимает пафос как возможность перехода от одного состояния к другому – более возвышенного, а в риторике определяет пафос как «то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, могут быть довольны или недовольны» [1, с. 11].

Пафосу как активному динамическому переживанию в античной эстетике противопоставляется этос – пассивное качество человека. Аристотель, говоря о различных свойствах стиля, разграничивает пафос, этос и логос: «Стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувств (пафос), когда он обнаруживает характер (этос) и если он соответствует действительному положению вещей (логос)» [2, с. 21].

В эстетике нового времени категория пафоса была разработана, прежде всего, Фридрихом Шиллером в тесной связи с понятием возвышенного и концептом свободы. По Шиллеру, пафосу необходимо оппозиционное ощущение не только глубоких и сильных страданий, но избавление от них; чтобы в борьбе нравственного «я» человека со страданиями проявлялась внутренняя свобода человеческого духа. Пафос нового времени – это возвышенная свобода духа, которая возникает в результате победы его над переживаниями и страданиями.

По Гегелю, пафос – это всеобъемлющая «сущность» сила мира, которая становится внутренней пружиной деятельности человечества, центром, который определяет собой все человеческие ощущения и поступки. В таком понимании пафос составляет «настоящий центр, настоящее царство искусства» [4, с. 236].

В русском литературоведении большое распространение имела теория пафоса, созданная Виссарионом Белинским. Он считал, что «источник творческой деятельности личности есть ее дух» [3, с. 313]. Пафос есть страсть, которая иницируется идеей; он чисто духовный, моральный. Истинное отражение действительности не обходится без пафоса. Истинный пафос становится показателем и критерием достоинства художественного произведения.

2. Идея противопоставления пафоса и этоса способна стать, по нашему мнению, начальным пунктом его исследования в речи. Пафос контрастирует с этосом, воспринимается на его фоне. Контраст этоса и пафоса – это антитеза обычного и необычного, реального и установленного (номинального), обычая и закона.

2.1. Наиболее ярко этично-пафосная антитеза проявляется в публицистике. Публицистику невозможно представить себе без побудительного начала. В газетных текстах присутствует стремление возбудить интерес и призвать читателя, создать широкий резонанс какого-либо события. Происходит идеологизация жизни, создается возвышенная речь. Вряд ли обычный крестьянин на вопрос, что он делал в поле с утра до ночи, скажет: *От звезды до звезды находился на переднем крае борьбы за урожай*. Однако за него так скажет идеолог, создающий «огневую» лексику и фразеологию для поддержания у народа революционного боевого духа. *Не просто сбор урожая, но битва за урожай; не просто жить мирно, но бороться за мир*. Пафос способствует развитию возвышенной энергетически насыщенной лексики и фразеологии.

Пафос не обходится без такой фигуры речи, как перифраза: *не солдат, а воин; не университет, а альма-матер, храм науки; не верблюд, а корабль пустыни; не нефть, а черное золото* и т.д. Этот «вечный бой» воинственного пафоса контрастирует с обычными чувствами обычного человека, которые выражаются в народном изречении «лишь бы тихо, лишь бы войны не было».

2.2. Кроме публицистики, пафос присутствует в художественных произведениях, посвященных так называемым «переломным» периодам истории, например, революционным событиям, социалистическому строительству – коллективизации и индустриализации. Именно такими являются произведения, входящие в «Полесскую хронику» Ивана Мележа. В идеологизации жизни революционный пролетарский пафос контрастирует с патриархальным сельским этосом.

Основу пафоса составляет противоречие, вытекающее из идеологического позиционирования: мы – они, наше – не наше, пролетарское – буржуазное и т.д. – *Вражеские силы всех мастей, – заговорил он / Баилыков / четко, очень, – действуют широким фронтом. Они действуют в международном масштабе и на внутреннем фронте. Они не гнушаются ничем, чтобы взорвать нас. Они вредят нам и в больших, государственных делах, и в малых. В любом селе, в любом колхозе ... Классовый враг действует. И мы тоже, – голос Баилыкова все твердел, – будем действовать! Мы будем беспощадно бить по врагу и его помощникам! Где бы они не вылезли!* [6, с 61]. *Парень был наш, – как бы били Апейку слова сожаления. Мы верили ему. Надежались на него как на комсомольца, товарища! .. Он не может быть не нашим. Все, что в нем есть хорошее, все это наше. От советской власти ...* [5, с. 337]. Местоимение *мы* обретает пафосное звучание, воплощает идею монолитного единства. Уровень пафоса поднимается в связи с идеологическим напряжением речи.

Динамические пафосные стереотипы присущи агентивным именам. Их пафосный потенциал проявляется как предписание к активной деятельности, вдохновляет на совершение подвига: *Отец уже много лет лежал где-то в солдатской могиле, и мать – как бы в шутку, словно серьезно говорила о малом: "мужчинка мой", "хозяин наш"!* [5, с. 12].

Таким образом, пафос выступает необходимой составляющей речи. Пафос присутствует не в живой, а в искусственно сконструированной реальности. Он входит в противоречия с этическими реалиями жизни, является их отрицанием. В этом смысле пафос знаменует прогресс, который отрицает связь с культурным наследием предков. С полным правом пафос можно назвать национальным компонентом белорусского языка.

Литература

1. Аристотель. Поэтика, 11, 1452 в; рус.пер., М., 1957. – 183 с.
2. Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
3. Белинский, В. Полн. собр., соч. т.8 – М.: АН СССР, 1955. – С. 312–318.
4. Гегель, соч., т.12. Лекции по Эстетике, перевод Б. Г. Столпнера, П. С. Попова. – М., 1938. – С. 236–237.
5. Мележ, Иван. Подых навалыніцы: раман з “Палескай хронікі” / Иван Мележ. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2003. – 477 с.
6. Мележ, Иван. Завеі, снежань: раман з “Палескай хронікі” / Иван Мележ. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – 239 с.
7. Тимофеев, Л. И., Тураев, С. В. Словарь литературоведческих терминов / Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.

ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В ТЕКСТАХ ПОСЛОВИЦ СБОРНИКОВ И.И. ИЛЛЮСТРОВА И В.И. ДАЛЯ

У каждого народа с давних времён в речевом обиходе наряду со словами и устойчивыми сочетаниями слов использовались и устойчивые фразы, одну из разновидностей которых составляют поговорки. Под поговорками понимаются вторичные языковые знаки - замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями. Они привлекают носителей языка своей семантической ёмкостью и способностью к употреблению в различных речевых ситуациях и с разными речевыми целями. Как представляется, эти единицы образуют одну из семиотических подсистем, обеспечивающих процесс полноценной коммуникации носителей одного языка.

В лексиконе пословиц особое место занимают оценочные номинации лица. Они не могут быть закреплены за конкретной предметно-речевой сферой применения, так как в них на первом месте выражены этические воззрения народа, духовные стереотипы. Это прежде всего лексемы, относящиеся к группе обозначений лица по семейному статусу, по социальному положению, поведенческие номинации лица. Небольшая группа слов связана с трудовой деятельностью народа и бытом. Однако характер выражения, степень отчетливости оценки в этой лексике неодинакова.

В некоторых словах оценочный компонент осложняет денотативное значение и выступает **в виде суффиксов**. Особенно распространен такой способ выражения оценки в кругу обозначений лиц по семейному статусу. В качестве примеров приведем лексемы *бабка, бабушка, бабуся, батюшка, богданушка* (внебрачный ребенок), *вдовица, вдовушка, дедушка, детки, детушки, дитятко, женишок, маменька, матушка, муженек, мужилка, мужичок, мужишко, невестушка, племятко, свекровка, свекровушка, сестрица, сиротинка, сношенька, сынок, сыночек, сынище, тетушка, тятенька*.

Средствами выражения положительного или отрицательного отношения к членам семьи, рода выступают, как правило, суффиксы *-ушк /юшк* (*бабушка, батюшка, вдовушка, дедушка, невестушка, свекровушка, тетушка, детушки*), *-к/-ок/- очек-* (*бабка, свекровка, детки, женишок, сынок, сыночек*), *-еньк-/ -енек-* (*маменька, тятенька, сношенька, муженек*), *-иц-* (*вдовица, сестрица*), *-ятк-* (*дитятко, племятко*), *-ус-* (*бабуся*), *-инк-* (*сиротинка*), *-ишк-* (*мужишко*). В большинстве своем они имеют положительную оценочность.

Однако в них возможны и оттенки пренебрежения (*женишок, мужишко, мужилка*):

Худ мужишко, а всё придульишко: за него завалюсь, никого не боюсь [2, с. 120].

Только однажды отмечен суффикс увеличительный (*сынище*), при этом названный дериват выступает как контекстный антоним к слову *сыночек*:

Если сыночка от скверных привычек не мог уберечь, поздно сынища за шалости сечь [2, с. 169].

Другие слова совмещают в семантической структуре денотативный и коннотативный компоненты значения в силу того, что обозначаемое понятие неотделимо от оценки. Здесь оценочность входит в денотативное значение слова и при этом преобладает. Этот компонент значения заложен в самом слове, явно выступает в нем во многих номинациях как с положительной, так и с отрицательной оценочной окраской.

Однако в пословицах преобладают номинации отрицательного плана, так как они обычно фиксируют разного рода несоответствия общепринятым нормам народной этики и замечаются в первую очередь. Это такие лексемы, которые выражают социальную оценку (*докащик, понаровищик, донощик, крючкотворец, ябедник, ярышка*), оценивают общественное положение человека (*бесприданница, горемыка, печальник, печальница*), содержат поведенческие и психологические характеристики (*баловень, лежень* (лежебока), *плут, хапун, тягун, шатун просточок, напозок* (тихоня), *смутьянка, смутница, насмешиник, дурак, дурень, дурочка*).

Слова с положительной коннотацией в пословицах встречаются реже (*знайка, праведник*).

В кругу названных номинаций немало диалектных слов или окказиональных образований, выступающих как результат словотворчества: *неделица* (неумеха) *неткаха, непряха, незнайка, соколёна, попихайло* (охочий к работе), *боглайка* (ленивая жена [1, I, с. 35]), *безобманница, безответница, нахвалёнка* (та, которую хвалят, прославляют [1, IV, с. 544]) *похаёнка* (та, которую осуждают, бранят, хулят, порицают [1, IV, с. 543]). Здесь оценочное значение прозрачно благодаря мотивирующей основе. К отмеченным лексемам примыкают персонифицированные обозначения лета и зимы: *подбериха, подбираха* (зима), *припасиха*.

Ближняя – *похаёнка*, а дальняя – *нахвалёнка* [2, с. 98];

Боглайка никогда не будет хозяйка [2, с. 119].

В значительном количестве слов коннотация, в том числе и оценочность, заполняет собой все семантическое пространство их структуры. Речь идет о **метафорических обозначениях** лица. В пословицах представлены метафоры, построенные с использованием разных образов. Здесь можно выделить переносные обозначения лица, в основе которых лежат следующие объекты:

1) номинации других людей и человекоподобных существ: *ворог, а* (чучело); *выродок, супостат, урод, разбойник, чертовка, тумак* (глупый), *чулинда*.

За добрым мужиком и чулинда – жена, а за дурным и поповна раба.

2) названия животных и птиц: *пёс* (муж), *собака* (зять) *курочка* (неумная), *ворона* (о женщине).

Ближняя – *ворона*, а дальняя – *соколёна* [2, с. 123].

Изучение характера оценочности лексических единиц требует обязательного учета экстралингвистических факторов, хотя способы ее актуализации в контексте пословиц и поговорок разнообразны. Как правило, в текстах паремий оценочность представляет собой компонент семантической структуры, который существует в языке как часть денотата (*хапун, ярыжка, лежень, дурак, докащик, ябедник*). Довольно часто в этих произведениях фольклорного жанра выступают формальные показатели оценочности – разного рода суффиксы со значением уменьшительно-ласкательным, уничижительным (*вдовица, вдовушка,*

дедушка, детки, детушки, дитяtko, женишок, маменька, матушка, муже-нек, мужилка, мужичок, мужишко, невестушка, племяtko), иногда увеличительным (*сынище*).

Распространены в текстах пословиц и метафорические оценочные обозначения лица. Особый интерес, на наш взгляд, представляет собой оценочность, в основе которой лежат ассоциации, обусловленные экстралингвистическими характеристиками понятия. Такая оценочность проявляется в контексте и может зависеть от него, она даже может изменить существующую в слове оценку на противоположную.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991.
2. Иллюстров, И.И. Сборник российских пословиц и поговорок / И.И. Иллюстров. – Киев: Типография С.В. Кульженко, 1904. – 482 с.

О. Снежицкая

*(Гродненский государственный медицинский университет,
г. Гродно, Беларусь)*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ (ОПЫТ РАБОТЫ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЁМОВ ТРКМ)

Новые технологии включают в себя не только современные технические средства, но и новые методы обучения. Инновационные методики – это новый стиль организации учебно-познавательной деятельности. Они изменяют как способы предъявления и усвоения знаний, так и тип овладения ими. Цель нововведений – активизировать, оптимизировать, интенсифицировать процесс познания. Обязательное включение учащихся в деятельность, в коллективные формы работы, в обмен мнениями – это главная составляющая инновационного обучения.

Благодаря использованию разнообразных форм работ и средств обучения, элементы технологии развития критического мышления через чтение и письмо способствуют оптимизации учебного процесса, а также развитию самостоятельной активности студентов.

В технологии ТРКМ используются разные методы и приемы, применяемые как на определенном этапе, так и в качестве стратегии ведения урока в целом [1].

Рассмотрим те приёмы, которые достаточно эффективны при обучении РКИ.

При изучении темы «Гродненский государственный медицинский университет» используется приём *“Корзина идей”*. Это приём организации индивидуальной и групповой работы на начальной стадии учебного занятия, когда идет актуализация знаний и опыта. Этот приём позволяет выяснить все, что знают студенты по обсуждаемой теме. На доске прикрепляется значок корзины, в которую условно собираются известные факты об изучаемой теме [1].

Алгоритм работы:

1. Каждый студент вспоминает и записывает в тетради все, что знает по теме (индивидуальная работа продолжается 1-2 минуты).
2. Обмен информацией в парах или группах.
3. Далее каждая группа называет какое-то одно сведение или факт, не повторяя ранее сказанного.
4. Все сведения кратко записываются в “корзине идей”, даже если они ошибочны.
5. Все ошибки исправляются по мере освоения новой информации.

Приём “*Написание синквейна*”

Синквейн – самая лёгкая форма стихотворений по алгоритму.

В переводе “синквейн” означает стихотворение, состоящее из пяти строк, которое пишется по определенным правилам.

На первой строчке записывается одно слово – существительное. Это тема синквейна.

На второй строчке надо написать два прилагательных, раскрывающих тему синквейна.

На третьей строчке записываются три глагола, описывающих действия, относящиеся к теме синквейна.

На четвертой строчке размещается фраза, состоящая из нескольких слов, с помощью которых ученик выражает свое отношение к теме.

Пятая строчка – это слово-резюме, которое позволяет выразить личное отношение к теме, дает ее новую интерпретацию [1].

Студенты с удовольствием сочиняют синквейны. Например:

Первая строчка: *Мой университет.*

Вторая строчка: *Гродненский, медицинский.*

Третья строчка: *Учиться, изучать, проходить практику.*

Четвёртая строчка: *Лучший медицинский университет в республике Беларусь.*

Пятая строчка: *Альма-матер.*

Приём “*Письмо по кругу*”

Приём “Письмо по кругу” предполагает групповую форму работы. Предлагается тема письма «Каким должен быть врач?». У каждого студента должен быть лист бумаги. Им нужно не только поразмышлять на заданную тему, но и согласовывать свое мнение с членами группы. Каждый член группы записывает несколько предложений на заданную тему, затем передает свой листок соседу. Получив листок, сосед продолжает его размышления. Листочки двигаются до тех пор, пока к каждому не вернется листок, в котором были написаны его первые предложения.

Модель написания эссе.

1. Предварительный этап (инвентаризация): вычленение наиболее важных фактов, понятий и т.д.
2. Работа над черновиком.
3. Правка. Может осуществляться в паре.
4. Редактирование. Исправление замечаний, сделанных в ходе правки.
5. Публикация, т. е. чтение перед аудиторией.

На современном этапе развития методика РКИ на первое место выдвигает коммуникативный принцип, который помогает учащимся получить определённые знания о культуре речевого общения. Одной из активных форм обучения РКИ является учебная экскурсия. Такая форма организации учебного занятия не только активизирует деятельность учащихся, но и способствует формированию социокультурной компетенции, для формирования которой недостаточно только аудиторных занятий. Возможности внеаудиторной работы позволяют расширить представления о культуре страны изучаемого языка, закрепить речевые навыки и навыки владения лексико-грамматическим материалом.

На экскурсиях по историческому центру города Гродно, его музеям студенты имеют возможность общаться на русском языке не только с преподавателем, но и с экскурсоводами. Безусловно, учебная экскурсия требует предварительной подготовки со стороны как преподавателя (составление учебных текстов экскурсии; выбор художественных текстов соответствующей тематики; составление презентаций; подбор иллюстративного материала), так и студента (чтение и перевод текстов, предлагаемых преподавателем; составление по этим материалам небольшого рассказа и воспроизведение своего текста).

С целью оптимизации учебного процесса, формирования самостоятельной активности студентов, обязательного включения всех учащихся в деятельность, в коллективные формы работы, в обмен мнениями рекомендуется использовать инновационные методы и приёмы обучения.

Как за короткое время освоить большое количество информации? В этом поможет приём ТРКМ через чтение и письмо «Сводная таблица». Она выглядит так (таблица 1):

Таблица 1 – Пример «Сводной таблицы»

Тема 1	Тема 2	ЛИНИЯ СРАВНЕНИЯ	Тема 3	Тема 4

Студентам можно предложить самостоятельно подготовить экскурсию «Гродно – город, в котором я учусь». Участники исследования делятся на группы. Каждый член группы получает свой объект: Коложская (Борисоглебская церковь), Старый замок, Новый замок, Фарный костёл. Первоначально каждый участник исследования в группе собирает информацию о своем объекте.

Например, Коложская (Борисоглебская церковь) находится на берегу реки Неман. Она была построена в 12-ом веке и т.д.

Затем, обменявшись информацией в группе, участники начинают составлять сводную таблицу. Они должны не только обменяться информацией, но и подумать, как ее объединить, т. е. выделить то общее, что станет основой для сравнения объектов, например: время строительства, архитектурный стиль, архитектор, назначение объекта, чем знаменито здание.

Таблица может выглядеть так (таблица 2):

Таблица 2 – Сводная таблица по теме «Гродно – город, в котором я учусь»

Коложская церковь	Старый замок	Линия сравнения	Новый замок	Фарный костёл
12 век	14 век	Время строительства	18 век	17 век
Византийский, Гродненская архитектурная школа	Ренессанс	Архитектурный стиль	Рококо	Барокко
Неизвестен	Сантi Гуччи	Архитектор	Пёппельман	Неизвестен
Проведение богослужений	Резиденция князей	Назначение в прошлом	Резиденция польских королей	Главный костёл города
Проведение богослужений	Музей	Современное назначение	Музей, библиотека	Проведение богослужений
Камень и дерево	Камень	Строительный материал	Кирпич	Камень, дерево
Один из старейших храмов в Беларуси и Восточной Европе	Единственный сохрaнённый княжеский замок в Беларуси	Чем знаменито	В замке в 1795 г. король Станислав Август Понятовский отрёкся от престола	Здесь находятся самые старые часы в Европе. Костёл работает круглосуточно

Такая форма работы позволяет выстроить образовательный процесс так, чтобы обеспечить самостоятельную и сознательную деятельность учащихся для достижения поставленных учебных целей, помогает преподавателю заменить пассивное слушание и пересказ на активное участие студентов в образовательном процессе, и тем самым повысить эффективность занятий.

Результатом такого обучения становится овладение социокультурными знаниями и становление вторичной языковой личности студента.

Это лишь небольшая часть методических приемов. Технология открыта для решения большого спектра проблем в образовательной сфере. Она представляет собой набор особых приемов и стратегий, применение которых позволяет выстроить образовательный процесс так, чтобы оптимизировать его, обеспечить самостоятельную и сознательную деятельность учащихся для достижения поставленных учебных целей. ТРКМ помогает учителю заменить пассивное слушание и пересказ на активное участие учащихся в образовательном процессе, и тем самым повысить эффективность занятий.

Литература

1. Загашев, И.О., Заир-Бек, С.И. Критическое мышление: технология развития: Пособие для учителя – СПб; Альянс “Дельта”, 2003. – 219 с.
2. Русский язык как иностранный. Лексико-грамматический курс (с мультимедийным приложением): пособие для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальности 1-79 01 01 «Лечебное дело» / А. В. Сентябова [и др.] ; под общ. ред. Е. П. Пустошило. – Гродно: ГрГМУ, 2020. – 402 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ СТИХИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Основными стихиями являются вода, земля, огонь и воздух (ветер). До нашего времени сохранилось множество устойчивых языковых выражений, компонентами которых являются названные лексемы, что свидетельствует об особом почитании упомянутых стихий, придании им сверхъестественных качеств.

Цель данной работы – рассмотреть фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом стихий в русском языке. Огонь – стихия, участвующая в акте сотворения мира, в мифологических представлениях предков олицетворяет мужское начало и противопоставляется земле и воде. В русской фразеологии тем не менее огонь и вода сближаются через один контекст: идти (пойти) в огонь и воду ‘везде и на все, на любые поступки, безрассудно и самоотверженно’; в огне не горит и в воде не тонет ‘нигде не пропадает, выбирается из любых обстоятельств’; пройти через огонь, воду и медные трубы ‘много претерпеть в жизни, побывать в различных обстоятельствах’ [1].

Символика огня дуалистическая. О восприятии его как мощной стихии, символа опасности свидетельствуют следующие фразеологические единицы: огнем и мечом ‘крайне сурово, бесчеловечно, с беспощадной яростью (уничтожать, разрушать, расправляться и под.)’; между двух огней ‘в затруднительном положении, когда опасность угрожает с двух сторон’; из огня да в пламя ‘из одной неприятности в другую’. Последний фразеологизм построен как градационная конструкция, значение которой усиливается через сопоставление двух близких в смысловых отношениях слов.

Интересно подается и этимология уже приведенного нами выше фразеологического выражения огнем и мечом: “первоначально у древнегреческих медиков выражение ассоциировалось со средством залечивания, “уничтожения” ран вырезанием их и прижиганием в соответствии с формулой знаменитого Гиппократа: “чего не может вылечить железо (меч, нож), исцеляется огнем”. Выражение переосмыслилось и стало обозначать ‘безжалостно, жестоко’, когда говорилось об уничтожении уже не ран, а всего живого и неживого на территории противника. Как видим, первоначально устойчивое выражение ассоциировалось с действием, направленным на укрепление человеческого здоровья, но семантический сдвиг привел к ухудшению значения.

Вместе с тем огонь является и очищающим началом. В русской мифологии огонь ассоциируется с активностью, творчеством, выступает метафорой человеческой цивилизации. Позитивное восприятие этой стихии обусловило возникновение фразеологизмов с компонентом огонь, имеющим положительную коннотацию, например: с огоньком работать ‘усердно, с большим подъемом’; Прометеев огонь ‘неугасимое стремление к благородной цели’. Последний пример, являю-

щийся общим для восточнославянских языков, сложился на основе греческих мифов о титане Прометее, который похитил и принес людям огонь.

Огонь отождествляется также с теплом домашнего очага, семейного счастья и согласия. Видимо, такое понимание огня обусловило появление фразеологической единицы на огонек заходить (зайти), завернуть 'вскользь (заходить к кому-либо)'.

Огонь занимал исключительно важное место в хозяйстве, поэтому и не удивительно, что человек относился к нему как к живому существу, которое может и поспособствовать, и наказать. О персонификации этой стихии свидетельствует фразеологизм огонь его знает, где огонь наделен человеческой способностью – знать. Интересно, что существует синонимичное выражение ветры его знают, который также имеет значение неопределенности. В обоих фразеологизмах реализуется своеобразная энантиосемия – способность слова выражать антонимические значения: огню, ветру приписывается способность знать, и одновременно они лишены обозначенного свойства. Наличие подобных фразеологических единиц свидетельствует об антропоморфическом и антропоцентрическом мировосприятии людей.

Вода во многих культурах, в том числе и в русской, связывается с началом создания Вселенной, где она символизирует Хаос. Можно предположить, что восприятие воды как опасной и разрушительной стихии повлияло определенным образом на семантику следующих фразеологических единиц: как в воду опущенный 'расстроенный, подавленный'; в огне не горит и в воде не тонет 'нигде не пропадает, выбирается по любым обстоятельствам'; идти (пойти) в огонь и в воду 'везде и на все, на любые поступки, безрассудно и самоотверженно', где вода ассоциируется с испытаниями, определенными жизненными трудностями. Отрицательные коннотации приобретает лексема вода в следующих фразеологических единицах: возить воду 'обременять кого-либо непосильной, унижительной работой'; лить воду 'говорить пустое, пустословить'. В значении 'напиток' вода ассоциируется с голодом: садить на воду 'наказывать голодом' [2].

Включенная в определенный фразеологический контекст лексема вода приобретает значение неопределенности, неизвестности (также как огонь и ветер): темна вода в облаках 'непонятное, туманное'; вилами по воде писано 'неизвестно, осуществится ли что-нибудь; о неопределенном, маловероятном'. Современный человек утратил первоначальное восприятие образности данного фразеологизма. Как правило, во всех словарях этот фразеологизм помещают под словом вилы, хотя на самом деле он семантически совершенно не связывается со значением 'сельскохозяйственное орудие'. Здесь вилы – это давно исчезнувшее слово, что обозначало 'круги'. Из двух вариантных форм, в которых употребляется выражение (вилами по воде писано и вилами на воде писано), исходной нужно считать форму с предлогом на, что наиболее соответствует первоначальной образности фразеологизма: вилами (т. е. кругами на чем-л.) на воде писано. Форма по воде возникла, по-видимому, в связи с восприятием слова вилы как сельскохозяйственного орудия.

Символика воды амбивалентна. Вода – это опасность, но она же и источник жизни, очищающая, целебная сила. В русской фразеологии эта амбивалентность выражается через оппозицию: чистая – мутная вода. Вода через физиче-

ские свойства чистоты и прозрачности соотносятся с моральными качествами истинности, подлинности: чистой (чистой, чистейшей, чистейшей) воды ‘самый подлинный’; как в капле воды ‘абсолютно точно и одинаково’. Мутная вода воспринимается как символ беспорядка, обмана, аморальных качеств: мутить воду ‘сознательно запутывать какое-либо дело; вносить раздор, беспорядок в отношения между кем-либо’; ловить рыбу в мутной воде ‘с выгодой для себя использовать чьи-либо трудности, неудачи и под.’.

Вода в фразеологии соотносится с движением, изменчивостью: много воды утекло ‘много прошло времени, много произошло изменений’ и, соответственно, – с внезапным, неожиданным исчезновением: как в воду канул ‘неожиданно пропал, исчез’; как водой смыло ‘кто-нибудь бесследно, мгновенно исчез, скрылся или что-нибудь внезапно исчезло’ (сравн. синонимичные: как огнем сожгло, как ветром сдуло, как сквозь землю провалился).

Вода – это и статика, символ тишины, покоя: тише воды и ниже травы ‘очень застенчивый, тихий; такой, что держится незаметно, робко; очень смиренно’; воды не замутило ‘очень тихий, добродушный, смиренный’. Горячая вода, наоборот, соотносится с несдержанностью характера: в горячей воде купанный ‘очень вспыльчивый, несдержанный, слишком горячий’.

Ветер – это основной посредник между землей и небом. Действительно, ветер в русской фразеологии выступает как активная стихия, в то время как лексема воздух употребляется в небольшом количестве вариантных фразеологизмов для обозначения промежуточного, шаткого состояния: висеть (виснуть, повисать) в воздухе; повиснуть в воздухе ‘находиться в шатком, неопределенном положении; не получать сочувственного отклика, поддержки других людей’; висеть в воздухе ‘ждать своего решения’.

Земля – символ чего-то родного, того, что дает нам хлеб и пищу, без чего невозможна жизнь, символ Родины и укрытия. Эта стихия часто используется во фразеологизмах. Для характеристики внешнего вида человека используется фразеологизм от земли не видать – очень маленького роста. Для оценки интеллектуальных способностей употребляют фразеологизмы “терять землю из-под ног” – забывать о действительности, утрачивать способность разбираться в происходящем, зарывать талант в землю – губить свои способности. Что касается характера человека, в качестве примера можно привести фразеологизмы “не от мира сего” – отрешенный от реальной жизни, не приспособленный к жизни человек, “видеть на три аршина под землей” – быть проницательным. На социальный статус указывают фразеологизмы соль земли – самый важный, сильные мира сего – важные, незаменимые люди. Эмоциональное состояние характеризуют: “витать между небом и землей” – мечтать, не находить (себе) места – быть в большом волнении, “терять почву под ногами” – утрачивать уверенность в самом себе. Для характеристики деятельности человека, были найдены фразеологизмы, большинство из которых обозначают конкретные действия человека. В качестве примера можно привести: “мерить землю” – ходить без дела, “падать с неба на землю” – неожиданно появиться. Также небольшое количество указывают на результат действия (искать ветра в поле – о бесполезных поисках, преследовании), темп совершения действия (землю роет – развивает кипучую деятельность), сложность и способ действия (перевернуть весь

мир – сделать что-то невозможное, всем миром – сообща, коллективно). Деятельность в коллективе характеризуется 8 фразеологизмами, обозначающими: совместную деятельность (упасть на добрую почву – найти хороших, верных последователей), иерархические отношения (знать своё место – держаться соответственно своему положению). Также характеризуется деятельность, направленная на другого человека (выбивать почву из-под ног – мешать успеху, вывозить в свет – представить кого-л. общественности).

Литература

1. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В.Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.

2. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / Д.Н. Ушаков. – М. : АСТ: Астрель, 2009. – 1268 с.

І. Чуносав

*(Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт,
г. Баранавічы, Беларусь)*

КАНЦЭПТУАЛЬНЫЯ АСНОВЫ ПАБУДОВЫ НАВУКОВАГА ДЫСКУРСУ

Аснову навуковай камунікацыі складае навуковы тэкст, які з'яўляецца вынікам рэалізацыі асаблівага віду інстытуцыянальнага дыскурсу, маркіраванага шэрагам дыферэнцыяльных прыкмет, сярод якіх: стратэгіі і тактыкі разгортвання інфармацыі, кампазіцыйныя мадэлі пабудовы, упарадкаванасць структуры выказвання, рубрыкацыя тэксту ў адпаведнасці з паслядоўнасцю арганізацыі навуковага даследавання, стылістычнае адзінства і аптымальныя суадносіны базіснага і вытворнага тэкстаў. Разам з тым, навуковы дыкурс – гэта таксама працэс мэтанакіраванага, навукова абгрунтаванага метадалагічна выверанага маўлення вучонага, у працэсе якога фарміруюцца звесткі аб пэўным навуковым канцэпце, таму ён уключае і ментальныя навукова-пазнавальныя працэсы спараджэння навуковага тэксту і ўвесь свет навуковых ведаў, які стаіць за ім.

Сутнасць канцэптуальных асноў навуковага дыскурсу неабходна вызначаць, зыходзячы з асноўных палажэнняў тэорыі дыскурсу, прадстаўленых у працах Т. А. ван Дэйка, Н. Д. Аруцюнавай, У. І. Карасіка, М. Л. Макарава, Г. К. Міхальскай, Т. М. Саўчук, Ю. Хабермаса і інш. Згодна з пазіцыяй Н. Д. Аруцюнавай, паняцце «дыкурс» адлюстроўвае вусны або пісьмовы тэкст (маўленне), што разглядаецца ў якасці мэтанакіраванага сацыяльнага дзеяння і арганізуе ўзаемадзеянне людзей. Пры гэтым тэкст аналізуецца ў сукупнасці яго лінгвістычных і экстралінгвістычных (прагматычных, сацыякультурных, псіхалагічных) фактараў [1, с. 136–137]. У сваю чаргу, А. К. Міхальская суадносіць тэрмін «дыкурс» з паняццем «працэс»: «дынамічны працэс маўленчых паводзін, працэс выкарыстання мовы ў якасці інструмента зносін, з

дапамогай якога суб'екты маўленчага ўзаемадзеяння ў пэўнай сітуацыі выказваюць і ажыццяўляюць свае маўленчыя намеры» [7, с. 382].

Такім чынам, дыскурс-аналіз праводзіцца з улікам лінгвістычных і экстралінгвістычных фактараў (сацыяльных, культурных, псіхалагічных), якія забяспечваюць паспяховае моўнае ўзаемадзеянне [5, с. 200–201]. Дыскурс-аналіз уяўляе сабой адзін з вядучых міждысцыплінарных напрамкаў, які ўзнікае як галіна ведаў на стыку сацыялінгвістыкі і псіхалінгвістыкі і вывучае вусныя і пісьмовыя формы маўленчай камунікацыі. Крыніцай моўнага матэрыялу пры гэтым служаць пісьмовыя тэксты і запісы вусных дыскурсаў. Дыскурс-аналіз мае кагнітыўную накіраванасць, бо ён даследуе «суадносіны і ўзаемадзеянне ў мове знешняга і ўнутранага света чалавека, быцця і мыслення, індывідуальнага і сацыяльнага». Увага акцэнтуюецца на не толькі на лінгвістычным, але і на прадметна-змястоўным аспекце маўлення, а таксама яго сацыяльнай арганізацыі [6, с. 80–81].

Навуковы дыскурс (як і іншыя віды дыскурсаў) мае лінгвістычны план, які характарызуе выкарыстання ў ім моўных сродкі, і лінгвакагнітыўны план, звязаны з моўнай свядомасцю, стварэннем тэкстаў і выбарам тых ці іншых моўных сродкаў, таму аналіз навуковага дыскурсу ажыццяўляецца ў структурным, семантычным і камунікатыўна-прагматычным аспектах.

Да асноўных кампанетаў навуковага дыскурсу адносяць удзельнікаў камунікацыі, тэкст, сацыякультурны кантэкст (пазамоўную дзейнасць камунікантаў, умовы і сітуацыю камунікацыі). Галоўным навуковым суб'ектам навуковага дыскурсу з'яўляецца даследчык–адрасант, які адлюстроўвае працэс пазнання і асэнсавання навуковых ведаў праз мову тэкставых і моўных значэнняў для адэкватнага ўспрымання іншымі вучонымі–рэцыпіентамі ў працэсе навуковай камунікацыі [3, с. 13].

Пабудова навуковага дыскурса ажыццяўляецца згодна з вызначанымі яго адметнасцю стратэгіямі і тактыкамі. Адзначым, што камунікатыўная стратэгія ўяўляе сабой шлях развіцця сэнсавай прасторы, звязаны з пастаўленымі суб'ектам маўлення мэтавымі ўстаноўкамі і складаецца з комплекса маўленчых дзеянняў, накіраваных на дасягненне камунікатыўнай мэты. Камунікатыўная тактыка зводзіцца да ажыццяўлення комплексу мер па стварэнні маўленчых умоў, якія садзейнічаюць імкненню дыскурсу да перлакутыўнага эфекту, якому аддае перавагу адрасат [10, с. 82].

Зыходнымі метадалагічнымі аспектамі, вызначальнымі для разгортвання стратэгіі навуковага дыскурсу, з'яўляюцца аб'ект і прадмет навуковага даследавання, агульнафіласофскія законы пазнання і формы мыслення (паняцці, меркаванні, высновы), падпарадкаванасць логіцы навуковага доказу. Каб вызначыць вядучыя стратэгіі навуковага дыскурсу, неабходна кіравацца наступнымі палажэннямі: па-першае, навуковы дыскурс уяўляе сабой фрагмент ведаў пэўнай прадметнай вобласці і накіраваны на выяўленне кагнітыўнай стратэгіі; па-другое, ён з'яўляецца фрагментам маўлення, які выражае навуковыя веды з дапамогай моўных катэгорый і моўных сродкаў, рэалізуючы лінгвістычную стратэгію; па-трэцяе, дыскурс набывае культурна-спецыфічны характар, абумоўлены тыпам мыслення, або мадэлі разгортвання думак у той ці іншай культуры (англамоўнай, семіцкай, азіяцкай, раманскай і рускамоўнай), што дазваляе вылучаць

сацыякультурныя дыскурсіўныя стратэгіі [9, с. 16–17]. Таксама трэба ўлічваць агульную скіраванаць дыскурса на ўсталяванне камунікацыі ў пэўнай сферы чалавечай дзейнасці і імкненне ажыццяўляць камунікатыўныя стратэгіі інфармавання, ацэньвання, аргументацыі.

Кагнітыўныя стратэгіі адлюстроўваюць разумовыя аперацыі, дынаміку пазнавальнай дзейнасці з яе абавязковымі этапамі і метадамі, абумоўленымі заканамернасцямі працэсу пазнання. Кагнітыўныя стратэгіі характарызуюцца шматвектарнасцю. Напрыклад, Т. М. Хамутова адзначае, што фарміраванне новых навуковых ведаў у ходзе разгортвання кагнітыўнай макрастратэгіі навуковага дыскурсу ажыццяўляецца ў наступнай паслядоўнасці этапаў: праблемная сітуацыя – ідэя – гіпотэза – доказ гіпотэзы – закон, выснова. Разам з тым, гэтая глабальная макрастратэгія можа складацца з лакальных кагнітыўных стратэгий, бо у залежнасці ад мэтанакіраванасці розных этапаў навуковага даследавання, выкарыстоўваюцца такія метады і разумовыя аперацыі, як дэдукцыя, індукцыя, параўнанне, супастаўленне, якім адпавядаюць розныя кагнітыўныя стратэгіі [9, с. 17].

Дыферэнцыяцыю кагнітыўных стратэгий навуковага дыскурсу мэтазгодна праводзіць, абапіраючыся на яго прыватныя мэты, вылучаныя У. І. Карасікам [4, с. 231–232]:

- 1) вызначыць праблемную сітуацыю і вылучыць прадмет вывучэння,
- 2) прааналізаваць гісторыю пытання,
- 3) сфармуляваць гіпотэзу і мэтудаследавання,
- 4) абгрунтаваць выбар метадаў і матэрыялу даследавання,
- 5) пабудаваць тэарэтычную мадэль прадмета вывучэння,
- 6) выкласці вынікі назіранняў і эксперыменту,
- 7) пракаментыраваць і абмеркаваць вынікі даследавання,
- 8) даць экспертную ацэнку праведзенаму даследаванню,
- 9) вызначыць вобласць практычнага прыкладання атрыманых вынікаў,
- 10) выкласці атрыманыя вынікі ў аптымальнай форме, прымальнай для спецыялістаў і шырокай публікі.

Кагнітыўныя стратэгіі навуковага дыскурсу падпарадкоўваюцца ключавым прынцыпам адлюстравання навуковых ведаў: абгрунтаванасці сцвярджэння, падкрэсленай лагічнасці, арыентацыі на правяраемы вынік, імкненню да практычнай карыснасці [2, с. 28–29].

Лінгвістычныя стратэгіі навуковага дыскурсу атрымліваюць сваю вербальную рэалізацыю ў выглядзе вусных і пісьмовых тэкстаў, якія адрозніваюцца лексіка-стылістычнай і граматычнай структурай і адносяцца дарозных тыпаў і жанраў. Лексічныя адметнасці навуковага дыскурсу звязаны з ўвядзеннем слоў агульнанавуковага выкарыстання, абстрактнай лексікі, тэрміналогіі той ці іншай прадметнай вобласці, агульнай стылістычнай афарбаванасцю выказвання. Навуковы стыль адлюстроўвае спецыфіку прынятых форм камунікатыўнага ўзаемадзеяння і прадстаўлення вынікаў навуковага пазнання і даследчай дзейнасці. Стылістычнае адзінства навуковага дыскурсу праяўляецца ў рэгламентаваным выкарыстанні моўных структур, якія ўвасабляюць адлюстраванне свету навуковых ведаў па законах пазнання, законах мовы і камунікатыўных законах [3, с. 17–18]. Спецыфічнымі ўнутрыстылёвымі рысамі, якія фарміруюць

моўную сістэму навуковага стылю, з'яўляюцца абагуленасць і абстрактнасць навуковага выкладу; лагічнасць і строгасць сэнсавай сувязі паміж асобнымі сказамі і часткамі навуковага тэксту; дакладнасць выкарыстання лексічных сродкаў; аб'ектыўнасць і адсутнасць суб'ектывізму, прадстаўленне розных поглядаў на праблему, засяроджанасць на прадмеце выказвання; доказнасць, аргументаванасць, інфармацыйная насычанасць.

Аналізуючы лінгвістычныя стратэгіі навуковага дыскурсу, важна ўлічваць яго падстылі і жанры: уласна навуковы падстыль (манаграфія, дысертация, навуковы артыкул, даклад, навуковы агляд, рэцэнзія, патэнт); навукова-папулярны падстыль (біяграфіі вучоных, гісторыі навуковых адкрыццяў, кнігі і артыкулы, прысвечаныя асобным праблемам навукі, агульнанавуковыя і галіновыя часопісы) і вучэбна-навуковы падстыль (навучальны дапаможнік / падручнік, вучэбная лекцыя, курсавая работа, дыпломная работа, даклад, выступленне на вучэбных занятках) [3, с. 52]. Пісьмовыя жанры навуковага дыскурсу дастаткова дакладна супрацьпастаўляюцца па прыкмеце першаснасці / другаснасці, а вусныя жанры дадзенага дыскурсу больш размытыя [4, с. 231–232].

Граматычная адметнасць навуковага дыскурсу звязана, у першую чаргу, з выкарыстаннем тыповых моўных сродкаў наўзроўні словаформ (субстантывавання прыметнікі і дзеяпрыметнікі, рэчыўныя назоўнікі ў форме множнага ліку, аддзеяслоўныя назоўнікі з суфіксамі *-нн-*, *-енн-*, *-анн-*, *-к-*, дзеясловы ў форме будучага часу абвеснага ладу ў значэнні загаднага, «аўтарскае мы» і інш.), словазлучэнняў і сказаў (тэрміны-словазлучэнні, двухсастаўныя развітыя сказы, ускладненыя аднароднымі ці адасобленымі членамі, пабочнымі і ўстаўнымі канструкцыямі, складаназалежныя сказы з рознымі відамі сувязі і інш.).

Другой значнай адметнасцю выяўлення лінгвістычнай стратэгіі навуковага дыскурсу з'яўляецца пабудова тэкстаў у адпаведнасці з тыповымі кампазіцыйнымі/схематычнымі мадэлямі, якія ствараюць дынамічныя суперструктуры дыскурсу. Кампазіцыйныя мадэлі складаюцца з набору структурных кампанентаў. У якасці прыкладаў такіх кампанентаў выступаюць Загалолак, Анатацыя, Увядзенне, Асноўная частка, заключэнне, Спіс літаратуры і інш. [9, с. 19]. У навуковым тэксце гэтыя кампанеты змяшчаюць характарыстыку тэрміналагічнай сістэмы па праблеме даследавання; навуковае абгрунтаванне і фармулёўку тэмы даследавання; абгрунтаванне навуковай гіпотэзы; навуковую аргументацыю і доказ гіпотэзы даследавання; навуковыя высновы, якія пацвярджаюць аб'ектыўнасць і дакладнасць даследавання.

З аднаго боку, кожны жанр навуковага дыскурсу мае сваю ўласную кампазіцыйную будову як сукупнасць граматычных спосабаў арганізацыі навуковай інфармацыі, абумоўленую спецыфікай прызначэння розных жанраў у працэсе камунікацыі. З другога боку, традыцыйна структура навуковых тэкстаў розных жанраў будуюцца па адзінай лагічнай схеме, якая ўключае: а) тэзіс-сцвярджэнне, які патрабуе абгрунтавання, б) аргументы, якія з'яўляюцца доказамі галоўнай тэзы, в) выснову (рэзюмэ), у якой змяшчаецца аналітычная ацэнка праведзенага даследавання, вызначаюцца перспектывы далейшых пошукаў [3, с. 30].

У якасці камунікатыўных стратэгіі навуковага дыскурсу вылучаюцца стратэгіі інфармавання, ацэньвання, аргументацыі, пераканання і шэраг іншых. Праілюструем адметнасць рэалізацыі камунікатыўных стратэгіі праз характарыстыку аргументатыўнай стратэгіі пацверджання, вылучанай у даследаваннях Т. М. Саўчук. Аўтар раскрывае сутнасць аргументатыўнай стратэгіі пацверджання, якая ўвасабляецца ў слабой і моцнай формах, што дазваляе размяжоўваць адпаведныя субстратэгіі, або тактыкі. Слабое пацверджанне звязана з уключэннем у аргументацыю эмпірычных дадзеных, прадстаўленых праз апеляцыю да рэальнасці (выкарыстання ў аргументацыі факты з'яўляюцца відавочнымі для рэцыпіента), апеляцыю да прэцэдэнту (зварот да вопыту, які меў месца), апраўданне. Моцнае пацверджанне заснавана на працэдурах лагічнага доказу, сярод якіх: устанаўленне памылковасці супярэчнага меркавання, апеляцыя да наступстваў, выключэнне і супастаўленне альтэрнатыў [9, с. 19].

Такім чынам, даследаванне навуковага дыскурсу ажыццяўляецца ў прадметна-змястоўным і сацыяльным аспектах маўлення з увагай да розных яго бакоў: лінгвістычнага (структурнага, стылістычнага) і экстралінгвістычнага. Асноўнымі кампанентамі навуковага дыскурсу выступаюць удзельнікі камунікацыі, тэкст і пазамоўная дзейнасць камунікантаў: умовы і сітуацыя камунікацыі (сацыякультурны кантэкст). Галоўны навуковы суб'ект навуковага дыскурсу – даследчык – адлюстроўвае працэс пазнання і асэнсавання навуковых ведаў згодна з тыповымі стратэгіямі і тактыкамі. Кагнітыўныя стратэгіі навуковага дыскурсу адлюстроўваюць дынаміку пазнавальнай дзейнасці у адпаведнасці са спецыфікай разгортвання яе этапаў і абранай галіны ведаў. Лінгвістычныя стратэгіі праяўляюцца ў выглядзе вусных і пісьмовых тэкстаў розных тыпаў і жанраў з пэўнай лексіка-стылістычнай і граматычнай структурай. Дамінуючыя камунікатыўныя стратэгіі навуковага дыскурсу – стратэгіі інфармавання, ацэньвання, аргументацыі, пераканання – адлюстроўваюць агульную скіраванасць навуковага выкладу.

Літаратура

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева ; редкол. Н. Д. Арутюнова [и др.]. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Головкин, Н. В. Стилистика русского научного дискурса [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Н. В. Головкин. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 142 с.
3. Гребенюк, Н. И. Стилистика русского научного дискурса: учебное пособие / Н. И. Гребенюк, С. В. Гусаренко. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – 179 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
6. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
7. Михальская, А. К. Педагогическая риторика : история и теория : учеб. пособие / А. К. Михальская. – Москва : Издательский центр «Академия», 1998. — 432 с.
8. Савчук, Т. Н. Аргументативная стратегия подтверждения в гуманитарной научной коммуникации / Т. Н. Савчук // Весті БДПУ. Серыя 1. – № 4. – С. 53–60.
9. Хомутова, Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход / Т. Н. Хомутова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – № 3. – С. 15–22.

СЕКЦИЯ 2

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

Н.М. Борсук

*(Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт,
г. Брэст, Беларусь)*

НАВАГРАДЧЫНА ХІХ СТАГОДДЗЯ ВА ЎСПРЫМАННІ ПІСЬМЕННІКАЎ, НАРОДЖАНых НА ГЭТАЙ ЗЯМЛІ

Наваградчына... Асаблівае месца займае яна ў творчасці беларускіх пісьменнікаў. І перш-наперш у лёсе мастакоў слова, народжаных на гэтай зямлі. Адам Міцкевіч (нарадзіўся на хутары Завоссе на Наваградчыне) называў яе Наваградчына, Літва, Бацькаўшчына. Удалечыні ад радзімы, у цішыні акерманскіх стэпаў, ён чуў, “як матыль гайдае дзесь травіну”, “як таямнічы вуж крадзеца недзе”, “ціхі кліч з Літвы”. Вобразы радзімы праходзяць праз усю эпапею “Пан Тадэвуш”. Смутах па краі дзяцінства параўноўвае паэт з першым каханнем у эпілогу паэмы. А. Міцкевіч усё жыццё шчыра сябраваў з аднакласнікам, ураджэнцам гэтых мясцін Янам Чачотам (нарадзіўся ў вёсцы Малюшычы Наваградскага павета).

Яны разам вучыліся ў Наваградскай школе святых дамініканцаў, ці “белакаптурных”, як называлі іх вучні (ад адзення – белы каптур), аб чым паэтычна расказаў Адам Міцкевіч у вершы “Ямбы да імянін Яна Чачота”: “Хто ж, апроч нас з табой, Яне, сваволіў, / Што аж трэсліся сцены. Бывала, у школе? / Хто ж да нас белакаптурным так смела прарэчыў, / Пад палкі іх горда падстаўляючы плечы?..”. Менавіта ў гэтыя часы хлопцы зацікаваліся народнай творчасцю, падарожнічалі па ваколіцах Наваградка, збіралі легенды, песні, некаторыя з іх пакладзены ў аснову паэтычных твораў абодвух творцаў. Вось як пра гэта ўспамінае іх сябар, зямляк Ігнат Дамейка (нарадзіўся ў мястэчку Мір Наваградскага павета): “Сябры хадзілі на кірмашы, на царкоўныя ўрачыстасці, бывалі на сялянскіх вяселлях, дажынках і хаўтурах. У тыя школьныя часы ўбогая страх і народная песня распалілі ў абодвух першы паэтычны агонь. Адам хутка ўзнёсся да высокай сферы сваіх цудоўных твораў. Ян жа да смерці застаўся верны народнай паэзіі...” [3, с. 8].

“Сталіца Міндоўга” – так з гонарам называў Наваградак Вінцэсь Каратынскі (нарадзіўся ў вёсцы Селішчы Наваградскага павета). Пісьменнік запрашае чы-

тача падарожных запісаў “Наваградчына і Наваградак” угледзіцца ў твар горада, суровы і прыгожы, які павернуты да Нёмна. І толькі апынуўшыся разам з беларуска-польскім пісьменнікам на высокай Замкавай гары з дзвюма вяршынямі вежаў, якая, як і ўвесь горад, пануе над наваколлем, усведамляем: чаму В. Каратынскі столькі ўвагі надае месцузнаходжання Наваградка.

Аўтар апісвае густа парослыя хмызняком пагоркі, усеяныя шматлікімі магіламі палеглых абаронцаў і захопнікаў – ліцвінаў, русінаў, татарцаў, крыжакоў, шведаў, французцаў, якія спрабавалі прарвацца да замка, але толькі заслалі палі сваімі цэламі. Апісанне поля сечы, на якім вялі барацьбу ваяры пад кіраўніцтвам “прыгожай княгіні” (Гражыны) супраць манахаў, знаходзім у паэме А. Міцкевіча “Гражына”: “Абаронцы і тыя тут, што нападалі, / Шчыры й вечны спакой першы раз зваявалі!” [2]. У вершы “Наваградскі замак” Яна Чачота ўзгадваюцца страшэнныя рэчы, што ўчынялі шведы ў адносінах да дзяцей: “А дзетак маленькіх стаўлялі за лавы / І лавай давілі пад крык іх”. І ўсё гэта дзеля забавы.

На старонках падарожных запісаў узгадваюцца старонкі з гісторыі Наваградка. Горад зведаў уладу Эрдзівіла, літоўскага князя, які заняў абязлюдненую праз татар мясцовасць і падняў з руінаў замак; уладу Міндоўга, які зрабіў Наваградак сталіцаю, быў ахрышчаны на гэтай зямлі і каранаваны; Вітаўца, дзякуючы намаганням якога быў адноўлены наваградскі замак, пабудаваны фарны касцёл. Менавіта ў ім быў ахрышчаны Адам Міцкевіч. Сюды прыбегла маці маленькага Адама прасіць перад абразом Маці Божай дапамогі для хворага дзіцяці, пра што ўзгадваецца ў пачатку паэмы “Пан Тадэвуш”: “О Матка Боская, што ў Чанстахове ў храме / Глядзіш спагядліва, што ў Вострай свеціш Бrame, / Што беражэш Наваградак мой з верным людам! / Як ты ў жыццё мяне калісь вярнула цудам...” [2].

Тут, у Наваградку, Уладзіслаў Ягайла ўзяў шлюб з Соф’яй Гальшанскай, Казімір ІУ у 1448 годзе сабраў сойм, у якім удзельнічалі адны ліцвіны з мэтай супакойці літоўскую шляхту, пасвараную з каронай на Люблінскім сойме. Тут 22 тыдні наперамену з Менскам засядаў трыбунал Вялікага княства Літоўскага... Усё пералічанае вышэй і дае падставы В. Каратынскаму назваць зямлю, дзе раскінуўся Наваградак, “музеем чалавецтва” [1, с. 192].

Гэтую думку паэтычна выказаў у вершы “Наваградскі замак” і Ян Чачот, сын “горада слаўнага Міндоўга”: “На Замкавай ціхай гары колісь доўга / Я слухаў сцен даўніх каменне. / Дзве вежы які тут збіраюць на вечна – / Паслухаць іх спыніцца кожны, / Руіны царквы ажываюць штовечар – / Ад зданняў трасецца набожны” [3].

У падарожных запісах В. Каратынскі прадказвае трагічны лёс славы і славы Наваградскай зямлі: ад замка засталіся толькі дзве вежы: адна пасярэдзіне, моцная, роўная, непашчэрбленая, гладкая, хоць яе вяршыню і карануе расліннасць; ад другой па сутнасці засталася толькі адна сцяна, якая стаіць над стромым абрывам, расколатая вертыкальна пасярэдзіне, здаецца, што яна спаўзае ўніз разам з гарою, якая пастаянна абсыпаецца. Балюча пісьменніку назіраць, як мясцовае насельніцтва расцягвае прыгожую, цвёрдую, як сталь, цэглу сярэдняй вежы для практычнага выкарыстання. Гэтая сумная карціна выклікае ў памяці пісьменніка жывы яшчэ яскравы прыклад таго, як святыню Госпада, што стаяла

на гэтых жа валах, ператварылі ў руіны. Нельга не пагадзіцца з меркаваннем Вінцэся Каратынскага: “Гэтыя маўклівыя руіны так шмат гавораць душы таго, хто іх разумее! Колькі яны маглі б расказаць, калі б іх хацелі паслухаць!” [1. с. 196]. І зноў хочацца звярнуцца да верша Яна Чачота “Наваградскі замак”, пачатак якога працягвае вышэйвыказаную думку аўтара падарожных запісаў. Як бачна, мастак слова запрашае чытача вучыцца бачыць душою, бо толькі такому “воку адчыніцца, так і тлумачаць / Усё, нават “дзіва” любое”.

Позірк чытача В. Каратынскі спыняе на фарным касцёле ля падножжа Замкавай гары. Згодна паданню ён быў пабудаваны на месцы паганскага капішча Перуна. У касцёле з правага боку, у сцяне капліцы, знаходзіцца помнік палеглым у Хоцімскім паходзе (фундатарам выступіў Ян Рудаміна, наваградскі кашталян), на вялікім алтары – абраз Богага Ператварэння.

Не застаецца па-за ўвагай падарожніка езуіцкі калегіум, мураванае, вялізнае збудаванне, налева ад рыначнага пляца. Пры ім працавала свецкая школа. Перад калегіумам узвышаўся касцёл езуітаў (у 1751 годзе ён згарэў, а адбудаваны нанова быў у хуткім часе зачынены па прычыне скасавання езуіцкага ордэна і ўплыў на выхаванне перайшло да дамініканаў, у часы В. Каратынскага ў мурах калегіума знайшлі прытулак пачатковая школа, магістрат, гарадская бальніца, аптэка і інш.).

Свой касцёл у Наваградку мелі і дамініканы яшчэ ў часы Гедыміна, – працягвае апавед В. Каратынскі. Ёсць меркаванне, што яны перабраліся сюды з Любчы. Пазней фундацыю касцёла, які быў пабудаваны з дрэва, ажыццявіў Крыштаф Хадкевіч, канюшы Вялікага княства Літоўскага. Каменную святыню з кляштаром часоў В. Каратынскага пабудавалі самі дамініканы пасля пажару. Іх заслуга бачыцца ва ўтрыманні ў кляштары шасцікласнай школы, якая перайшла дамініканам ад езуітаў. Гонарам навучальнай установы быў яе вучань Адам Міцкевіч (1808–1816).

Дарэчы, у Наваградку быў касцёл дамініканак, недалёка ад рынку; за колькі дзесяткаў крокаў ад яго знаходзіўся касцёл і кляштар францішканаў; у баніфратраў была толькі капліца ў кляштары, дзе яны ўтрымлівалі дзесяць ложкаў для хворых, бо адну з мэт свайго існавання бачылі ў дапамозе нямоглым. Пісьменнік Нямцэвіч у сваіх запісах узгадваў, як падчас праезду праз Наваград (1819) знайшоў прытулак у кляштары ўніятаў-базыліянаў, дзе яму давялося пабачыць абраз Найсвяцейшай Маці, пра які ў старых кантычках ёсць песня, што пачынаецца са слоў: “Найсвяцейшая Панна, Наваградская Пані”. У падарожных запісах В. Каратынскага ўзгадваюцца яшчэ мячэць (драўляная), якую мелі татары, сінагога (мураваная). Пералічыўшы значную колькасць бажніц на “паўчварта тысяч насельніцтва”, пісьменнік задаецца пытаннем: Наваград мог паскардзіцца на нястачу духоўнай ежы? Праявы набожнасці адмоўна ці станоўча ўплывалі на стан горада і яго жыхароў? Адказ на пастаўленае пытанне Вінцэсь Каратынскі непасрэдна не дае, тым самым, ён запрашае чытача падыскусавать на гэты конт. Аб пазіцыі аўтара падарожных запісаў па акрэсленай праблеме, думаецца, няцяжка здагадацца.

Цэлы раздзел сваёй кнігі В. Каратынскі прысвячае адкрыццю гімназіі ў Наваградку. З гэтага бачна, што пісьменнік шчыра зычыў развіццю асветы на роднай зямлі. Па яго перакананні, задача школы – выхоўваць літасцівых самарыцянаў,

людзей спагадлівых да сваіх бліжніх, спрыяць безупыннаму самадасканаленню маладых людзей: “Свецкая навука дае дзецям у рукі толькі прылады працы і вучыць, як імі карыстацца, а рэлігія і пабудаваная на яе аснове навука паказвае, дзе, калі і для чаго трэба выкарыстоўваць гэтыя прылады, каб тое, што будзе плёнам гэтай дзейнасці, ішло на славу Богу і бліжняму” [1, с. 206]. Адсюль, безумоўна, бачна, якое значэнне пісьменнік надаваў рэлігіі, настаўнікам.

З прыемнасцю канстатуе В. Каратынскі наступныя факты: у горадзе існуе ўстанова Дабрачыннасць, “дзе колькім дзесяткам хлопцаў з найбяднейшай шляхты даюць жылло, стол і адзенне і пасылаюць у школу” [1, с. 203]; узаемаадносіны паміж жыхарамі горада шчырыя, простыя, ветлівыя, гасцінныя; вулічнай шпаны, гэтага няшчасця любога вялікага населенага пункта, Наваградка не ведае. Вышэйпералічаныя адметнасці гарадскога жыцця тлумачацца, з аднаго боку, славянскай лагоднасцю, з другога, – выхаваннем.

Не пакідае В. Каратынскага абываковым і пошук адказу на пытанне: чаму ў развіцці горада назіраецца застой? Бясспрэчна, варожыя навалы, пажары былі частымі спадарожнікамі Наваградка. Тым не менш, горад меў шэраг прывілей. Напрыклад, пры Жыгімонце І ён атрымаў Магдэбургскае права. Можна доўга разважаць пра неразвітасць гандлю, слабую прамысловасць, пра тое, што плён дзейнасці жыхароў Наваградка амаль выключна спажываецца самім горадам, але як трапна стан жыхароў Наваградка ахарактарызаваў аўтар пры дапамозе мясцовай прымаўкі: “Мой бацька нікому не вінен – у аднаго пазычае, другому аддае”.

На наш погляд, заслуга Вінцэся Каратынскага бачыцца яшчэ і ў тым, што лёс “сталіцы Міндоўга” падаецца ім на фоне жыцця Наваградчыны. Пісьменнік не толькі маляўніча апісвае, як “Бацька літоўскіх рэк” (Нёман) падзяляе гэтую зямлю на два зусім непадобныя адзін да аднаго краявіды, але і спыняе ўвагу на характары і паходжанні насельнікаў гэтых абшараў, урадлівасці зямель, занятках жыхароў краю. Дарэчы, у А. Міцкевіча ў паэме “Пан Тадэвуш” знаходзім апісанне шляхты, якая нічым амаль не адрозніваецца ад сялян: “сівая капота замест сярмягі. Зрэдку кніжка, чытаная па складах, крыху сякой-такой пальшчызны, уплеценай у русінскую мову народа, трохі шляхецкай пыхі і пры згадцы аб тым, што продкі галілі галовы і хадзілі пры шаблі, “жаць і прасці ў пальчатках” [1, с. 190].

Бачна, што В. Каратынскі захапляецца сваімі землякамі, іх працавітасцю, шчырасцю, аптымізмам. Нягледзячы на маркотнае, таямнічае замыканне насельнікаў у сабе, нявыказаны сум і бяссілле, што пануе над краем, жыхары з прагнасцю цягнуцца да навукі, чытаюць кніжкі, газеты. Аўтарам падарожных запісаў узгадваецца вядомая ва ўсім свеце бібліятэка ў Шчорсах. Па гэтай прычыне В. Каратынскі не знаходзіць адказ на пытанне: чаму “пры такой колькасці прагных да работы рук, пры такім жаданні працаваць” яго родная зямля не стала “зямлёю абяцанаю”? Няўжо прычына толькі ў недахопе фінансавых сродкаў? Наконт гэтага, думаецца, з пісьменнікам можна паспрачацца.

Дыяменты думак і пачуццяў Адама Міцкевіча, Яна Чачота, Вінцэся Каратынскага непадуладны забыццю. Яны ззяюць ў паэтычных творах, на старонках падарожных запісаў. І не толькі таму, што ў кожным радку творцы пакінулі “душы часціцу”, але і таму, што пісьменнікі прыадкрываюць гісторыкам, літаратарам, краязнаўцам, рэстаўратарам старонкі жыцця Наваградка сярэдзіны XIX стагоддзя.

Літаратура

1. Каратынскі, В. Творы / Вінцэс Каратынскі ; уклад., прадм. і камент. У. Мархеля. – 2-е выд., дап. – Мн. : Маст. літ., 1994. – 406 с.
2. Міцкевіч, А. Выбраныя творы: / Адам Міцкевіч ; пер. з пол. мовы ; уклад., прадм. і камент. К. Цвіркi. – Мн. : Бел. кнігазбор, 2003. – 637 с.
3. Чачот, Я. Наваградскі замак: Творы / Ян Чачот ; уклад., пер. польскамоўн. твораў, прадм. і камент. К. Цвіркi. – Мн. : Маст. літ., 1989. – 327 с.

А. Бубен

(Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь)

О ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА В ЭПИСТОЛЯРИИ ПИСАТЕЛЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Доминантой лингвистических исследований в области теории речевых жанров выступают факты внеязыковой действительности: апперцептивный фон восприятия речи адресатом, коммуникативная ось адресат-адресант, интенциональность речи. Дискурсивное восприятие жанра, на наш взгляд, значительно упрощает представление о его модификации, степени влияния на смежные жанровые образования, их разрушение и переориентацию. Так, в пространстве писательского эпистолярия языковая интерпретация характерного для частного письма смыслового содержания обуславливает выделение новых элементов внутри жанра.

Авторское литературное письмо и писательский эпистолярный традиционно понимаются как терминологические синонимы в значении любого эпистолярного текста вообще, созданного писателем-классиком безотносительно уровня эстетической организации высказывания. Обращаясь к теоретической концепции авторского литературного письма с целью его дальнейшей типологии и утверждения различий дефиниций терминов, отметим, что в настоящее время исследования русскоязычного писательского эпистолярия нередко обнаруживают отсутствие использования данного жанра. Например, Т.П. Акимовна включает в частное письмо *«семейные, частные деловые письма, дружескую и любовную переписку»*, а также *«эпистолярное наследие известных деятелей искусства и культуры»* [1, с. 4]. Анализ писем классиков русской литературы XIX-XX вв. проводится Т.П. Акимовой без выделения жанра писательского письма, что указывает на необходимость дифференциации жанровых особенностей писательского эпистолярия.

Н.В. Доминенко, говоря о спорных аспектах теории авторского литературного письма, выделяет такие проблемные зоны, как хронотоп, принципы создания образов адресанта и адресата, соотношение художественности и документальности. К характерным жанровым доминантам писательского эпистолярия, согласно Н.В. Доминенко, могут быть отнесены: 1) концепция адресата; 2) четкая структурированность; 3) дейктическая проекция.

Пространственная и временная организация текста признается вслед за Л. Морозовой специфической чертой авторского литературного письма вследствие соотнесения классической дейктической триады «Я–ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС» с фактами внеязыковой действительности. Композиционные части приветствия, обращения и подписи содержат сведения о социальном статусе адресата и адресанта, участников переписки, что и выделяет, по мысли исследователя, авторское литературное письмо из корпуса других эпистолярных текстов. Приветствие, обращение и подпись, акцентированные Л. Морозовой, находятся на границе смены речевых субъектов. Это начало и завершение письма соответственно. Данные композиционные части в меньшей мере выражают творческую волю субъектов речи в силу своей структурной предопределенности. Стратегии речевой реализации языковых моделей не учитываются.

Значения дейктической проекции рассматриваются преимущественно с позиции частого для теории жанров анализа образов адресата и адресанта (оппозиция «Я–НЕ Я»). Их принадлежность к определенному социальному слою, культурной группе определяют границы таких жанровых образований, как личное бытовое письмо, не предназначенное для публикации и не имеющее художественной ценности, и авторское литературное письмо. Культурно-историческое значение жанра Л. Морозова напрямую определяет социальным статусом участников общения, что подтверждает и характеристика жанра, предложенная исследователем: «<...>имеет культурно-историческое значение в том случае, если корреспондентами являются выдающиеся писатели, исторические личности или общественные деятели» [4, с. 138].

Как замечает М.М. Бахтин, интимные и даже фамильярные жанры «ощущают своего адресата в большей или меньшей степени вне рамок социальной иерархии и общественных условностей, так сказать, «без чинов»» [2, с. 202]. Ср. опыт жанровой рефлексии в письме А.А. Фета Л.Н. Толстому от 31 марта 1878 г.: «...Я все боюсь за неумение высказать, что нужно. Но с Вами и это не страшно. Вы читаете между строками. Очевидно, читая Ваши письма, я не помышляю о Льве Толстом, но надо быть слепым, чтобы не поражаться ударами великого писателя. Таких приемов нельзя» [5, с. 33].

Значит, дейктические экстралингвистические факторы не предопределяют эпистолярный текст в той мере, чтобы считать их жанровыми доминантами эпистолярного писателя. Установка на социальный аспект понимания дейктической триады противоречит внутренней форме самого жанра. Так, переписка писателей нередко обнаруживает документальность и формальность делового письма, а частное писательское письмо, обращенное к узкому семейному кругу, использует художественные нарративные стратегии. Например, письмо А.П. Чехова А. И. Куприну от 22 января 1902 г. не содержит художественной нарративной стратегии. Включение всех текстов, принадлежащих корреспондентам определенного социального статуса, размывает границы жанра и выводит писательский эпистолярный в сферу дискурса.

Л. Морозова также обращает внимание на несовпадение рамочного и сюжетного пространственно-временного планов. Координаты хронотопа ориентируются прежде всего на фигуру адресанта, поэтому совпадение точек отсчета времени и пространства для участников переписки в ситуации опосредованного

общения не наблюдается. Однако подобная нарративная стратегия свойственна всему корпусу эпистолярных текстов, и определение специфики авторского литературного письма на этом основании также не представляется возможным.

Указание Л. Морозовой на несовпадение временных и пространственных точек отсчета в эпистолярном тексте оказало значительное влияние на разработку теоретической базы жанровой концепции. Так, стало возможно утверждение вторичного дейксиса, т.е. вторичной коммуникативной ситуации, в пространстве авторского литературного письма. Ю.Д. Апресян замечает, что вторичный дейксис возникает в ситуации любого опосредованного общения, где возникает потребность в пересказе. Однако интуитивная жанровая рефлексия подсказывает осознание носителями языка исключительности подобной нарративной стратегии в сфере художественного текста. В зависимости от того, осознают ли участники переписки себя авторитетными языковыми личностями, осуществляющими переход от информативного уровня к уровню художественного обобщения, происходит выбор определенных грамматических форм, формирующих жанр.

Обзор теории писательского эпистолярия позволяет сделать вывод о том, что эпистолярный писателя проявляет себя, с одной стороны, как частное бытовое письмо, не отмеченное присутствием идиостиля, с другой – как собственно авторское литературное письмо, если в концепцию этого жанра включить установку адресанта на выражение индивидуального стиля в документальном пространстве.

Этапы присутствия в дефиниции жанра художественной составляющей репрезентируются нами следующим образом:

1) частное письмо писателя, не предназначенное для публикации и чтения третьими лицами;

2) частное письмо писателя, имеющее художественную или публицистическую ценность, не предполагающее чтение третьими лицами;

3) эстетизированное писательское письмо, предполагающее полиадресата при формальной обращенности к конкретному субъекту речи;

4) литературное письмо, задуманное как художественный или публицистический факт и функционирующее в составе более сложных жанровых образований.

Теория жанра писательского эпистолярия не завершена, а жанровые доминанты не обладают универсальностью и однозначностью. По нашему мнению, разные дефиниции самого термина обусловлены неопределенным положением писательского эпистолярия между художественной и документальной сферами, первичными и вторичными жанрами. Пограничное состояние литературного письма отражается и в специфике реализации языковых значений, анализ которых в связи со смысловым содержанием всего высказывания может определить уровень эстетизации информации бытового письма. Ключевой категорией в художественной нарративной стратегии нам представляется типизация, некоторая обобщенность, узуальность описываемого.

Ожидается, что вследствие установления языковых механизмов художественного нарратива в пространстве эпистолярного текста поставленный нами вопрос о трансформации жанра в эпистолярный писателя решится оформлением жанрового образования – авторского литературного письма. Под этим термином следует понимать элемент *«переписки, изначально задуманной или позднее осмысленной как художественная или публицистическая проза, предполагающая широкий круг читателей»* [3, с. 512].

Литература

1. Акимова, Т. П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста : на материале писем классиков русской литературы XIX - XX вв. : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Т. П. Акимова; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2017.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С. 159–206.
3. Литературный энциклопедический словарь / [под ред.: В. Кожевникова, П. Николаева]. – М. : Сов. энцикл., 1987. – 752 с.
4. Морозова Л. Писательский эпистолярный в системе литературных жанров : дис. ... канд. филол. наук / Л. Морозова. – К., 2007. – 223с.
5. Фет А. А. Сочинения: В 2 т. / Вступит, статья, подгот. текста, сост., коммент. А. Е. Тархова. М.: Художественная литература, 1982.

Д.В. Денисюк

*(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь)*

ЗАПАДНОРУСИЗМ И КРАЕВОСТЬ КАК ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Каждое государственное образование нуждается в национальной идее, которая будет скреплять общество, формулировать задачи, определять предназначение народа, убедительно обосновывать необходимость строительства собственной государственности. Национальная идея, которая не конфликтует с национальным самосознанием, является залогом успешного развития страны. И, наоборот, инородная, искусственно привнесенная и не разделяемая массами идеология может существенно затормозить созревание идеи национальной государственности, особенно если речь идёт о регионах культурного пограничья. Культурное пограничье – это «особые контактные зоны, где мы наблюдаем взаимодействие, встречу культур и которые отличаются особой социокультурной динамикой» [1, с. 110]. Проблематика культурного пограничья, которая является актуальной в современном глобализированном мире, имеет самое непосредственное отношение и к территории исторического проживания белорусов в XIX в. – это Могилёвская, Витебская, Минская, Виленская и Гродненская губернии в Российской империи. «Культурное прочтение» этого географического пространства позволяет утверждать, что в белорусских землях сосуществовало несколько зон пространственной идентичности, встречались и взаимодействовали между собой такие культуры как белорусская, русская, польская, украинская, еврейская и другие.

Белорусский этнос и культура во второй половине XIX в. – начале XX в. формировались и развивались в условиях культурного пограничья. Чтобы изучить опыт взаимодействия культур на западных окраинах Российской империи, мы рассмотрели два направления общественно-политической мысли, которые оппонировали белорусской национальной идее – западнорусизм и крайность.

После раздела Речи Посполитой часть её земель вошла в состав Российской империи. С целью укрепления единства и целостности империи царское правительство проводило административно-правовую унификацию окраин, русификацию системы образования и делопроизводства, устраняло последствия полонизации. Существовало понимание, что более жёсткая политика по национальному вопросу может привести к нарастанию конфликтных ситуаций, росту революционных настроений.

Между тем территория расселения белорусского этноса всегда являлась местом национального, религиозного, культурного многообразия. Это непосредственным образом влияло на формирование белорусской идентичности, замедляло темпы становления национальной идеи. Сдерживающими факторами в процессе формирования белорусской нации стали отсутствие собственного государства, слабость национальной буржуазии и интеллигенции. Одной из причин отсутствия национальной интеллигенции во второй половине XIX в. стало закрытие высших учебных заведений в Вильно и Горках. Медленный темп формирования национальной идеи также объяснялся особенностями национального характера и менталитета белорусов – терпеливостью, консерватизмом, отсутствием чувства превосходства над другими народами, ориентированностью на мирное сосуществование.

Пробуждению национального самосознания и формированию национальной идеи способствовали публикации научных трудов по истории, культуре, этнографии, языку белорусов. Авторы Е. Романов, П. Шейн, И. Носович, А. Сапунов и другие учёные ссылались на природно-географические, социально-экономические особенности Беларуси, общую историческую судьбу и самобытный язык, осознание белорусами своей внутренней органической связи и отличия от соседних народов.

В период восстания 1863–1864 гг. в белорусском национальном движении зародился политический компонент – идея государственной самостоятельности в единстве с Литвой. Даже в современных условиях популярность в определенных кругах балтской теории белорусского этногенеза обусловлена не столько весомостью научных аргументов, сколько стремлением идеологически обосновать культурные отличия от русских, которые являются по этой теории результатом синтеза славян с фино-уграми.

Чтобы максимально дистанцироваться от русских возникали сообщества, построенные на негативной идентичности. Теоретическое обоснование культурной и исторической дистанции от России строилось на идеях, которые имели широкое хождение в польской общественно-политической мысли. Не случайно приверженцы идеи белорусской государственности в основном были выходцами католической среды (братья Антон и Иван Луцкевичи, Вацлав Ивановский, Вацлав Ластовский).

Интересно, что деятельность белорусских национальных деятелей в отдельных случаях воспринималась как проявление в одном случае польской, а в другом русской «интриги». В этом сказался способ понимания отдельной белорусской идентичности как проявления иной, внешней и даже чуждой культуры, стремящейся разрушить «исконное» культурное пространство. Попытка объединить в одно целое деятелей разных культур также косвенно свидетельствовала о культурной эклектичности и ситуации культурного пограничья. В усло-

виях сильного русского и польского культурного влияния добиться однородной культурной идентичности было практически невозможно, создавались различия в типах идентичности и моделях осмысления белорусской истории и культуры.

В борьбе за то, чтобы жители пяти западных губерний не примкнули польскому национально-освободительному движению, царское правительство стремилось утвердить идеи западнорусизма.

Западнорусизм – историко-идеологическое направление научной, общественно-политической, этноконфессиональной и культурной жизни, которое возникло в Северо-Западном крае Российской империи. (Аналог концепции малороссийской идентичности в юго-западных губерниях Российской империи). Представители этого течения утверждали, что Беларусь составляет западную часть России, а белорусы являются этнографической группой единого русского народа и не могут иметь своей государственности. Западнорусизм стал удобным инструментом для противопоставления «ветвей русского племени» и «инородных польских элементов».

Основным автором идеи западнорусизма считается Александр Коялович, которому принадлежат слова: «Белорусы – это русские, немного подпорченные поляками». Представителями направления были также Ксенофонт Говорский, Григорий Киприанович, Арсений Турцевич и другие.

Многие деятели западнорусской ориентации ощущали себя русскими в большей степени, чем выходцы из внутренних губерний Российской империи. Так, в своей переписке уроженец Ковенской губернии профессор и редактор «Правительственного вестника» П. А. Кулаковский мог написать, что «по воспитанию, по духу и образованию, даже по привычкам я – москвич, но родом я западнорусс». По словам публициста Я. Балвановича, «белорусы молодого поколения, только что выступающие на поприще жизни, но уже вполне сознавшие русскую национальность» в ответ на указание на их «фамилии не с русским окончанием» отказывались признавать своих обидчиков «русскими» [2, с. 72]. В стремлении подчеркнуть свою принадлежность к русскому культурному пространству один из видных русских славистов уроженец Гродненщины А.С. Будзилович в период польского восстания 1863–1864 гг. изменил свою фамилию на Будилович [2, с. 72]. Идеология западнорусизма содействовала утверждению русского национального самосознания в крестьянской среде, усилению позиций Русской православной церкви, распространяла убеждение, что белорусские земли являются частью русской территорией. Несмотря на достаточно широкое распространение западнорусизма в общественно-политической мысли, он так и не сумел вытеснить иные направления общественно-политической мысли.

Краёвость. В конце XIX в. особенно популярной становится идея Края – территории гармоничного совместного проживания белорусов, литовцев, поляков и других народов. Так называли земли бывшего Великого княжества Великого – шесть литовско-белорусских губерний Северо-Западного края. Краёвцы отстаивали гражданский национализм – политическое единство обитателей бывшего ВКЛ. Край было невозможно освободить от российского господства в обозримой перспективе, поэтому оставалось только развивать экономику и культуру этих земель. Даже это стало непростой задачей в условиях национального угнетения и постепенного упадка шляхты. Присоединяться к террористической борьбе рево-

люционеров большая часть уважаемых семей не собиралась. Вместо этого элита занялась модернизацией Края. Экономическое развитие Края помогало гражданскому обществу. С 1860-х гг. в белорусско-литовских губерниях возникали сельскохозяйственные общества, куда вошли многие землевладельцы. Они стали центрами общественной жизни губерний, там решались многие насущные вопросы. Широко известно меценатство княгини Марии Магдалены Радзивилл – она финансировала госпитали, приюты, школы, костёлы, публикацию книг Максима Богдановича, Якуба Коласа, Максима Горецкого и многое другое. Одним из самых активных участников экономического, политического и культурного возрождения Беларуси и Литвы был Эдвард Войнилович. Он возглавлял Минское сельскохозяйственное общество, трижды избирался в Госдуму, строил на свои средства православные церкви и костёлы.

Местная элита поддерживала политическое и культурное единство земель Великого Княжества Литовского. Воспитанная на польской культуре и традициях исторической Литвы, шляхта верила в идеалы Костюшко, Мицкевича, Сырокомли. «Мы, граждане Литвы и Беларуси не можем быть польскими колонистами. В измерении краевого гражданства, т. е. в измерении политическом, социальном и экономическом, нашей родной землей является Литва и Беларусь. Исключительно в измерении культурно-национальном мы остаемся сыновьями польского народа и от этого родства отказываться не будем и не желаем», – выразился краёвец-демократ Михаил Ромер.

К началу XX в., когда в белорусско-литовских губерниях появились возможности для легальной борьбы, стали формироваться *краёвые* партии. На тот момент главной угрозой для империи стал левый терроризм, а недоверие к шляхте несколько снизилось. В 1903 г. в Минск приехал министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве, который сообщил местной общественности о создании губернских комитетов в Минской, Могилёвской и Витебской губерниях. Краёвцы образовали депутатскую группу в первой Госдуме (Краёвое коло Литвы и Руси), добиваясь отмены дискриминационных «исключительных законов», полноценного введения земств и постепенного продвижения к автономии. Главной газетой краёвцев либерально-консервативного направления стал «KurierLitewski» (1905–1915 гг.). Но, постепенно влияние консерваторов-краёвцев стало ослабевать, а их фракция в Госдуме следующих созывов сократилась.

Во время Первой мировой войны краёвцы пытались в условиях немецкой оккупации создать объединённое государство, прообразом которого было ВКЛ. Повторялась история столетней давности, когда были созданы проект Агинского 1811 г. и Временное правительство ВКЛ 1812 г. Ложа «Великий Восток Литвы» сыграла ключевую роль в создании Конфедерации Великого княжества Литовского в декабре 1915 г. Однако, несмотря на переговоры белорусских политиков с литовской Тарибой, литовцы уже стремились к построению отдельного национального государства.

Крушение Российской империи в 1917 г. открыло дорогу многочисленным проектам самоопределения её национальных окраин. Наиболее последовательно, и не без влияния краёвцев, идея белорусской государственности была разработана в проекте программы Белорусской партии автономистов (1917 г.) – с требованием права на национальное, культурное и политическое самоопреде-

ление в границах широкой краёвой автономии Беларуси с сохранением единства и неделимости её с Россией и с обеспечением прав национальных меньшинств края [3, с. 7]. После Рижского мирного договора 1921 г., разделившего белорусский народ на два десятилетия, идея краёвости становится непопулярной, а к 1940-м гг. прекращает своё существование.

Заключение. Таким образом, становление белорусской национальной идеи на протяжении XIX в. – начала XX в. происходило в сложных условиях культурного пограничья, в идеологическом противостоянии как с западнорусизмом, который отрицал наличие белорусской народности, так и с идеологией краёвости, которая призывала воссоздать исторические формы сосуществования народов в форме ВКЛ. Учитывая этот опыт в современной национальной политике Республики Беларусь делается ставка не столько на общие культурные начала, этническое единство, сколько на принадлежность к одному гражданскому сообществу.

Литература

1. Андреева, А. А. Пограничье в контексте идей культурно-исторической эпистемологии / А. А. Андреева // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 35(3). – С. 108–113.
2. Киселев, А. А. Западнорусизм, краевость и белорусское национальное движение как феномены культурного пограничья / А. А. Киселев // Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой : историческая и современная : материалы международной научной конференции, Минск, 12 мая 2016 г. / Белорусский национальный технический университет ; ред. А. И. Лойко. – Минск, 2016. – С. 70–75.
3. Ладысеў, У. Ф. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 1999. – 128 с.

О.В. Зуева

*(Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь)*

БЕЛОРУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА: КАК ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ?

Проблематика исторического языкознания привлекает внимание единиц студентов-филологов, имеющих склонность к научной работе. Речь идет не об отсутствии интереса к истории языка как таковой: мотивированные студенты вдумчиво занимаются исторической фонетикой, морфологией, синтаксисом и стилистикой средневековых текстов в рамках изучения вузовского курса историко-лингвистических дисциплин. Этимология, фонетические соответствия слов разных языков, формальные преобразования основ, семантические процессы, перестройка синтаксических связей и отношений между компонентами высказывания – эти «сюжеты» имеют гарантированный успех в студенческой аудитории. Заинтересованность, однако, не выходит за границы тех семестров, в течение которых изучаются историческая грамматика того или иного национального языка и история его литературной разновидности. Студенты выбира-

ют темы для курсовых и дипломных работ, связанные с функционированием языков на современном этапе, и далее наиболее способные молодые ученые продолжают разработку этих тем в аспирантуре.

Цель предлагаемого доклада – определить формы и способы мотивации студентов-филологов к исследованию проблем исторического языкознания. Мы делимся собственным опытом руководства научной работой студентов, осуществляемой в рамках деятельности секции «История русского языка и русская диалектология» на кафедре русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

На наш взгляд, к настоящему времени в белорусском профессиональном филологическом сообществе уже сложилась критическая ситуация, связанная с недостатком научных кадров в области исторического языкознания. Мы проанализировали тематику докладов республиканской конференции молодых ученых, проводимой на филологическом факультете БГУ раз в два года. На последних пяти конференциях было представлено следующее количество докладов, посвященных истории славянских языков: 2021 г. – 3 (из 44)¹; 2019 г. – 4 (из 37); 2017 г. – 3 (из 27); 2015 г. – 2 (из 42); 2013 г. – 2 (из 46). Мы не анализировали ситуацию на конференциях с участием молодых филологов, проводимых в других вузах Беларуси, и только предполагаем, что она окажется схожей.

О том, что белорусской медиевистике не хватает новых специалистов, напомнил доктор филологических наук И. В. Саверченко во время публичной лекции «Беларуская літаратура эпохі готыкі, Рэнэсансу і барока», прочитанной в Национальной библиотеке Беларуси 19 января 2022 года²: «Трэба проста больш людзей, каторыя б прыходзілі ў медыявістыку – гэта зараз складана зрабіць, каб людзей заахваціць» (тайминг: 57.33). Ученый призвал научных руководителей предлагать темы, касающиеся именно исторических вопросов в области словесности: «Адным словам, трэба сёння даваць чалавеку тэму кандыдацкай дысэртацыі, і каб ён пісаў, даследаваў і меў свой поспех» (тайминг: 57.57). Полностью поддерживая предложение И. В. Саверченко, мы отдаем себе отчет, что до того, как аспирант приступит к подготовке кандидатской диссертации по медиевистике, он должен написать дипломную и курсовые работы, посвященные изучению письменных памятников. И на этом этапе рассуждения мы возвращаемся к проблеме, сформулированной в начале нашего доклада.

На сегодняшний день подготовка курсовых работ на филологическом факультете БГУ начинается со второго курса. Выбирая темы для исследований, студенты не знакомы со всем спектром актуальных лингвистических и литературоведческих проблем, и первая задача научных руководителей, естественно, заключается в раскрытии этих проблем перед учащимися. Для перспективы подготовки специалиста в области исторического языкознания это «просвещение» имеет первостепенное значение. Историческая грамматика белорусского или русского языка изучается на втором курсе, и у преподавателя есть целый год, чтобы сделать всё от него зависящее и привлечь студентов к научным за-

¹ В скобках приводится суммарное количество лингвистических докладов, представленных на конференции соответствующего года.

² Беларуская літаратура эпохі готыкі, Рэнэсансу і барока – Іван Саверчанка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=1i4zRRbbwX8&list=LL&index=22&t=92s>. – Дата доступа: 09.04.2022.

нятиям в области исторического языкознания. Но и у заинтересованных юных филологов после второго курса складывается впечатление, что исследование истории языка – это прежде всего историческая грамматика. Ограниченный объем курса не дает им возможности познакомиться с жанрово-стилистическим разнообразием памятников; аспекты диахронического изучения источников остаются практически нераскрытыми. Таким образом, студентов прежде всего нужно знакомить с источниками и, далее, с аспектами их изучения³.

Работая в секции «История русского языка и русская диалектология», должное внимание мы уделяем памятникам старобелорусской письменности, в частности относящимся тем, которые доступны для сопоставительного изучения (летописи, полемические слова, эпистолярные сочинения, посольские речи, деловые грамоты и др.). Именно сопоставительное исследование старобелорусской и старорусской письменных культур перспективно в стране с государственным двуязычием.

С аспектами изучения источников студенты знакомятся традиционным способом: получают список тем и выбирают заинтересовавшую. После этого происходит детальный разбор темы, и студенты решают, хотят ли они ее разрабатывать. Приведем примеры тем по исторической стилистике:

- *Образ автора и образ адресата в древнерусской церковной полемике;*
- *«Предыстория» русского / белорусского научного стиля;*
- *Стиль старорусских «Азбуковников» и история педагогической мысли восточных славян;*
- *Текстовые формулы старорусских и старобелорусских текстах (на материале памятников одного жанра);*
- *Модальность делового текста: диахронический аспект;*
- *Текстовые категории в синхронии и диахронии (оценочность, достоверность, эвиденциальность, диалогичность, персуазивность и др.);*
- *Старорусская и старобелорусская фразеология в сопоставительном аспекте (по данным исторических словарей и письменных источников).*

Отметим тем не менее, что при тщательной разработке нами тематики исследований, наличии четкого плана осуществления научного руководства, курировании одаренных студентов начиная с их первого курса – при всей этой деятельности всего четыре дипломные работы, подготовленные на кафедре русского языка за последние шесть лет, были посвящены историко-лингвистическим темам: «Лексические заимствования в русском литературном языке середины – второй половины XVIII в.: характер освоения и функционирование», 2017 [1]; «Номинации богатство и бедность в истории русского языка (на материалах памятников XI–XVII вв.), 2017 [3]; «Стилистический потенциал

³ Видится уместным вспомнить историю, которую рассказала доктор филологических наук, профессор Елена Ивановна Янович – глубокоуважаемый и дорогой учитель и научный руководитель автора публикуемого доклада. Когда в начале 1950-х гг. Елена Ивановна училась в МГУ, ее научным руководителем был знаменитый лингвист, в те годы профессор, а через несколько лет после описываемого эпизода – член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов. Однажды Елена Янович, сама уроженка Гомеля, обратилась к научному руководителю с вопросом: а существуют ли вообще белорусские письменные памятники? Профессор Р. И. Аванесов глубоко поразился вопросу и ответил студентке: конечно, существуют! Свою дипломную работу Е. И. Янович посвятила исследованию глаголов в старобелорусских актовых памятниках (пересказывается с разрешения Е. И. Янович).

средств разговорной речи в русском литературном языке второй половины XVIII в. (на материале пьес Екатерины II)», 2018 [5]; «Стилеобразующий потенциал глагольных форм в сочинениях архимандрита Фотия», 2022 [2]. Только одна работа из названных связана с изучением древне- и старорусского языков; остальные – это исследование языка XVIII–XIX веков, причем студенты обращаются преимущественно к лексическому материалу. За последние несколько лет в трех курсовых работах по кафедре русского языка раскрывалась проблематика исторической стилистики и исторической лингвистики текста (изучались бинарные конструкции в древнерусских житиях; феминитивы в старорусской повествовательной литературе; способы семантизации терминов в грамматике А. А. Барсова). Таким образом, в среднем в год на кафедре защищается одна работа по историческому языкознанию. Нам видится это количество малым, но даже одна студенческая работа в год – это, как ни иронично звучит, достижение секции.

Упомянем объективную сложность в подготовке лингвистов-историков, которая в ближайшие годы может оказаться фатальной для белорусской филологии. Мы имеем в виду умение читать неадаптированные письменные памятники. Трудность процесса обучения и медленность самого чтения являются дополнительными факторами, отпугивающим молодых филологов. Нагрузка студентов-русистов не позволяет дополнить программу специальным курсом по палеографии (общие вопросы палеографии и кодикологии рассматриваются при изучении исторической грамматики русского языка), а у студентов-белорусистов курс «Белорусская палеография» читается один семестр. Это не может быть достаточным для того, чтобы приступить к научному исследованию оригинальных рукописей, хранящихся, например, в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь. Поэтому студенты, решившиеся изучать развитие языка старейшего периода, выбирают для исследования в рамках курсовых и дипломов памятники, представленные в изданиях.

В настоящее время на кафедре русского языка создается кружок «Русский язык в историческом развитии». Мы стараемся заинтересовать студентов вопросами функционирования древне- и старорусского языка, а также белорусско-русскими связями в диахронии.

На второй ступени подготовки для студентов, специализирующихся по языкознанию, читается дисциплина «Лингвистическое источниковедение» [4]. К началу изучения этой дисциплины магистранты уже не то что выбрали темы исследования – они дописывают свои научные работы, но тем не менее углубление понимания принципов историзма, получение современных знаний в области лингвистических источников, в том числе памятников восточнославянской письменности, знакомство с реализацией междисциплинарного подхода в филологии – это всё необходимые составляющие подготовки кадров высшей квалификации, этапом которой является магистратура.

Мы перечислили формы работы, которые реализуются на кафедре русского языка при работе со студентами-русистами. На других кафедрах также ведется соответствующая работа, которую мы не освещали, ограниченные объемом доклада.

Превосходным примером популяризации историко-филологических исследований являются проекты Национальной библиотеки Беларуси: открытые лектории, проведенные в январе – феврале 2022 года; видеозаписи, размещаемые на канале «Кніжная спадчына Беларусі»⁴. Во времена, предшествовавшие пандемии, в Минске проходили фестивали языков (с участием преподавателей филологического факультета БГУ), на которых регулярно представлялись доклады, посвященные вопросам истории языков. Это важные и нужные проекты. На наш взгляд, они достигают ту же цель, что и активно развивающаяся сегодня научная журналистика, а именно просвещение людей. Задачи же «возрождения» сравнительно-исторического языкознания в Беларуси, повышения мотивации молодых ученых к изучению исторической лингвистики и к занятию медиевистикой они реализовать не могут и не должны. Аргументы «к пафосу» и «к этосу» («это важная для социума деятельность», «это трансляция культуры», «вы хорошо подготовлены для историко-лингвистических исследований и имеете к ним склонность») тоже не являются достаточным стимулом для молодых филологов, ищущих свой путь в науке. Проблема обеспечения специалистами в области исторического языкознания, таким образом, остается остроактуальной.

Литература

1. Борис, К. А. Лексические заимствования в русском литературном языке середины – второй половины XVIII в.: характер освоения и функционирование : аннотация к дипломной работе [Электронный ресурс] / К. А. Борис ; филологический факультет, кафедра русского языка. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/175002>. – Дата доступа: 09.09.2022.
2. Воробьева, Д. С. Стилеобразующий потенциал глагольных форм в сочинениях архимандрита Фотия : аннотация к дипломной работе [Электронный ресурс] / Д. С. Воробьева ; филологический факультет, кафедра русского языка. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/281652>. – Дата доступа: 09.09.2022.
3. Дудник, М. В. Номинации богатство и бедность в истории русского языка (на материалах памятников XI–XVII вв.) : аннотация к дипломной работе [Электронный ресурс] / М. В. Дудник ; филологический факультет, кафедра русского языка. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/175007>. – Дата доступа: 09.09.2022.
4. Лингвистическое источниковедение : учебная программа УВО по учебной дисциплине для специальности 1-21 80 11 Языкознание (профилизация «Русское языкознание»). № УД-9443/уч. / сост. О. В. Зуева. – Минск, 2020. – 22 с.
5. Пашенько, Т. С. Стилистический потенциал средств разговорной речи в русском литературном языке второй половины XVIII в. (на материале пьес Екатерины II) : аннотация к дипломной работе [Электронный ресурс] / Т. С. Пашенько ; филологический факультет, кафедра русского языка. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/200413>. – Дата доступа: 09.09.2022.

⁴ Кніжная спадчына Беларусі [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/playlist?list=PLc9Ao5sjhiI1XgSHgUysmlmPlCkG_IGNJ. – Дата доступа: 10.09.2022.

ЗДАНИЕ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОГО ГАРНИЗОННОГО СОБОРА В БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ КАК ИНДИКАТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Полное драматическими событиями и свершениями XX столетие отразилось на истории Православной церкви на белорусской земле. В нашем исследовании выявляется, как ключевые события отечественной истории меняли внешний облик и статус храма православного прихода в честь святителя Николая Чудотворца в Брестской крепости, почему его культовое здание являлось важным индикатором национальной идентичности.

Изначально после своего возведения в Брест-Литовской крепости в середине XIX в. в восприятии народа храм являлся чётким индикатором русской национальной идентичности. В нём не единожды появлялись члены императорской семьи, проходили молебны воинам, положившим жизнь «во славу русского оружия». С одной стороны, национальная политика в духе западнорусизма содействовала укреплению позиций Русской православной церкви в западных губерниях империи. С другой стороны, используя мощное идеологическое и эмоциональное влияние православной церкви на коллективное бессознательное, государство укореняло мысль об этническом единстве восточнославянских народов.

В начале XX в. Свято-Николаевский гарнизонный собор был главным храмом Западнорусского края, одной из красивейших церквей, построенных в центре Европы. Находясь с 1890 г. в ведомстве «Пресвитера военного и морского духовенства», как её ещё называли Белая церковь располагалась среди роскошного сквера крепости. В 1906 г. Брест-Литовский Свято-Николаевский крепостной собор стал официально именоваться «гарнизонным». Тогда же русско-византийский архитектура храма была дополнена настенной росписью в романском стиле.

Клириками церкви до войны были настоятель протоиерей Феокист Максимович Брижовский, иерей настоятель Александр Афанасьевич Афанасьев и диакон Михаил Лукашевич [1, с. 21]. Первая мировая война привела к первым разрушениям главного воинского храма Западного приграничного округа. В 1915 г., накануне входа частей германских и австрийских войск в Брестскую крепость, гарнизон русской армии произвел эвакуацию всего наиболее важного, в том числе храмового, имущества. В Россию были эвакуированы колокола собора. Осенью 1915 г. оккупационные германские власти произвели ремонт здания церкви, но более подробных сведений о положении Свято-Николаевского собора до конца войны почти не сохранилось.

После занятия Бреста польской армией в 1919 г. и официального включения западно-белорусского края в состав Второй Речи Посполитой по Рижскому мирному договору в 1921 г. храм оказался в руках у римо-католиков. Польский период истории храма был примером злоупотреблений в проведении политики ревиндикации – передачи недвижимого церковного имущества историческому владельцу. Изначально православный Свято-Николаевский гарнизонный собор

за 1922–1930 гг. был кардинально перестроен по проекту польского архитектора Юлиана Лисецкого в римско-католический костёл.

Предполагают, что знаменитый архитектор, авторству которого принадлежат многие сохранившиеся постройки в центре современного Бреста, пытался воссоздать облик августинского костёла, разрушенного при строительстве крепости. Он как раз располагался на перекрёстке улицы Ковальской и Рынка в древнем центре Бреста (теперь это площадь церемониалов Брестской крепости). Вполне вероятно, что перестройка здания церкви в костёл Святого Казимира (1659 г.) произошла целенаправленно (*foto1*), в целях воссоздания символа польской идентичности.

Фото 1 – Открытка с видом Гарнизонного костёла Святого Казимира

Ксендзом гарнизонного костёла Святого Казимира, предназначенного для IX корпуса Войска Польского с 1923 г. становится Антоний Матейкевич. В 1922 г. он был утверждён в качестве декана, то есть занял 9-е место в иерархической системе духовенства Римско-католической церкви в польской армии. Будучи главой римско-католического пастырского служения в Командовании IX корпуса в Брестской крепости до 1929 г., он лично способствовал реконструкции Гарнизонной церкви. Возле костёла был построен домик для ксёндза.

Достопримечательностью костёла Святого Казимира стали две фрески. Одна была посвящена Грюнвальдской битве – в целях интеграции населения в рамках Польши активно популяризировалась история сосуществования народов Королевства Польского и ВКЛ. На другой росписи было увековечено событие новейшей истории – «Чудо на Висле» (*“Cudnad Wisla”*) – так поляки называют героическую оборону Варшавы в августе 1920 г. На левой стороне фрески польские солдаты штыками сметали красноармейцев, на правой – маршал Юзеф Пилсудский давал указания своим офицерам. В центре изображения Мать Божья, окружённая ксёндзами и ранеными бойцами, благословляла поляков на правое дело. Для выполнения этих работ использовались денежные средства, полученные от продажи открыток с видами крепости и города. Метаморфозы, случившиеся с храмом в

межвоенный период, иллюстрируют, как архитектурные сооружения в период смены власти используются для мемориализации собственной национальной истории, становятся средством идеологического воздействия.

Советский – светский этап истории здания храма начинается с приходом Красной армии в 1939 г. и включением Бреста в СССР. Это государство придерживалось политики воинствующего атеизма, религиозные организации теряли права на движимое и недвижимое имущество. Лишь немногие из храмов оставались действующими. Мало изменившись снаружи, собор был переоборудован под гарнизонный офицерский клуб. Накануне вторжения немецких войск он использовался как клуб 84-го стрелкового полка.

Из воссозданной истории героической обороны Брестской крепости в начале Великой отечественной войны известно, что здание храма стало важным пунктом обороны, так как было расположено на самом высоком месте острова, откуда хорошо просматривалась вся территория крепости.

Утром 22 июня 1941 г. немецкий штурмовой отряд прорвался через Тереспольские ворота на территорию цитадели, захватил клуб и столовую, начал продвижение к Холмским и Брестским воротам. В контратаке под командованием полкового комиссара Е. М. Фомина и других участках, захватчики были отброшены к зданиям клуба и столовой, но сумели там закрепиться. Большая часть штурмового отряда фашистов была уничтожена защитниками к исходу первого дня войны. Часть отряда, которая укрывалась в клубе – на следующий день. Здание не раз переходило из рук в руки и стало одним из последних очагов сопротивления красноармейцев в цитадели [2, с. 29–30].

Участник обороны командир взвода 33-го инженерного полка, старший сержант И. И. Долотов вспоминал, как в здании бывшего костёла развернулись жёсткие бои, изнутри слышались крики, взрывы и выстрелы. «Двери костёла, обращённые в сторону 333-го стрелкового полка, были открыты. Туда вбегали и выбегали наши красноармейцы. Внутри костёла стоял мрак, и в первый момент не видно было даже людей, а только красноватые вспышки автоматных очередей. Немцы засели на хорах, наши внизу. На крики у дверей я выскочил на улицу. Оказалось, фашисты выпрыгивали из окон и бежали по направлению к кустам, растущим вдоль тротуара. Мы открыли огонь... Небольшая группа там, на хорах, поддерживала отход основных сил» [3, с. 444].

Военные и послевоенные фотографии дают возможность убедиться, что, хотя весь здание храма было сильно повреждено пулями, осколками гранат, снарядов и бомб, ему удалось выстоять. В целом, заболее чем 140 лет своего существования собор не раз выдерживал войны, перемены власти, разорения, но стойко прошёл через все испытания. Пророчески нижний храм этой церкви назван во имя Иоанна Воина.

Одна из надписей внутри собора, оставленная защитниками крепости, о многом говорит нашим современникам: «Нас было трое москвичей – Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву: умрем, но не уйдем отсюда. Июль 1941». Защитник Брестской крепости М. И. Мясников вспоминал, что, когда 8 оставшихся к 5 июля 1941 г. человек ночью добрались под огнём противника до подвалов церкви, они обнаружили этих трёх измождённых бойцов [4]. Многие красноармейцы, командиры, политработники погибли при обороне красноармейского клуба.

После войны храм подвал полуразрушенного храма использовался в качестве склада для квашений горпищеторга, а потом он пришёл в запустение и не использовался совсем. Когда завершилось строительство мемориального комплекса «Брестская крепость – герой» (1971), на 20 лет сильно пострадавшее здание гарнизонного храма- клуба было законсервировано как памятник войны [1, с. 18]. Бывший храм, а в истории Великой Отечественной войны – клуб становится материальным объектом увековечивания героизма защитников Брестской крепости в годы Великой Отечественной войны. Ещё долго закрытые решёткой от свободного доступа оконные и дверные проёмы полуразрушенного здания будут пестреть пионерскими галстуками и гвоздиками в цвет пролитой на этой священной земле крови. В советский период истории разрушенное здание являлось общим местом памяти для советских граждан.

Изменение конфессиональной политики в независимой Республике Беларусь подарило шанс на его возрождение православной общины. И хотя, воссозданный в русско-византийском стиле первоначальный облик храма 1991 г. обращает, в первую очередь, к восприятию русской составляющей национальной культуры, священнослужители и музейные работники мемориального комплекса «Брестская крепость – герой» отличаются бережным отношением ко всем этапам истории храма. А история Свято-Никольского гарнизонного собора на протяжении XX в. отражает все важные события в жизни белорусского народа. Храм пережил две мировые войны, превращения в костёл (1920-е гг.), в гарнизонный клуб (с 1939 г.) и к началу 1990-х гг. находился на грани гибели. Его возрождение содействует сохранению исторической памяти, утверждению как традиционных духовно-нравственных, так и мультикультурных ценностей.

Литература

1. Храм-победитель. Брошюра. Изд. 3-е, доп. – М. : изд. Экзархат, 2012 – 24 с.
2. Брестская крепость. Прикосновение к подвигу. Научно-популярное издание / гл. ред. А. М. Суворов. – Брест: ООО «Полиграфика», 2009. – 67 с.
3. Памяць. Брэст: У 2 кн.– Мінск: БЕЛТА, 2001. – 687 с.– Кн.1.
4. Брэсцкая крэпасць. Злучае нас часінаў ніць... Фотаальбом / рэд. П. П. Барадзін. – Мінск : РВУ «Культура і мастацтва», 2004. – 96 с.

Т.Л. Тоболевич, Эки Абрур Джудитама Фауризки
(*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*)

ОСОБЕННОСТИ ИНДОНЕЗИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕГЕНДЫ О МАЛИН КУНДАНГЕ)

Фольклор (англ. folk-lore – «народная мудрость») – устное словесное и музыкальное народное творчество. В более широком смысле кроме словесных жанров, сюда включают всё народное творчество, проявления духовной (а иногда и материальной) культуры народа – язык, верования, обряды, ремёсла. Фольклор является предметом изучения фольклористики и этнологии [1].

Термин «фольклор» (англ. folk-lore – «народная мудрость») впервые был употреблен английским учёным Уильямом Дж. Томсом в 1846 году и обозначал как художественную (музыка, легенды, танцы, и так далее), так и материальную (дома, утварь, одежда) культуру народа.

Индонезия – островное государство, которое состоит из 17.000 островов. Самыми крупными являются острова Папуа, затем Борнео, Суматра, Сулавеси, Ява. Фольклорный персонаж Малин Кунданг известен на каждом острове. Малин Кунданг, также называемый Си Танганг и Находа Манис, происходит из сказки Западной Суматры о возмездии неблагодарному сыну.

Легенда гласит, что Малин Кунданг – единственный ребенок, живущий со своей матерью. Подростком он решил отправиться за границу на торговом корабле. По пути на корабль напали пираты. Весь товар был конфискован, а экипаж и пассажиры убиты. Малин Кунданг спрятался, чтобы спасти свою жизнь. После дрейфа в море, наконец, корабль, на котором он находился, оказался на берегу. Малин Кунданг пошёл в ближайшую деревню и начал там новую жизнь. Благодаря своему упорству в работе ему удалось стать купцом, владевшим многими торговыми судами и их людьми. Разбогатевав, Малин Кунданг женился на принцессе. Спустя годы Малин Кунданг и его жена отправились в путешествие и вернулись на родину Кунданга. Мать Малин Кунданга была свидетельницей его прибытия. Она увидела, что торговец на корабле очень похож на ее пропавшего сына, по которому она очень тосковала. Старая женщина подошла к кораблю, чтобы получше рассмотреть капитана. Ее догадки подтвердились: она узнала своего сына. Затем женщина попыталась поговорить с Малин Кундангом. Однако Малин Кунданг рассердился, хотя понял, что старуха была его матерью, потому что ему было стыдно за потрепанный и грязный вид своей матери. Из-за такого обращения мать Малин Кунданга очень разозлилась. Она поклялась своему сыну со словами: «О Боже, если он действительно мой сын, клянусь, он превратится в камень». Когда Малин Кунданг снова отправился в плавание, ужасный шторм погубил его корабль. Потом он оказался на берегу. Его тело медленно каменело и, наконец, превратилось в камень. Действие происходит на пляже Эйр Манис (Айа Маних), к югу от города Паданг, Западная Суматра [2].

В современной Индонезии легенда о Малин Кунданге очень популярна на Западной Суматре. На пляже Эйр Манис (Сладкая вода) недалеко от Паданга есть скала под названием Бату Малин Кунданг, которая, как говорят, является остатками его корабля. Существование Бату Малин Кунданг популяризировало легендарный пляж Эйр Манис как одну из туристических достопримечательностей Паданга.

Есть еще одна популярная индонезийская сказка, основанная на таком же сюжете. Действие происходит на Центральном Борнео. Это легенда о Сампуре. В Белантикан Хулу, отдаленном районе вдоль реки Ламандау в Индонезии, есть скальное образование под названием Букит Сампурага, которое, как полагают, является руинами его корабля. Сампурага, как и Малин Кунданг, был проклят своей матерью.

Подобный фольклор можно найти и в других странах Юго-Восточной Азии. В Малайзии похожая история рассказывает о Си Тенганге. Она описана еще ранее, в 1900 году, в книге о малайской магии, написанной Уолтером Уильямом Скитом как народная сказка под названием “Чаритра Мегат Саджобанг”. История Си Тенганга была опубликована издательством Балаи Пустака, Джакарта, в 1975 году под названием «Накода Тенганг: Легенда из Малайзии».

Камень Малин Кунданг

Легенда о Малин Кунданге вдохновила скульпторов Дасрило Байраса и Ибензани Усмана на создание рельефа на самом камне на пляже Эйр Манис в Паданге. Работа выполнена в виде фрагментов корабля и фигуры человека, идентифицированного как Малин Кунданг, который лежит на берегу пляжа Эйр Манис, город Паданг, Западная Суматра. Валун изображает конец жизни Малин Кунданга, торговца, который по прибытии в свой родной город был проклят за отказ признать свою мать. Туристы с удовольствием и интересом посещают это место.

Нравственное послание из легенды о Малин Кунданге можно определить в следующих выводах:

1. Не обижайте своих родителей!

Родители, особенно матери, женщины, которые родили и воспитали нас, любят всей душой, не ожидая ни малейшего вознаграждения. Они делают это искренне каждую секунду. Поэтому мы должны продолжать любить и уважать их до конца своей жизни.

2. Не забывай себя из-за богатства!

Помешанные на богатстве и положении могут все забыть, и этот факт был верен с незапамятных времен. Особенно, если все, что мы имеем сегодня, заставляет нас забыть и не считаться с собственной биологической мамой, которая каждый день молится о хорошей для нас жизни.

3. Не лги!

Ложь лишь на время спасает, но губит и вредит навсегда. Для этого продолжайте говорить правду в любом случае, даже если вам придется расстроиться и получить потом то, чего вы не хотите.

4. Будьте преданы своим родителям!

Следите за своим отношением и речью, чтобы не ранить их сердца. Часто навещайте или звоните, чтобы узнать, как у них дела. Историю Малин Кунданг с Западной Суматры очень хорошо рассказывать детям, чтобы они понимали, как важно почитать и уважать родителей.

Литература

1. Википедия. Фольклор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата доступа 1.03.2022.

2. Wikipedia. Malin Kundang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://id.wikipedia.org/wiki/>. Дата доступа 1.03.2022.

СЕКЦИЯ 3

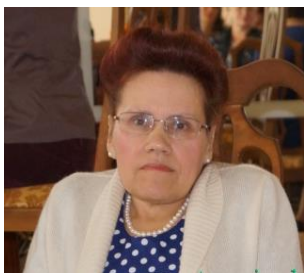
СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В СУДЬБЕ РОДНОЙ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л.У. Ветрава

*(Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт,
г. Брэст, Беларусь)*

“З ЛЮБОЎ’Ю І МІРАМ ДА ВАС...”: ЛІРКА НАДЗЕІ МІКАЛАЕЎНЫ ПАРЧУК

Берасцейская зямля багатая на імёны знакамітых сучасных пісьменнікаў: Зінаіда Дудзюк, Лявон Валасюк, Зніч (Алег Бембель), Галіна Тварановіч і многія іншыя. Іх паэзія шматпланавая. Разнастайная тэматыка вершаў задавальняе сучасных чытачоў. Сёння, гартаючы старонкі газет і часопісаў, можна ўбачыць імёны паэтаў ХХІ стагоддзя. Напрыклад, у газеце “Заря” друкуюцца шматлікія вершаваныя творы Брэсцкіх паэтаў. Гэта і Ірына Морых, і Святлана Валуй, і Лявон Валасюк, Таццяна Шульга і Марына Шадуя, Марыя Суліма і Людміла Пятрова, Уладзімір Лебедзеў, Вольга Роліч, Аляксандр Дзямко, Марыя Ражнова і многія іншыя. Іх рознабаковая паэзія, разнастайная тэматыка не дазваляе чытачу сумаваць. Менавіта праз газету “Заря” я ўпершыню пазнаёмілася з вершамі не менш таленавітай паэткі Надзеі Парчук. У краязнаўчым аддзеле Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага я даведалася, што Надзея Парчук на сённяшні дзень выдала восем зборнікаў вершаў: “Жыццёвыя плыні” (2003), “Я серце людям падарую” (2004), “Ладараж” (2006), “Раскрыліўся бусел над хатай” (2009), “Зарунее жыта зноў...” (2010), “Берагі Надзеі” (2014), “Венерын чаравічак” (2015), “Святло няскончанай душы” (2017). Як бачым, Надзея Парчук піша вершы на беларускай і рускай мовах.

Надзея Мікалаеўна Парчук нарадзілася 27 верасня 1951 года ў в. Ладараж Пінскага раёна Брэсцкай вобласці. Пасля заканчэння дзесяцігодкі яна паспяхова паступае ў Пінскі ўлікова-крэдытны тэхнікум (банкаўскі каледж). Атрымаўшы спецыяльнасць бухгалтара зберагальных кас, Надзея Мікалаеўна 25 гадоў свайго жыцця прысвяціла служэнню банкаўскай сістэме, працую кантралёрам-касірам ў Ладожскай зберагальнай касе.

Дзякуючы набыўшым ведам, дабрасумленным адносінам да сваёй працы, прыроджаным дабраце і чуласці сэрца, яна хутка заслугоўвае сябе аўтарытэт і давер з боку адміністрацыі, калег, павагу і ўдзячнасць сваіх кліентаў, набывае любоў і падтрымку землякоў і тутэйшага кіраўніцтва. І ўсяго гэтага Надзея дасягнула, пакараючы штодзень з ранняга дзіцячага веку свой лёс, сваю найсур’ёзнейшую перашкоду ў жыцці – інваліднасць з парушэннем апорна-рухальнага апарата.

На сённяшні час Надзея Парчук ужо не працуе. Па стане здароўя яна датэрмінова пайшла на заслужаны адпачынак. Аднак гэты мужны і нястомны чалавек-працаўнік, звыклы аддаваць усю сваю моц на карысць людзям, знайшоў спосаб заставацца карысным грамадству і надалей.

Як рознабаковая, разважная, а галоўнае, творча таленавітая і тонка адчуваючая асоба, яна лёгка ўвайшла ў адзін з найпрыгажэйшых відаў літаратуры – паэзію, любоў да якой можна было заўважыць у дзяўчыны яшчэ з ранняга ўзросту, назіраючы, з якім зачараваннем ўслухоўвалася яна ў мелодыі старадаўніх песен, якія выконвала яе бабуля, матуля, тата, сваякі.

Услухоўвалася, захаплялася, убірала, запамінала і... марыла ствараць і сваю сапраўды такую ж хваляную, захапляльную дух, прыгожую песню або верш.

Першую спробу будучая паэтка зрабіла яшчэ ў трэцім класе, прачытаўшы свой вершык толькі матуле. Зразумела, што яна атрымаўся па-дзіцячы найўным, кароткім... А зараз яе творы чытаюць не толькі ў Беларусі, але і ў Расіі, Эстоніі, Украіне і ў іншых краінах. У апошні час Надзея стала плённа займацца вершаваннем радкоў. Яе вершы друкуюцца ў такіх перыядычных выданнях, як “Заря”, “Настаўніцкая газета”, “Літаратура і мастацтва”, “Голас Радзімы”, “Наша доля”, “Преображение”, а таксама ў часопісах “Надежда”, “Акно”, “Белые снегири”. Першы зборнік яе вершаў “Жыццёвыя плыні” выйшаў у марце 2003 г. на беларускай мове.

Творчасць паэтэсы прыцягвае да сябе аматараў прыгожага чароўнага пісьменства сваёй сардэчнасцю, шчырасцю, прыгажосцю пачуццяў, унутранай эмацыйнасцю, прастатой і дакладнасцю выказаў, лёгкасцю ўзлёту яе душы. Гартаючы зборнікі яе вершаў, здзіўляешся, колькі ж змясцілася любові, дабыні, душэўнай прыгажосці і талента ў адным чалавеку, ў адным сэрцы! Творчасць Надзеі Парчук прасякнута роздумам над праблемамі жыцця, лёсам чалавека ў Вечнасці, любоўю да роднай зямлі, хрысціянскімі матывамі. Яе вершы, як і яна сама – светлыя, узнёслыя, лёгкія і глыбокія, але глыбокія такой яснай, чыстай глыбінёй.

Уся лірыка Н.М. Парчук падзяляецца на дзве плыні: хрысціянская і патрыятычная. Да хрысціянскай лірыкі адносяцца такія вершы, як: “Не плач, чалавек прад бядою”, “Я не стварыла мудрага нічога”, “Малюся ўдзень я і ўначы”; “Навучы Божа!” і інш; да патрыятычнай лірыкі адносяцца: “Бацькаўшчына”, “Старонка мая дарагая”, “Дарагая Радзіма... Айчына...”, “Раніцай”, “Вясновы настрой” і інш. Адданай любові да Радзімы і высокага патрыятызму ў паэткі не адабраць. Хочацца з гонарам паўтараць яе ўрачыстыя радкі:

Дарагая Радзіма... Айчына...

Як цябе мне яшчэ ўшанаваць?

Ты ж на ўсім белым свеце адзіна

Гэтак здольна любіць, спачуваць.

...

Я і зноў на ўвесь дзень атрымаю
Ад цябе жыватворны зарад.
Ты адзіная ў свеце такая –
Як матуля, як бацька, як брат... [2, с. 20].

Лірычны герой Н. Парчук трывожыцца за лёс сваёй бацькаўшчыны, нясе адказнасць за яе будучае. У вершы адчуваецца гонар, любоў да Радзімы і абавязак бараніць яе, а таксама выклікае пачуццё нацыянальнай годнасці і свабадалюбства.

Старонка мая дарагая!
Ўсё клчаш-завеш да сябе –
Я гэта штодня адчуваю,
І ў шчасці сваім, і ў журбе.

Я чую твой гоман здалёку,
А ён мне такі дарагі!
Бо я ж з гэтых самых вытокаў,
Адны ў нас з табой берагі.

Твой голас пяшчотна-лагодны,
Казала і зноўку скажу,
Што ён мне – найлюбы і родны –
Натхняе і гоіць душу.

Што мне без яго гэтак сумна,
Як птушцы ў краінах чужых,
І я, замаўкаючы думна,
Малюся за продкаў сваіх [2, с. 5].

У вершы адчуваецца, што аўтар сумуе па сваёй Радзіме. Усім сэрцам адчувае боль і плач душы чалавека, які ў мроях рвецца да сваёй бацькаўшчыны.

Лірыка паэта глыбока псіхалагічная, прасякнута пачуццямі смутку, тугі па радзіме, якая ўсё аддаляецца. Гэтым вершам аўтар хоча, хаця б у думках, аднавіць для сябе той свет, які застаўся на Радзіме.

У вершы “Раніцай” Н. Парчук паэтызавала месца свайго дзяцінства, любы і дарагі вобраз мілай старонкі – невычэрпнай крыніцы душэўнай радасці, добра, прыгажосці:

Расчыню дзверы раніцай роснай,
Як калісьці ў дзяцінстве, шырэй, -
Патану ў прыгажосці дзівоснай
І ад радасці стану дабрэй.

Павітаюся шчыранька з сонцам –
Ажно слёзы ў вачах заблішчаць...
“Ах, як любя мне ў мілай старонцы!” –
Зноўку словы ў блакіт паляцяць [1, с. 10].

Радзіма, яе прырода і гісторыя края, хвалявалі і працягваюць хваляваць паэта.

Усе вершы патрыятычнага кшталту, напоўненыя водарам роднага краю, уласным роздумам і спадзяваннямі аўтара, новымі ўражаннямі і сустрэчамі, памяццю пра бацькоў і Беларусь.

Вялікае значэнне ў вершах Надзеі Парчук адыгрывае і свет навакольнай прыроды. Так, напрыклад у вершы “Вясновы настрой” паэтэса ўражана і зачаравана хараством вясновага асяроддзя! Яна захапляецца прыгажосцю сонца, зоркамі, травамі, нябёсамі, аблокамі. Прыгажосць, быццам, закалыхала яе.

Добрай раніцы, сонца вясновае!

І бывайце да вечара, зоркі!

Не хавайцеся ў хмаркі вы толькі,

Як расіца асядзе на зёлкі

І на першыя травы шаўковыя.

Дык заплюшчвайце вочкі санлівыя –

Вашых сноў аніхто не парушыць.

Сонца мокрыя травы асушыць,

І касцы іх закосяць шчаслівыя.

Спачывайце пакуль, мае мілыя, -

Я пагутару з сонцам высокім

Пра нябёсы яго і аблокі,

І пра мары свае белакрылыя [1, с. 11].

У зборнік “Берагі надзеі” увайшлі лірычныя, глыбока філасофскія вершы. Паэтка разважае над такімі філасофскімі паняццямі, як любоў, душа, жыццё, вера, мудрасць, вечнасць, надзея і інш. Можна сказаць, што паэтка ва ўсёй сваёй паэзіі праявіла сябе як філосаф. Яе паэзія мае тэндэнцыю збліжэння з філасофіяй, імкнецца праз слова выявіць рознабаковыя з’явы рэчаіснасці, найглыбейшыя праявы псіхалогіі чалавека. Гэтым можна сказаць, што паэтка з’яўляецца ўдумлівым псіхалагам. Яе вершы – гэта пераважна філасофскі маналог, які імкнецца ўзбуйняць пачуцці, лірызаваць іх.

Усе вершы Надзеі Парчук складаюць вялікі маналог-роздум аб вышэйназваных філасофскіх праблемах. Паэт, як тонкі лірык, разважае над складанымі праблемамі жыцця.

Тэматыка твораў агульначалавечая. У вершы “Не плач, чалавек, прад бядою” аўтар звяртаецца да чалавечай мудрасці. Мудрасць для яе склала гармонію душы. Верш пачынаецца з закліка:

Не плач, чалавек, прад бядою –

Хіба ж ты адзіны такі?

Святой прычасціся вадой,

Прарочыя ўспомні радкі... [2, с. 37].

Хрысціянскія матывы твораў як бы падпарадкоўваюць пачуцці розуму, розум – творца гармоніі, панаванне асобы над страсцямі спазнае божы завет. У сваіх вершах паэтка дае адказ на вечнае пытанне “Чаго мы ў гэты белы свет прыйшлі”. Аўтар падказвае, што адказ на гэтае пытанне можна атрымаць, звярнуўшыся да Бібліі:

Не трэба філасофстваваць замнога,
Чаго мы ў гэты белы свет прыйшлі.
Душа твая належыць толькі Богу,
Ну а жыццё ўсім людзям на зямлі.

Аўтар разважае, што жыццё не вечнае, і пакуль мы жывыя – трэба аддаваць сябе і сваю любоў людзям, дарагім сэрцу, каханым:

А сэрца ты аддай сваёй каханай,
Любоў да кроплі любай падары,
А прыйдзе час – твая душа-падранак
Навек сальцеца з полымем зары...

І калі што ў жыцці не зразумела,
У Кнізе кніг шукай на ўсё адказ.
Тады прад Небам ты паўстанеш смела,
Бо там за ўсё спытаюць – прыйдзе час [2, с. 46].

Лірычны герой верша “Я не стварыла мудрага нічога...” асэнсоўваюцца такія вечныя паняцці, як “мудрасць”, “ісціна”, “святыня”. Аўтарка верыць, што чалавеку іх можна дасягнуць толькі праз імкненне душы да Бога. Лірычнаму герою верша ўласцівая такая беларуская рыса, як набожнасць. Аўтар верыць у збавенне, у тое, што за грахі людскія адпакутаваў на крыжы Ісус Хрыстос.

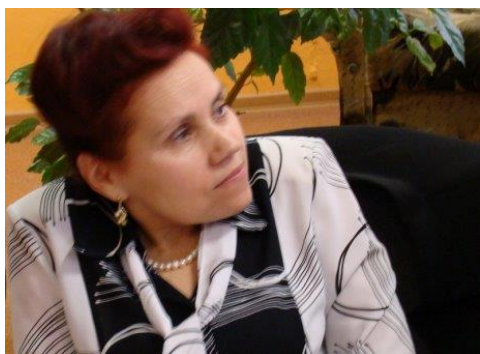
Я не стварыла мудрага нічога,
Я патанула ў мудрасці чужой –
Той, што даеца выбраным ад Бога
І чалавецтвам лічыцца святой.

Але й за гэта лёсу вельмі ўдзячна,
Бо мне магчымасць дадзена была –
Душой крануцца ісцін самых значных
І прычасціцца промнямі святла... [1, с. 44].

Сваімі вершамі Н. Парчук падказвае, што прызвание чалавека на зямлі – тварыць дабро. У дабра шмат назваў: філантропія, любоў да бліжняга, братэрства, прыхільнасць, чалавечнасць, спачуванне, суперажыванне, дапамога, міласэрнасць, пяшчота, пачуццё дабра, патрыятызм. Лірычны герой верша “Навучы Божа!” адкрывае перад намі сябе, сваё ўнутранае жыццё, сваю духоўную напоўненасць. Лірычны герой хоча выявіць сваю індывідуальную асобу, сваё існаванне. Лірычны герой Н. Парчук – асоба, якая хоча быць чалавекам па прызнанні.

Малюся ўдзень я і ўначы,
Бо без малітвы веру згубіш:
О Божа мілы, навучы
Любіць людзей, як Ты іх любіш!

І падкажы, дзе сілы ўзяць,
Каб не займець шыпоў, бы ў ружах?
Якія словы ім сказаць,
Каб запаліць святло ў іх душах?
Бо словы мудрыя заўжды
Гартуюць нашы сілы духу,
Прыносяць добрыя плады
У гэтым вечным жыццяруху [2, с. 54].

Вершы Надзеі Парчук хрысціянскага кірунку ўплываюць на душу чытача, устанаўліваюць гармонію ў душы, ачышчаюць яе ад страху, зайздасці і жорсткасці. Хрысціянская лірыка ўплавае на фарміраванне свядомага выратавання душы людзей, яна нясе ў сабе знак хрысціянскай любові, бескарыснасці і ахвярнасці. Лірыка гэтага кірунку забяспечвае гарманічнае існаванне

чалавека пры яго далейшым развіцці, не прыводзячы да вялікіх страт.

У артыкуле прааналізаваны выбраныя вершы любоўнай, хрысціянскай і патрыятычнай лірыкі паэтычнай асобы выбраных вершаў, зборнікаў “Берагі надзеі” і “Ладараж”. У выніку адзначана, што духоўныя пошукі лірычнай гераіні спраецываваны на рэальнае жыццё і яго актуальныя праблемы. Ключавыя ў яе хрысціянскай паэзіі матывы балеснага хвалявання за людзей, самакрытыкі, самапрыніжэння, стрыманасці, удасканалення, узвышэння. Духоўны свет яе лірычнай гераіні арганічны, рознабаковы, асветлены глыбока хрысціянскімі ідэямі багавейнай пакоры перад няўмольнымі цяжкасцямі лёсу, памнажэння дабра для наступных пакаленняў, штохвіліннай аптымістычнай памкнёнасці.

Патрыятычная лірыка Надзеі Парчук абуджае ў чытача любоў да прыроды, любоў да жыцця. Вершы Надзеі Парчук прасякнуты пачуццём патрыятызму і самаахвярнасці, якое праяўляецца з велізарнай сілай.

Літаратура

1. Парчук, Н. М. Ладараж : вершы / Надзея Парчук. – Брэст : ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2006. – 104 с.
2. Парчук, Н. М. Берагі надзеі : зборнік паэзіі / Надзея Парчук. – Брэст : Альтэрнатыва, 2014. – 160 с.
3. Парчук, Н. Н. Я сердце людям подарю. Сборник стихов. – Брест : ОАО “Брестская типография”, 2004. – 156 с.

ЭЛІЗА АЖЭШКА: БЕРАСЦЕЙШЧЫНА Ў СЭРЦЫ МАІМ

Вывучэнне спадчыны малой радзімы, перш за ўсё культурнай, мае шырокія магчымасці для захавання духоўнасці грамадства, развіцця беларускай літаратуры і культуры, з'яўляецца прадметам асаблівага клопату дзяржавы.

Беларуская зямля дала жыццё многім вядомым польскім пісьменнікам, у шэрагу якіх адно з першых месц належыць Элізе Ажэшка. У гэтым годзе спаўняецца 180 гадоў з дня яе нараджэння.

Творчая спадчына Э. Ажэшка цесна звязана з Берасцейшчынай. Яна пакінула значны след у гісторыі і культуры Брэсцкай вобласці.

На Драгічыншчыне, у вёсцы Людвінава, некалі быў маёнтак, у якім шэсць гадоў пражыла таленавітая пісьменніца Э. Ажэшка. Гэтыя гады яна пазней назвала сваім універсітэтам.

У 1858 г. 16-гадовую Элізу Паўлоўскую, якая нядаўна закончыла закрыты Варшаўскі пансіён, маці выдала замуж за польскага памешчыка Пятра Ажэшку, маёнтак якога знаходзіўся ў Людвінава. Дзяўчынка-падлетак наўрад ці выразна ўсведамляла лёсавызначальнасць гэтага свайго кроку. Шчасця, на жаль, не адбылося.

Э. Ажэшка спачатку захапляльна ўспрымала сваё замужняе жыццё. Ёй падабалася новая роля – гаспадыні дома. Усё захапляла Э. Ажэшка ў Людвінава: уражваў вялікі старадаўні дом з драўлянымі калонамі, пабелены і пакрыты саломаю, поўныя святла і паветра пакоі, абсталяваныя прыгожай старадаўняй мэбляй, парк з каштанавымі, бярозавымі алеямі, з маляўнічымі альтанкамі і прыгожымі сажалкамі.

Першыя гады праяцелі весела і цакава. Маладая сям'я часта прымала ў сябе гасцей, наладжвала балі. Ахвотна бывалі Ажэшкі ў суседзяў. Сябравалі Ажэшкі з Жукамі з Папіна і Русецкімі з Грудковічаў. Наведаліся і да іншых суседзяў.

Недалёка ад маёнтка туліліся мужыцкія хаткі. Сяляне круглы год працавалі на сваіх гаспадароў. Калі ж пільная патрэба прыводзіла іх у панскі дом, то гадзінамі, скінуўшы шапкі, чакалі пана, але ён не выходзіў да іх. Жорсткі, дэспатычны, пазбаўлены духоўных інтарэсаў, Пётр Ажэшка не спачуваў сялянам, лічыў іх гультаямі, зладзеямі і падманшчыкамі. Э. Ажэшка не магла гэтага зразумець у сваім мужы. Як ні прасіла выйсці да іх і дапамагчы, той рэдка калі адгукаўся на жаночыя просьбы. На гэтай глебе пачалі ўзнікаць канфлікты, якія з часам паглыбляліся.

Сама Э. Ажэшка любіла гутарыць з сялянамі, калі яны прыносілі ў двор грыбы ці ягады. Яна заўсёды дабразычліва ставілася да прыгонных. Гэтыя сустрэчы з сялянамі пакідалі вялікі след у душы маладзіцы, абуджалі нейкую, па-

куль што не ўсвядомленую трывогу, нараджалі незразумелыя парыванні. Пазней Э. Ажэшка пісала, што нават тады, калі яна была найбольш легкадумная, жыла бесклапотна, ёй рабілася вельмі сумна і было шкада тых людзей, што яна не магла ўтрымацца ад слёз.

Маладая жанчына пачала шукаць адказы на пытанні, што хвалявалі, у кнігах, якія яна прывезла ў Людвінава з Мілкаўшчыны – бацькоўскага дому. Бываючы ў суседзяў, Э. Ажэшка прыслухоўвалася да спрэчак мужчынаў. Адны з суседаў-шляхціцаў гаварылі, што трэба даць сялянам волю, другія, у тым ліку і яе муж, прытрымлівалі іншай пазіцыі. З часам у гэтыя спрэчкі стала ўмешвацца і Э. Ажэшка. Яна заўсёды трымала бок сялянаў. Адзінства сярод палескіх шляхціцаў наступала толькі тады, калі размова заходзіла пра лёс айчыны, пра яе вызваленне ад паняволення.

У гэты час вярнуўся на Палессе пасля заканчэння Пецябургскага ўніверсітэта малодшы брат мужа Фларэнт Ажэшка, які быў далучаны да ідэяў рускай рэвалюцыйнай дэмакратыі. Маладая пісьменніца пачынае чытаць М. Някрасава, М. Дабралюбава, М. Чарнышэўскага, А. Герцэна.

Палеская шляхта ў пытаннях вызвалення Бацькаўшчыны ад паняволення, як і іншыя ўдзельнікі паўстання 1863-1864 гг., падзялілася на “чырвоных”, і “белых”. Яе муж далучыўся да “белых”. Гэта яшчэ больш аддзяліла яе ад мужа.

У маленькім салоніку гаспадыні ў Людвіване са спачуваннем гаварылі пра сялянаў, пра тое, што ўсім трэба жыць дзеля высокай мэты, дбаць пра лёс бацькаўшчыны. Пад уздзеяннем прачытаных кніг, палкіх прамоў у яе салоніку Э. Ажэшка думала і пра сваю асабістую дапамогу народу. Яна пачала лячыць людвінаўскіх сялян, адкрыла на свае сродкі школу для дзяцей прыгонных. У гэтай школе вучыла 20 хлопчыкаў.

А між тым на Палессі ішла актыўная праца па падрыхтоўцы да паўстання супраць паняволення радзімы Расіяй. Кіраўніком быў запрошаны кадравы афіцэр Рамуальд Траўгут, які жыў непадалёку ў вёсцы Востраў (цяпер Кобрынскі раён). Па шляхетных маёнтках ствараліся склады зброі. Былі такія склады ў маёнтках Ажэшкаў. Р. Траўгут у лясным гушчары навучаў палескіх паўстанцаў ваеннаму майстэрству. Сувязь паміж кіраўніком палескага атрада і паўстанцкім цэнтрам, паміж лагерам і сем’ямі паўстанцаў падтрымлівалася праз Э. Ажэшка. Як сувязная, яна днямі насілася па Палессі. Улічваючы, што ўрад сцягнуў у наш край вайсковыя сілы і па дарогах снавалі казацкія раз’езды, гэтыя паездкі былі вельмі небяспечныя.

Паўстанцаў трэба было карміць, апранаць, патрэбны былі медыкаменты, бінты. Э. Ажэшка арганізавала жанчын паўстанцаў для гэтай справы. Калі пачаліся баі і паявіліся параненыя, разам са Стэфаніяй Жук у маёнтку Божыдар адкрылі шпіталь. Паранены Р. Траўгут нейкі час лячыўся ў Людвінаве.

Баі паўстанцаў з карнымі атрадамі ўладаў вяліся з папераменным поспехам. За першымі перамогамі пайшлі адно за адным паражэнні. І добрыя, і дрэнныя навіны чулі сем’і паўстанцаў найперш ад Э. Ажэшкі. Часам яна ездзіла разам з Р. Траўгутам у яе шасцярной карэце, што забяспечвала хоць нейкую бяспеку. Кіраўнік палескага паўстанцкага атрада многа гутарыў з маладой жанчынай, расказваў ёй пра мужнасць і адвагу паўстанцаў, захапляўся подзвігам беларускай сялянкі Магдаліны Волкавай з вёскі Падлессе.

Калі палескі паўстанцкі атрад быў разбіты пад Коўна, Р. Траўгут ацалеў. Ён знайшоў прытулак у Людвінаве. Некалькі дзён хаваўся ў пакойчыку, дзе некалі была школа. Паўсюль на Палессі пачаліся арышты. Некалькі разоў абшуквалі і дом Ажэшкаў. Заставацца тут было рызыкаўна, і Р. Траўгут пачаў думаць, як дабрацца туды, дзе грымела яшчэ паўстанне, – у Варшаву. І зноў vyrатавала Э. Ажэшка. Яна прапанавала такі план: трэба ехаць у самай багатай карэце па галоўнай, запруджанай казакамі дарозе. На пытанне, хто едзе, адказваць, што шляхцянка вязе хворага брата ў Брэст да доктара. Хітрасць Э. Ажэшка ўдалася. Яны паспяхова дабраліся да Брэста. Знаёмыя дапамаглі Р. Траўгуту перабрацца праз Буг, і ён трапіў у Варшаву, дзе ўзначаліў паўстанне.

Э. Ажэшка затрымалася на тыдзень у Брэсце ў сваіх сваякоў і вярнулася ў Людвінава. Там чакалі яе сумныя навіны. Царскія каты залілі Палессе крывёю. Муж і Фларэнт Ажэшкі былі арыштаваны. Пазней першы быў сасланы ў Сібір. Маёнтак Людвінава канфіскаваны. Без сродкаў на пражыццё, без блізкіх і сяброў самотная Э. Ажэшка пражыла ў Людвінаве цяжкую зіму 1863–64 гг. Часта ездзіла на магілу палеглых у баях паўстанцаў. Над гэтай магілай яна дала клятву: ніколі не ведаць бляску свету, нікчэмнай яго весялосці, ніколі не здраджваць ідэалам добра, справядлівасці і свабоды, за якія выйшлі на змаганне і палеглі тыя, хто ў гэтай магіле.

У 1864 годзе Э. Ажэшка пакінула Палессе і вярнулася ў бацькоўскі маёнтak непадалёку ад Гродна. Гэта была ўжо сталая жанчына, якая шмат перадумала і перажыла. Імкненне асэнсаваць свае жыццёвыя набыткі падштурхнула да творчай працы. Патрэба такая была яшчэ ў Людвінаве. У першым сваім творы “У галодны год” адлюстраваны назіранні пісьменніцы над жыццём любвінаўскіх сялянаў у галодны 1859–1860 гг. Ужо ў першым сваім творы яна стала на абарону прыгнечанага беларускага сялянства. З таго часу да апошніх гадоў жыцця яна служыла ідэалам дэмакратыі і гуманізму, славіла традыцыі нацыянальна-вызваленчай барацьбы нашага народа.

Дом-музей Э. Ажэшка ў г. Гродна

На схіле сваіх дзён хвора я Э. Ажэшка вярнулася думкамі ў сваю маладосць на Палессе. Яна стварыла цыкл навелаў пра сваіх сяброў, самаахвярнікаў-паўстанцаў, пад агульнай назвай “Gloria victis” (“Слава пераможным”). У зборніку пісьменніца вяртаецца да праблем Паўстання, нагадваючы пра гераізм і трагедыю яго ўдзельнікаў, услаўляе актыўны патрыятызм і падкрэслівае гістарычнае значэнне Паўстання. “Дакументальная” мова Э. Ажэшка спалучаецца з сапраўдным лірызмам,

паэтыкай і гераічным пафасам, яна называе людвінаўскі перыяд жыцця сваімі ўніверсітэтамі, раскрываючы ідэйную накіраванасць сваёй творчасці.

Праз некалькі гадоў лёс зноў прывёў пісьменніцу на Берасцейшчыну. На гэты раз на Ляхаўшчыну. Вясной 1908 года пісьменніца шукала месца для адпачынку. Яна не была прыхільніцай модных курортаў, а звычайна адпачывала ў вёсках на Гарадзеншчыне. На гэты раз ёй захацелася выбраць нешта іншае і выбар паў на Флер’янова: “я прагну ў жыцці яшчэ раз правесці лета на шчырай, сапраўднай літоўскай вёсцы, карыстаючыся гасціннасцю Бохвіцаў, якія тут уладкавалі выгоды і ладны пансіянат для людзей такіх, як я, у вясковым значэнні бяздомных” [2, с. 110].

Імя Бохвіцаў найхутчэй Э. Ажэшка было не новым. Гэта досыць вядомы род на Беларусі. Дзед тагачаснага гаспадара Флер’янова быў вядомы як пісьменнік і філосаф, які пісаў па-польску. Вышэйшую адукацыю не атрымаў, аднак многа дасягнуў самаадукацыяй. Быў чалавекам досыць начытаным. Асабліва захапляўся французскай прозай і чытаў яе ў арыгінале. Многа часу аддаваў гісторыі журналістыкі, склаў бібліяграфію польскіх перыядычных выданняў, сабраў вялікую калекцыю газет, часопісаў.

Э. Ажэшка са сваёй сяброўкай Марыняй прыехалі ў Флер’янова, сад і ваколіцы якога радавалі вока. Тое, што шукала Э. Ажэшка для свайго адпачынку, яна знайшла ў пансіянаце Бохвіцаў: і свежае паветра, і сапраўдную гасціннасць, і шмат кветак для гербарыяў. Паміж Э. Ажэшка і Тадэвушам Бохвіцам узнікла сімпатыя адзін да аднаго, якая перарасла ў сяброўства. Паміж імі пачалася перапіска, пачалася тут жа ў Флер’янове. Лісты перасылаліся з пакоя ў пакой. Гэта была сяброўская размова двух людзей, якія паважалі адзін аднаго.

У вялікай эпістальнай спадчыне Э. Ажэшка лісты да Т. Бохвіца складаюць цэлы том. Даследчыкі творчасці пісьменніцы лічаць, што яны заключаюць літаратурную цікавасць не толькі як дакументы свайго часу, але і як мастацкая з’ява. Э. Ажэшка дзялілася са сваім сябрам поглядамі на месца пісьменніка ў грамадстве, раскрывала сваю творчую лабараторыю, давала ацэнкі творчасці пісьменнікаў-сучаснікаў: Г. Сянкевіча, М. Канапніцкай, У. Рэйманта, Б. Пруса і інш., вярталася ў гады маладосці, расказвала пра свой удзел у нацыянальна-вызваленчым руху, паказвала адметнасць працы творцы ва ўмовах цензуры, адкрывала Т. Бохвіцу і свае гаспадарчыя хлопаты.

Як бачым, духоўнае сталенне пісьменніцы, фарміраванне светапогляду і вырашэнне ўсяго яе далейшага лёсу звязана з Берасцейшчынай. Пісьмы Э. Ажэшка да Т. Бохвіца – гэта “гісторыя душы” пісьменніцы, грамадскай дзячкі, мецэнаткі, жанчыны.

У Флер’янове Э. Ажэшка вяла актыўны адпачынак. Былі праходкі па парку і ваколіцах, былі паездкі разам з Т. Баховіцам па наваколлі, наведваліся да суседзяў-сяляхціцаў, дзе іх чакалі цікавыя сустрэчы. Ёсць меркаванне, што пісьменніца запісвала фальклор Ляхаўшчыны. Пра гэта сведчыць легенда, апублікаваная ў кракаўскай газеце “Час”. У ёй пісалася, як паявіліся на Ляхаўшчыне ў ваколіцах Флер’янова паны, у тым ліку і Бохвіцы.

У 1909 годзе здароўе Э. Ажэшка імкліва пагаршалася. У маі 1910 года яе не стала.

Дом Бохвіцаў ацалёў да нашых дзён. У ім размешчана праўленне мясцовага калгаса. Засталіся рэшткі некалі такога прыгожага парка. Расце і набірае сілы дуб, пас-

аджаны рукой Э. Ажэшка. Нажадь, былая сядзіба не вабіць цяпер дагледжанасцю, багаццем кветак, цудоўным садам. Яна чакае дбайнага свайго гаспадара.

Э. Ажэшка пісала на польскай мове, але заняла ў гісторыі беларускай літаратуры асаблівае месца. Пісьменніца са спагадай і павагай ставілася да працавітага беларускага народа, вывучала яго жыццё і побыт, любіла беларускія пейзажы, сабрала багаты і арыгінальны фальклорны матэрыял.

Літаратура

1. Ажэшка, Э. Зімовым вечарам. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 253 с.
2. Галава, В. Флер’ятонаўскія зарніцы // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна. – Мн., 1989. – С.110.
3. Лявонава Е. «Каралева жывога слова»: пра творчасць Элізы Ажэшка // Роднае слова, 1996, № 6. – С. 31–34.

М.П. Жигалова

*(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь)*

МАЛОРИТСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ БЕЛАРУСИ XX-XX ВВ. В СУДЬБЕ СТРАНЫ

Несмотря на то, что Малоритчина не имеет своего звёздного поэтического Олимпа, известного далеко за её пределами, но она по праву может гордиться теми известными поэтами, чьи жизненные дороги пролегали через этот полиэтнический край и стали для них источником вдохновения. Это подтверждают творческие и профессиональные страницы жизни художников слова, связанные с малоритским краем, который стал для них «малой родиной» [2].

Конец XIX века... На Малоритчине известно имя литературоведа и критика **Ивана Степановича Шпаковского** (14.08.1936), белорусского литературоведа, кандидата филологических наук, исследователя проблем теории литературы, русской и украинской поэзии, индивидуальных особенностей стиля Анатолия Вертинского, Владимира Короткевича, Аркадия Кулешова.

И.С.Шпаковский жил в Малорите и работал литсотрудником в районной газете «Сцяг перамогі» в 1960-1961 гг., а позже, в 1962-1964 гг. – школьным учителем и директором Малоритской вечерней школы. Именно на малоритской земле появилась первая публикация учёного – 29 марта 1961 года в газете «Сцяг Перамогі» была опубликована статья «Кнігу – у масы» [2].

Жил некоторое время в Малорите и **Борис Павлович Мицкевич** (20.08.1925 – 22.07.1983), который родился в д. Зеленые Луки Гомельского района. Известный литературовед, переводчик, кандидат филологических наук (1960) в 50-60-е гг. некоторое время работал в отделе кадров Малоритского райкома партии, учился в аспирантуре (1954-1957), защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Шарль де Костер и становление реализма в бельгийской литературе» (1960), опубликовал её результаты в виде монографии. В научных кругах он известен как исследователь французской, бельгийской литератур. Его

интересовали проблемы развития мировой литературы. Вопросы отражения реализма в бельгийской и французской литературах. Занимался он и проблематикой современного иностранного романа. Б.П. Мицкевич – автор предисловий к сборникам П. Верлена, М. Твена, У. Шекспира, И. В. Гете, Дж. Элиота, а также многочисленных литературоведческих статей.

С 1966 по 1979 годы Б. П. Мицкевич работал заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы БГУ. Учебники и учебные пособия по разным эпохам истории зарубежной литературы, созданные Б. П. Мицкевичем, Д. Е. Факторовичем, Н. И. Лапидусом, В. М. Тимофеевой, были изданы в 1959, 1963, 1964, 1969, 1970, 1979 годах. По ним учились поколения филологов. Умер в 1983 г. [3].

Известный военный **Франтишек Вислоух (1896-1978)** [4], писатель, исследователь Полесья, художник, жил на Малоритчине в своём имении недалеко от деревни Черняны, часто бывал в окрестностях Чернян, в таких населённых пунктах, как Горы, Звозы, Лясовец, Суботы.

Судьба писателя была сложной, почти трагической. В советское время ему пришлось пережить годы репрессий, ссылку в Вятку, сентябрьские события второй мировой войны. Последним его пристанищем стал Лондон, где пришлось добывать пропитание тяжелым физическим трудом, изредка живописью. Но писать он не бросил. Выпускник Варшавской академии искусств, он нашел призвание в литературной деятельности. В своих повестях с большой любовью писатель воспел красоты полесской природы, описал старинные полесские традиции, обычаи, обряды, характеры людей, населяющих этот край. Из-под его пера вышли произведения: «Волки», «Император пуш», «Князь болот», «Перелески», «Забобоны», «Кладбища».

В 1968г. были изданы его «Полесские повести», в 1976г. – «На тропинках Полесья», в 1979г. – «Эхо Полесья», которые стали продолжением извечной песни писателя, безмерно любящего Полесский край. В книге «На сцечках Палесся», которая была издана в Лондоне в 1976 году на польском языке («Na szczytach Polesia» (Londyn, 1976), описаны места от Бреста до Лунинца с начала XX столетия и до 1939 года. «У нас гэтае выданне з'ўляецца бібліяграфічнай рэдкасцю, таму паспрабую пераказаць некаторыя характэрныя старонкі» [1, с. 189], – отмечает библиограф областной библиотеки г. Бреста Владимир Сухопар.

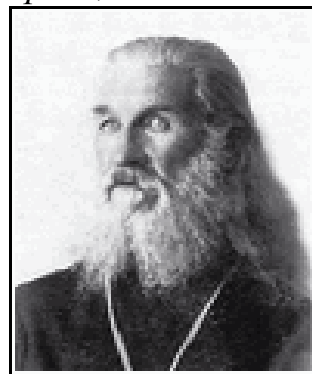
Опираясь на рассказы писателя, отметим, что в книгу вошли 24 зарисовки, в которых автор с любовью говорит о местных жителях, их традициях, обычаях, рассказывает о типичных историях жизни на Полесье. Эти зарисовки по жанру

напоминають ностальгические воспоминания земляка-эмигранта, который очутился на Западе. Они интересны сегодня и малоритчанам, так как в них угадывается и природа малоритского края (*“Природа краю, бездарожсжа, адлегласць, звычайі складаліся так, што самакіраўніцтва само вырашала справы. Ніколі тут не палілі стагоў сена, каб не крыўдзіць жывёлы. То прыгожы маральны звычай...”*) [1, с. 190], и описание селений (*“Палесская вёска адалена балотамі ад мястэчак, жыве сваім жыццём...”*), и трудолюбие его жителей (*“Паляшук сам сабе будзе хату, ставіць печ, сам тчэ сукно і палатно з уласнаго ільну ці воўны. Гаспадарчыя прылады таксама былі сваёй работы. Не было найлепшых кавалёў і шаўцоў... У Польшчы насілі тые боты найбагацейшыя людзі. Нават у Парыжы ў мяне выпытвалі, скуль маю такія добрыя боты, а былі яны з Палесся”*) [1, с. 189], и верования представителей разных этносов (*“У розных мясцовасцях сустракаліся людзі, якім прыпісвалася чароўная сіла...”*) [1, с. 191]. *“Значную частку насельніцтва мястэчак складалі яўрэі. Гэта былі рамеснікі, купцы, агароднікі, вазніцы і розныя іншыя майстры. Ніхто ніколі не скардзіўся, што яго ў яўрэйскай краме ашукалі ці пакрыўдзілі. Яўрэйскія купцы лічыліся лепшымі за іншых. Пра іх сумленнасць і вернасць дадзенаму слову хадзілі гісторыі”*) [1, с. 191], и охотничьи сцены (а сам Выслоух любил охотиться и одновременно наблюдать за природой), и одежда полешуков.

Пишет Ф.Выслоух и о цыганах, которые были тошда важной этнической диаспорой в культуре полесского края. Они выполняли тоже определённую работу: делали медные котлы, ковали лошадей, ремонтировали телеги, и колёса к ним, делали упряжь для лошадей. Одевались они ярко. Цыганки носили красные юбки, жёлтые платки, много кораллов, браслетов и перстней. *“Цыганкі варажылі, а моладзь мышкавала па акаліцы, дзе часта знікала з плоту якая вопратка. Але мясцовы жыхары яўна варожа да цыган не ставіліся, толькі пільна сачылі за сваёй маёмасцю”* [1, с. 192].

Отмечает Ф. Выслоух и группу так называемых «венгров», которые путешествуя, продавали разные предметы. Ничего общего с венграми они, конечно, не имели. Происходили из Австрии, разговаривали по-словацки. Принимали их весело и гостинно, потому что они были милые люди. *«Тавар свой вазілі на вялікіх нетутэйшых вазах у лубяных кублах. Некаторыя з венграў развозілі свой тавар у ручных вазках да блізкіх і малых вёсчак. З’яўляліся яны позняй вясной, знікалі перад восенню. Венгры добра ведалі ўсе сцезкі. Калі немцы прыйшлі ў 1915 годзе на Палессе, дык мелі такія дасканалыя карты, што нават маленькія масткі там былі пазначаны. Ці не з дапамогай венграў складзены былі нямецкія карты?»* [1, с. 189].

Были здесь, по мнению Ф. Выслоуха, и приезжие из центральной России, которых называли “артельщиками”: *“Прыбывалі яны на Палессе ў жніўні, бо балоты тады найбольш сухія, а знікалі пры першых маразах...Капалі яны равы і каналы ад свету да позняга вечара. Лапаты ў іх былі не такія, як на Палессі, а вялікія, драўляныя, акаваныя жалезам. Працавалі толькі супольна, дзе кожны выконваў адну вузку акрэсленую працу. Пры рабоце звычайна спявалі свое песні”* [1, с. 193].

В деревне Великорита жил и работал **Константин Иванович Зноско (1865-1943)** – педагог, литератор, священник.

17 октября 1901 года он был направлен сюда настоятелем церкви и проходил здесь пастырское служение на протяжении нескольких лет. В это время он преподавал Закон Божий в народном училище и был наблюдателем церковно-приходских школ Кобринского повета. Позже им были написаны историко-богословские и агиографические труды, такие, как: «Житие и страдания святого преподобного мученика Афанасия, игумена Брестского (1595-1648)» (1931г.), «Житие преподобного Иова, игумена и чудотворца Почаевского» (1550-1651) (1932г.), «Житие и страдания святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (1347)» (1933г.), «Исторический очерк церковной унии: её происхождение и характер» (Варшава, 1933, переиздана в Москве в 1993г.), «Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия» (1933г.), «Римская неправда о главе Вселенской Церкви. Разбор католического учения о папском примате в связи с книгой И.А. Забужского «Православие и католичество» (1932г.).

Несколько лет на Малоритчине жил и творил **Ярослав Сельвестрович Пархута (1930-1996)** [5] – писатель-краевед, журналист, который в 1965–1969гг. работал заведующим отделом в малоритской газете, а потом и заместителем редактора районной газеты «Сельскае жыццё».

Родился он 8 марта 1930 года в д. Милейки Ивацевичского района Брестской области в крестьянской семье.

Окончил журналистское отделение Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина (1949-1952), Высшую партийную школу при ЦК КПБ в Минске (1973). Выступал в печати с 1945 года. Первое стихотворение опубликовал в 1949 году (брестская областная газета «Заря»). Автор стихотворных сказок «Казка зялёнай дубровы» (1960), «Перапёлачка» (1979). До приезда в Малориту, он имел уже большой опыт журналистской работы.

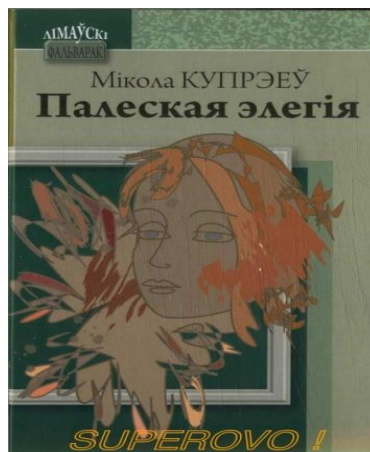
С 1952 по 1953 годы живёт в Гродненской области. С 1953 по 1956 годы служит в Советской Армии. С 1956 года – литературный сотрудник, заведующий отделом порозовской районной газеты «Ленінскі шлях». С 1959 года – заместитель редактора ружанской районной газеты «Заветы Леніна». С 1961 года – редактор городищенской районной газеты «Советская Родина». С 1962 года – заместитель редактора, заведующий отдела барановичской межрайонной газеты «Знамя коммунизма». С 1965 года – старший редактор Брестской студии телевидения. В 1965-1969 годы – заведующий отдела, заместитель редактора малоритской районной газеты «Сельскае жыццё».

Именно на малоритской земле известный брестский писатель создал произведения «Царь-дуб», «Сувораўскія студні», «Пажэжынскія ельнікі», которые вошли в книгу путешествий «Зямля бацькоў нашых», отмеченную Государственной премией Беларуси имени К. Калиновского (1992).

Позже, в 1973-1977 годы он работал заместителем редактора, редактором отдела юмористического журнала «Вожык», в 1978-1982 годы – редактором от-

дела журнала «Родная природа». Известен как мастер малой лирической прозы, краевед, эссеист. Писал о проблемах защиты природы, об экологическом состоянии Белорусского Полесья.

Становление творческой индивидуальности **Николая Сымоновича Купреева** (25.05.1937 дер. Ямное Рогачёвского района Гомельской области БССР – 19.09. 2004 д. Лесная Барановичского района Брестской области) тоже происходило в 70-е годы на малоритской земле, так как он жил и работал в Малорите, сначала в районной газете «Сельскае жыццё» заведующим отдела писем, а в 1967-1968 гг. – преподавателем белорусского языка и литературы в Радежской средней школе. Неудивительно, что Брестское Полесье он считал своей «малой родиной».

Белорусский поэт и прозаик, член Союза белорусских писателей Николай Сымонович Купреев родился в Гомельской области, но после окончания войны вместе с семьей переехал на Брестчину. Закончил Ивацевичскую среднюю школу, затем в 1957 году поступил на факультет белорусского и русского языков Брестского государственного педагогического института имени А.С.Пушкина, который окончил в 1962 году. Работал педагогом в школах Ивацевичского и Ляховичского районов, позже – в редакции Ляховичской районной газеты «Строитель коммунизма». В 1994 г. был принят в Союз писателей и выдвинут на Государственную премию им. Янки Купалы. Николай Купреев – лауреат белорусской литературной премии «Бочка мёда», лауреат премии имени Аркадия Кулешова.

Литературную деятельность М. Купреев начал, ещё будучи студентом, в 1957 году. С конца 1980-х годов, с публикации большой подборки стихов в переводе на русский язык в журнале «Неман», его стихи, поэмы, баллады стали чаще появляться в периодической печати.

Первая книга поэзии «Неизбежность» особенно дорога малоритчанам, так как вышла она в 1967 г., когда М. Купреев работал преподавателем Радежской средней школы Малоритского района. Она в основном состоит из баллад и элегий, которые проникнуты тихими, печальными интонациями.

Второй сборник стихов автор издал почти через 30 лет («Провинциальные фантазии», 1995).

Стихи М. Купреева отличаются сказочностью, использованием фольклорных мотивов и стилей, а творчество автора отмечено жанрово-стилевым многообразием: особой любовью к верлибру, балладам, элегиям, притчам. Умер поэт

в 2004 г. в деревне Лесная Барановичского района Брестской области. Похоронен в Михнавичах – пригороде Ивацевичей. На могильной плите выбиты слова из его сборника «Непазьбежнасьць»: *«О, я много хотел вам сказать...»*.

Да, вся жизнь и творчество автора было связано с Полесьем, которое явилось для него источником сил душевных. Но всё же у истоков литературной жизни в Малоритском районе стоял малоритчанин **Степан Криваль**, который работал литсотрудником в районной газете «Сцяг Перамогі», а в 1993 году был принят в Союз писателей Беларуси. Правда, при жизни вышел всего лишь один его сборник рассказов «Однажды летом» (1990) и был подготовлен к изданию второй «Шмелиная весна» (1996).

Жизнь **Алексея Филатова**, члена Союза писателей Беларуси с 2002 года тоже связана с Малоритчиной. Он – автор книг: «Ляховецкая торба» (1992), «Живая земля» (2001), «Стрела жизни» (2007), «Живому жить» (Исповедь кочегара, 2013).

Периодически с обзором работы литературного объединения “Над рэчанькай Рытай”, организованном при Малоритской районной газете, анализом основных её направлений выступает его руководитель – **Семён Иванович Ковенько (1938–2015)** [6, с. 4], который всё время активно сотрудничал с газетами «Заря над Бугом» и «Голас часу». Со своими стихами часто выступал в ученических коллективах района, вёл большую работу по пропаганде традиций родного края, искренне был заинтересован в росте и пропаганде творчества молодых авторов. На стихи С. Ковенько написано шесть песен. Музыку к одной из них «Табе, Маларытчына» написал известный белорусский композитор Л. Захлевный.

Стихотворение С. Кавенько «Табе, Маларытчына» включено в книгу «Памяць. Маларыцкі раён». В стихотворении “*Слова да Маларытчыны*” образ Малориты персонифицирован. “Малая родина” для него и подруга, с которой можно поделиться радостью, и мать, которая защитит в горе в несчастье:

Мне шчасця большага не трэба
На ўсё жыццё, на ўсе гады –
Мне б толькі бачыць тваё неба,
Мой край цудоўны, малады.

.....
Мне б толькі піць з тае крыніцы,
Што Рытай славiла цябе,
Мне б толькі сэрцам прытуліцца
Калі мо зойдзеца ў журбе.

Стихи С. Кавенько вошли в сборник произведений белорусскоязычных поэтов Берестейщины «Дзядзінец», включены в сборник областного конкурса-

обзора поэтов и композиторов Брестской области, публиковались в областной газете «Заря» и других изданиях. Часто выступал С.И.Ковенько с интересными и обстоятельными статьями в районной газете [7, с. 392–395]. Умер 3 декабря 2015 года.

Местные поэты, в том числе и поэты-ветераны, публикуют свои стихи в местной газете. В стихотворении *“Мой Збураж”* Павел Назарук (1926–1997) не только раскрывает значение, но и рассказывает историю деревни Збураж (*“збураж” от “собранный”*) её названия:

У Збураж ссылалі з ваколіц,
Сялян непакорных паны,
Каб тыя не ведалі волі.
Каб верна служылі яны.

Але непакорных сагнуцца
Заставіць паны не змаглі:
Сяляне да волі імкнуцца
І тут кожны дзень пачалі.

Лясы ад сякеры радзелі.
Бутлелі харомы паноў,
І добра паны разумелі,
Што мала сякуць мужыкоў.

Так беглі гады за гадамі:
То немцы, то ляхі гналі.
І клікалі нас мужыкамі
А мы ж – беларусы былі!

Падаткамі “мудра” душылі,
Ў хаўрус сябе ўзялі папоў,
Каб працай сяляне служылі,
І каб “цалавалі” паноў!

Жылося так горка стагоддзі
Дзядам і тваім, і маім,
Паночкам казалі ж мы: “Годзе!
Канец вашым справам ліхім!”

Улада Саветаў мой Збураж
Да волі з нядолі ўзняла:
Пасля цёмных ночаў і бураў
Нам сонца наўсёгда дала!
Мы самі цяпер тут пануем –
Вырошчваем хлеб і сады.
Жыццё сваё ў шчасці святкуем
Не ведаем болей бяды.

Паны нас у Збураж збіралі
Каб гонар у зямлю ўтаптаць,
Навек жа мы вольнымі сталі
Аж хочацца песні спяваць!

Быў верасень ярка пунцовы,
Абдымкі ўсходніх братоў:
Не будзе ніхто Збураж новы
Ўжо клікаць нас вёскай рабоў [2, с. 51–52].

И уже молодые поэты подхватывают идею ветеранов о том, что в Малорите, как и её окрестных деревнях, мирно уживаются уже многие годы люди разных национальностей. Что здесь, как и во всей Беларуси, доброжелательно встретят любого.

Таким образом, можно сделать вывод, что и поэты Малоритчины внесли свой вклад в воспевание жизни и судеб многонациональных представителей своей “малой родины”.

Современные исследователи справедливо отмечают, что «Шасцідзесятая гады, калі з Маларытчынай была звязана творчасць Я. Пархуты, М. Купрэева, А. Філатава, С. Крывалы, С.І. Ковенько можна назваць залатым часам для літаратуры гэтага рэгіёну» [7, с. 384]. И это, действительно, так, потому что писатели воспели этот край и показали его значимость для родной Беларуси и зарубежья.

Літаратура

1. Берасцейскія карані ‘98: гістрычна-краязнаўчы і літаратурны зборнік / ред. Г.С. Тамашэвіч і інш. – Брэст, 1998. – 318с.
2. Жигалова, М.П. Полиэтническая литература Малоритчины: интерпретация и анализ произведений: монография. – Брест: Издательство БрГТУ, 2017. – 240с. – С.15-23
3. Интернет источник: <http://www.belta.by/news-headers/view/dajdzhesty.-anonsy.-daty-159472-2015/>
4. Использованы материалы сайта: www.radzima.org

5. Использованы некоторые материалы сайта: <http://www.mariaonline.com/books/article.php>

6. Ковенько С. Слова да Маларытчыны/Сельскае жыццё, № 45 (5320) от 14.04.1988. – С. 4. Архіў рэдакцыі газеты “Голас часу.”

7. Літаратурная карта Берасцейшчыны/укл. А.Крэдзіч. – Брэст: ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2008. – С. 384.

Т. Н. Игнатюк

*(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ЮЛИАНА НЕМЦЕВИЧА ПО ЗЕМЛЯМ БЕРЕСТИЙСКИМ

Юлиан Урсын-Немцевич является польским писателем, драматургом, общественным и политическим деятелем, историком, который прожил насыщенную событиями жизнь. Это наш земляк, живший на границе двух эпох – конец 18-го и начало 19-го вв. Юлиан был не только свидетелем, но и активным участником судьбоносных событий для белорусского народа: трех разделов Речи Посполитой, принятия демократической

Конституции от 3 мая 1791 года, восстания под руководством Тадеуша Костюшко, похода Наполеона на Россию и восстания 1830–1831 гг.

Один из авторов вышеназванной Конституции, адъютант Тадеуша Костюшко и известный классик польской литературы Юлиан Урсын-Немцевич родился в имении Скоки, недалеко от Бреста, в 1757 году (теперь это ж.д. станция ветки Брест–Черемша). Семья была довольно богатой и зажиточной, Юлиан был первым ребенком, после родилось еще пятнадцать братьев и сестер.

Детство молодого дворянина прошло в деревне Скоки. С его именем Связаны деревни Непли, Клейники, Адамково и, конечно же, город Брест. Воспитанием всех мальчиков в семье Немцевичей занимался сам отец. Дети воспитывались в строгости, особое внимание уделялось прививанию уважения к старшим членам семьи, любви к священникам. Сам писатель, вспоминая свое детство, говорил о том, что эти особенности воспитания носили даже нездоровый аспект, например, уже во взрослом возрасте ему не позволялось сидеть в присутствии своего отца.

Как уже отмечалось, первое образование Юлиан получил дома, сначала этим занимался отец семейства, а затем был приглашен учащийся Брестского иезуитского колледжа. Преподаватель не только учил мальчика грамоте, но и прививал ему интерес к творчеству. Юный дворянин много времени уделял сочинению поздравительных стихов, которые потом зачитывал на днях рождениях членов своей большой семьи.

Дальнейшая учеба Юлиана Немцевича продолжалась в Брестском иезуитском колледже. Это было строгое учебное заведение, в котором каждый учащийся должен неукоснительно соблюдать режим и подчиняться правилам. Учеников били за различные провинности, за несоблюдение дисциплины, за невыученные уроки.

Когда Юлиану Немцевичу исполнилось двенадцать лет, он поступил в Варшавский кадетский корпус. С этого времени он не жил в имении Скоки, но со своей родиной никогда не разрывал связь. Она навсегда осталась в его сердце и звала его назад.

В 1794 году Немцевич с Тадеушем Костюшко были ранены в восстании под Мациевичами и заточены Екатериной II в Петропавловскую Крепость. Через два года в 1796 году они были освобождены Павлом I под расписку, что впредь не будут участвовать ни в каких политических мероприятиях против русского самодержавия. Из заточения наш земляк скорее спешил на родину, чтобы обрести там духовные и физические силы, а также побыть с родителями и земляками, но Костюшко переубедил Немцевича, что им надо ехать не на родину, а в Соединенные штаты Америки. В США Юлиан женится на Сюзанне из Ливингстонов-Кин, вдове друга Тадеуша, и начинает жизнь обычного человека и гражданина. А еще в Соединенных штатах Америки писатель поддерживал близкие контакты с первым президентом Джорджем Вашингтоном.

В один из приездов на родину Юлиан Урсын-Немцевич привез с собой обратно картину с изображением своего родного дома в имении Скоки и это было не случайно, потому что те идеалы, которым он посвятил всю свою жизнь, были заложены в его детстве и юности, которые он провел в своем отчем доме.

В дневнике Юлиана Немцевича есть воспоминание о крепостном крестьянине, который убежал от издевательств своего хозяина с соседнего поместья и нашел себе пристанище в Скоках. Хозяева нашли беглеца, заковали в кандалы и увезли на расправу. Не случайно, занимая место депутата Четырехлетнего сейма, Немцевич много раз выступал в защиту простых крестьян, не имеющих никаких прав. На упреки своих коллег он с гордостью отвечал: «В этом месте защиту крестьян я считаю величайшей честью, потому что здесь нет их представителей, которые могли бы заступиться за них».

Работая адъютантом князя Адама Чарторыйского, депутатом сейма, писатель часто приезжал в Скоки. Нередко отсюда начинались его многочисленные путешествия, впечатления от которых можно найти в «Дневниках моего времени», «Исторических путешествиях по польских землях», которые происходили в 1811-1828 годах в «Литовских письмах».

Сразу после окончания кадетского корпуса Юлиан с родителями побывал на родине последнего короля Речи Посполитой в деревне Волчин, познакомился с королевскими покоями. В следующем году он вместе с князем Чарторыйским отправился в Ружаны и Пинск. В Ружанах они посетили театр Сапегов. Вот как об этом вспоминает писатель в своем дневнике: «Пригласил нас князь Сапега в театр. Зал был новый и чистый, декорации все свежие. Актеры были подготовлены с числа крестьян князя, они играли по-французски оперетту Руссо «Деревенский колдун», как мне тогда показалось, очень хорошо» [2, с. 174]. Во дворце Льва Сапегы гости осмотрели библиотеку, в которой несколько сотен руко-

писных старинных книг (фолиантов) XV-XVIII веков, следующий раз посетители интересовались фабрикой, которая выпускает сукно. В Пинске путешественников сначала восхитила природа края, реки, заставленные лодками и лодочками, потому что сам князь Чарторыйский интересовался перспективами развития торговли через реки Полесья.

В 1802 году Немцевич смог приехать из Соединенных штатов Америки на родину по вопросам, связанных с наследством. Указом Александра I от 20 ноября 1801 г.: «Бывшим Литовскому подскарбию Михайле Огинскому, польскому генералу Михайле Забиело, також польским помещикам Тадею Визогиерду, Станиславу Мирскому, Карлу Прозору, Антонию Тизенгаузу, Иосифу Коциолу и Юлиану Ниемцевичу, коим въезд в пределы российские воспрещен был. Разрешая оный повелеваю дозволить им возвратиться в свои деревни и иметь свободное пребывание где похотят наравне с прочими здешними подданными. Пребываю, впрочем, вам благосклонный «Александр»» [1].

Вся большая семья рода Немцевичей собралась в Адамково (теперь это один из районов города Бреста) у двоюродного брата. Эта встреча была для писателя грустной и радостной одновременно. Не было в живых родителей, многих братьев и сестер. Писатель унаследовал после смерти отца имение, поселился в родительских Скоках. Эти два года, которые писатель смог пробыть на родине, он посвятил любимым делам – путешествиям и охоте. Путешествовал по стране как инспектор школ, интересовался историческими памятниками Беларуси и писал о них, также не остается в стороне от буржуазно-демократических реформ, пишет сатиры на феодальные порядки, призывает к освобождению крестьян от крепостного гнета. Тут началась писательская и научная деятельность, которой до конца посвятил себя после переезда в свое имение Урсыново под Варшавой в 1822 году. В эти годы он написал сборник «Литовские письма» (1812), роман «Два пана Сетехи» (1815), цикл «Исторические песни» (1816), книга «История правления Ситизмунда III», ряд драматических и поэтических произведений, повестей.

На этот раз Юлиан Урсын-Немцевич отправился в окрестности Бреста, посетил наследственные поместья в Неплях и Клейниках. Писатель так объяснял цель своего путешествия по Литве: «Пускай другие отправляются в ароматную и украшенную великолепными произведениями искусства Италию, пусть посещают роскошный Париж и богатый Лондон, я ж иду углубляться в литовские (заметим, что не польские, это значит, белорусские) боры, которые быть не такие уже и приятные, интересные, но затрагивают мое сердце, потому что являются частью моей славной и длительное время несчастной родины. Стыдно было в зрелом возрасте дальше откладывать мое путешествие по провинции, в которой мои предки и я сам на свет появился, а что еще более важно, которая не уступает польскому краю в военном командующих, гражданских деятелях и ученых» [3, с. 75–76].

Таким образом, цель путешествий и описание своих впечатлений от них – патриотическая. С приведенной цитаты писателя отчетливо ощуща-

ется литвинский патриотизм Юлиана Немцевича. Литвинское, белорусское, для него роднее, ближе к сердцу, чем польское. Известные люди Великого княжества Литовского, его природа вызывают у писателя особенную гордость. Этим объясняется тот факт, что Немцевич буквально объездил Берестейскую землю и частично побывал в Гродненщине. В нашем крае на Берестейщине он побывал в Бресте, Чернавчицах, Пинске и других населенных пунктах.

Все путешествия раньше осуществлялись на лошадях. Когда многие восхищались белорусскими дорогами, подготовленными к приезду царицы Екатерины II, писателю они не пришлись по душе, потому что лишний раз напоминали о порабощении отечества и лишении его государственности. Поэтому широкие дороги на Пружанщине, обсаженные деревьями, он сравнивает с военными парадом. Писатель отчетливо понимал, какой ценой была построена такая дорога, что простому крестьянину здесь было нелегко. Проезжая из Ружан в Березу, Немцевич писал: «Хоть было воскресенье, крестьяне под принуждением работали возле дороги, что самое удивительное, в июле сажали с двух сторон сосны» [3, с. 87]. В Березе в Картезианском монастыре он увидел портрет своего деда.

Один с маршрутов Юлиана Немцевича начинался из Бреста. В фактически родном городе после войны с Наполеоном он увидел разрушенный замок, по бокам которого возвышались четыре башни. Писателю вспомнилось, что в одной из таких башен сидело приговоренное к наказанию дворянство. А знал и помнил он и другие времена Бреста, когда приезжал с родителями и когда учился сам: припоминалась берестейская типография и многочисленные книги, напечатанные в ней. Больно было принять, что порабощение края, войны и нахождение войска на этой земле, привели город к упадку. Даже выгодное географическое положение Бреста (водные пути через каналы вели в Балтийское и Черное моря) не приносили городу особенной выгоды.

Из Бреста Немцевич направился в Чернавчицы. Это место раньше принадлежало Мартину Николаю Радзивиллу, который интересовался естественными науками и проводил свои исследования по химии и физике. Во времена посещения этого места Немцевичем, там еще был одноэтажный замок с огромными сенями.

Из Чернавчиц наш земляк поехал в Кобрин. В то время город уже принадлежал подавителю восстания 1794 года А.В.Суворову. Как известно, Юлиан Урсын-Немцевич принимал активное участие в этом восстании в качестве адъютанта Тадеуша Костюшко. Писатель вспоминает то время, когда Кобрин принадлежал королю Речи Посполитой.

Дальнейшая дорога Юлиана Немцевича лежала в город Пинск. Сначала он остановился в Дрогичине. Город не произвел на путешественника впечатления, но его заинтересовали окрестности города. Он осмотрел руины замка Жабер. Он вспомнил, как его комендант немец сдал когда-то эту крепость без боя шведам. Карл XII, опасаясь предательства со стороны своих солдат и чтобы преподать им урок, приказал расстрелять этого коменданта.

После этой деревни писатель отправился в Бездеж. Это место заставило его вернуться в прошлое, вспомнить повстанцев под руководством Михаила Казимир-

мира Огинского с русскими войсками. Это были горькие и болезненные воспоминания.

Остановился Юлиан Урсын-Немцевич в Янове и дальше направился в Пинск. Совсем недавно город сгорел, а его окрестности были подарены Екатериной II генералу Репину, литовскому генерал-губернатору. Больно было признавать писателю, что земли родины раздаются чужакам, которые ее захватили. Писатель считал, что Пинск, является редким городом Берестейщины с удобными условиями для торговли водным путем. Про это говорил и русский поэт Федор Глинка. Немцевич вспоминает про замок князей Вишневецких, который был уже разрушен, и он смог только побывать на его руинах. На то время сохранились только две башни. В поместье Заполье, которое находится недалеко под Пинском, писатель осмотрел руины второго поместья Вишневецких, который окружали высокие липы и чудесный дубовый бор.

Дом Немцевичей в Скоках Брестского района относительно неплохо сохранился.

Его окружает парк, дикий и заброшенный, но не уничтоженный окончательно. В узкой алее, шириной шесть метров, которая ведет к каплице, растет шесть лип и конский каштан. И дом, и парк могут быть восстановлены. Эта усадьба принадлежала Немцевичам до 1939 года. Сейчас в этом доме находится музей, а потомки этого рода живут в Польше, Канаде и во Франции. Они поддержи-

вают связи с музеем, и в 2002 году они приезжали в Брест на научную конференцию, посвященную Юлиану Урсын-Немцевичу.

Благодаря этому поместью и музею, у каждого из нас есть возможность познакомиться с родом Немцевичей и его наиболее ярким представителем, классиком польской и белорусской литературы эпохи Просвещения, общественным деятелем, драматургом и публицистом – Юлианом Урсыном-Немцевичем, жизнь и судьба которого тоже является частью истории Беларуси.

Литература

1. Балашев В.С. Из царских резолюций императоров Павла и Александра / В.С. Балашев // Русская старина, № 8, вып. 7–12 : СПб. : 1873. – 1097 с.
2. Барышев Г.И. Театральная культура Белоруссии XVIIIв. / Г.И. Барышев. – Мн., 1992. – 290 с.
3. Валянцін Грыцкевіч, Адам Мальдзіс. Шляхі вялі прыз Беларусь / Валянцін Грыцкевіч, Адам Мальдзіс. – Мн., 1980. – 272 с.

Т.Л. Тоболевич, О.В. Щерба
(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь)

НЕ РАЗУЧИТЬСЯ БЫТЬ РЕБЕНКОМ...

В XXI веке существенным образом меняется роль книги, которая, к сожалению, активно заменяется виртуальным пространством. Как вернуть детей к чтению книг? Сказки Натальи Кухлич, начинающей писательницы из Бреста, с этой задачей справляются.

Наталья Ивановна Кухлич родилась в г. Каменце Брестской области в 1980 году в семье Ивана Адамовича, инженера-электрика, и Тамары Артёмовны, телеграфистки. Закончила среднюю школу г. Каменца в 1997 году и в этом же году поступила в Минский государственный лингвистический университет на факультет немецкого языка. После окончания университета, в 2020 году, – магистратуру по специальности «Психология». Почти год работала психологом в г. Высокое Брестской области в сельскохозяйственном колледже. До 2009 года работала преподавателем немецкого языка в Брестском государственном техническом университете. А затем перешла в международный отдел университета, где и работает в должности переводчика.

Н.И. Кухлич, лауреат премии В.Колесника

В 2019 году Наталья Ивановна издала свою первую книгу сказок «Раскрашенный мир», которая была номинирована на премию Владимира Колесника. В декабре 2021 года писательница стала лауреатом премии в номинации «Детская литература». В связи с этим событием состоялся разговор о жизни и творчестве молодого писателя.

– Наталья Ивановна, обычно история написания первого произведения запоминается на всю жизнь. Как и почему вы начали сочинять сказки? Когда это произошло?

– Придумывать сказки я начала в детском саду. Я не спала на тихом часу, а шевелиться нам не разрешали, поэтому для меня единственным доступным занятием были фантазии и сочинение сказочных историй.

В школьные годы я перед сном рассказывала придуманные сказки своей младшей сестре. Самое обидное, что она незаметно для меня засыпала, и на следующий день просила продолжение, а я уже смутно помнила, о чём я рассказывала вчера. Приходилось придумывать новую сказку.

– Когда Вы начали записывать ваши сказочные истории? Кто был вашим первым читателем или критиком?

– Когда я была школьницей, мой дядя, преподававший русский язык и литературу, читал мои сочинения и постоянно спрашивал, не собираюсь ли я поступать на журфак, не веду ли я дневник. Он настоятельно рекомендовал мне это делать. Я думаю, что он как филолог заметил и оценил мои сочинения. Я помню только, что для меня всегда было важно писать емко и кратко. Мне казалось, что придумать сказочную аналогию впечатлениям из жизни – это что-то обыденное. И мне никогда не приходило в голову историю записывать. Только, заканчивая чтение очередной книги Николая Носова, Эдуарда Успенского или Астрид Линдгрен, мне так жаль было расставаться с героями этих книг, что хотелось стать детским писателем и придумать продолжение приключений Незнайки, Чебурашки или Карлсона. Но это были всего лишь детские мечты, а не серьезные намерения, поэтому после школы я поступила в Минский государственный лингвистический университет на факультет немецкого языка.

– Что побудило вас показать ваши сказки не только членам семьи, но и друзьям, коллегам, знакомым?

– Что стало поводом? Случай. Однажды (по-моему, это было в 2007 году) в интернете кто-то очень восторженно отозвался о романе «Как закалялась сталь» и порекомендовал мне обязательно его прочесть. Я с трудом заставила себя осилить это произведение, но была крайне разочарована как смыслом, так и слогом. Надо заметить, что обучалась я в университете по специальности «Немецкий язык и литература», в рамках которой мы анализировали и сюжет, и выразительные средства, используемые авторами для достижения задуманного эффекта. Так что изложенная мной критика, с моей точки зрения, была вполне аргументирована. Но мой собеседник возразил, что одно высказывание о том, что «жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно горько за бесцельно прожитые годы» многого стоит. Я парировала, что мысль прекрасная, но одной хорошей мысли на целый роман недостаточно. Мне ответили, что «человек, не написавший в жизни ни строчки, не имеет права критиковать великого писателя Островского и его великое произведение». Вот и пришлось что-то написать. А потом я поняла, что мне есть, что еще сказать. Почти всегда получались сказочные истории (за исключением случаев, когда я писала зарисовки о своем маленьком племяннике). Наверно, я так вижу мир, я его так для себя интерпретирую, чтобы было проще его осмыслить.

Первыми читателями моих миниатюр были родители и коллеги по работе. Одна из них подсказала, что можно опубликовать сказки на российском сайте для авторов proza.ru.

– А как и когда возникла идея издать ваши сказки отдельной книгой?

– Как человек, интересующийся литературой, я общалась с единомышленниками на сайтах proza.ru и fabulae.ru. Это общение подтолкнуло меня к написанию первой сказки «Про иголочку». Вскоре появились и миниатюры для маленького племянника Тёмы. Прочитала родителям, коллегам по международному отделу – все одобрили и очень заинтересовались. Некоторые сказки разместила на литературных сайтах и получила доброжелательные отзывы. К написанию и изданию книги подтолкнули дети сотрудников университета, которые и были первыми читателями разрозненных сказок, распечатанных на простой бумаге. Однажды десятилетний сын коллеги спросил у мамы, когда же он сможет прочитать целую книгу тёти Наташи. Ему я и подписала свою первую книгу: «Арсению, моему первому и самому преданному юному читателю. Я очень рада, что ты умеешь думать и сопереживать. Это очень ценные качества. Мне очень приятно, что эта книга попадет в такие надежные руки».

– Сложно ли было издать первую книгу?

–Конечно, с изданием книги возникали сложности.

В то время я уже была знакома с Татьяной Юрьевной Шульгой, поэтессой, редактором нашей университетской газеты и руководителем литературного кружка БрГТУ. Она большой энтузиаст своего дела. Благодаря ей

раскрылся талант очень многих наших студентов, издавались ежегодные сборники стихов «Физики и лирики». Прочитав мои сказки, Татьяна Юрьевна сразу стала убеждать меня издать книгу. На то время у меня было не так много произведений, потому что пишу лишь в тех редких случаях, когда меня что-то очень впечатляет. Некоторые истории были записаны через 5–10 лет после того, как был придуман сюжет.

Татьяна Юрьевна очень деятельный человек, поэтому она быстро нашла рецензентов, написавших положительные отзывы к моим сказкам, и даже нашла студентку, обучавшуюся на специальности «архитектура», которая согласилась проиллюстрировать и сверстать книгу. Но оказалось, что верстала она ее в неподходящей программе, поэтому публикация книги не состоялась.

Моя книга «Раскрашенный мир» вышла лишь в конце 2019 года с красочными иллюстрациями юной брестской художницы Полины Годуйко[1]. Мы с ней, к сожалению, до

сих пор лично знакомы, т.к. она учится в Минске в Белорусской государственной академии искусств. И я очень благодарна ей за согласие проиллюстрировать книгу.

За два прошедших года на руках у меня осталось несколько экземпляров сборника из 300. За это время с рассказом о создании книги я посетила множество школ и библиотек Бреста. Презентации «Раскрашенного мира» прошли также в родном Каменце, Минске и Пинске.

В 2021 году по настоянию Татьяны Юрьевны Шульги я подала документы на вступление в Союз писателей Беларуси, благодаря чему моя книга была номинирована на премию Владимира Колесника.

– **После прочтения ваших сказок, становится очевидным, что вам очень понятен и близок мир современного ребенка. Откуда вы черпаете эти знания?**

– Благодаря близкому общению с племянниками, детьми подруг у меня есть возможность приобщиться к миру ребенка. Для мальчиков – это беготня по лужам и измерение их глубины, штаб своих (квартира родителей), ощущение себя разведчиком, пробирающимся по вражеской территории (рассказ «Резиновые сапожки»); для девочек – сережки, как лучший подарок, игра в дочки-матери, раскраска с принцессами в нарядных платьях, рукоделие. В сказках я обращаюсь к образам мамы и папы, самым дорогим людям для детей.

– **Чему бы вы хотели научиться у детей и чему учите их?**

– Я хочу, чтобы каждая сказка взывала не только к разуму, но в первую очередь к сердцу читателя, учила сопереживать, не осуждать и не критиковать других. В моих сказках нет агрессии и негатива. Герои сказок обычные предметы из реальной жизни: зонтик, иголочка, сапожки, облако, роза, бельевая корзина и т.д. Тем самым я хочу научить юных читателей видеть волшебство и красоту в окружающем мире и самим создавать сказку в своей жизни.

В своих сказках я поднимаю актуальные проблемы, волнующие современного человека: тему экологии («Река жизни», «Снег», «Елочка к новому году»), взаимоотношения между людьми («Средство от болезни короля», «Сказка о зеленом жирафике», «Сказка о мечтательнице»), выбор профессии и жизненного пути («Цветок счастья»), поиски смысла жизни («Облачко», «Жизнь»).

А чему бы я хотела научиться у детей? Скорее, я бы хотела не научиться быть непосредственной, не мыслить по шаблону, быть независимой в своих суждениях и чувствах.

– **Философские обобщения, которыми вы делитесь с юными читателями, мудры и поучительны:** Даже если ты усердно трудишься, никогда не осуждай других! Помни, что ни к чему хорошему это не приведет. Помни, что у каждого в этом мире свое предназначение; Так что помни, дорогой юный читатель, что наши необдуманные желания могут быть опасны. А если ты уж решил стать другим, начни с внутренних изменений и не прибегай при этом к помощи «добрых волшебников»; ... обида и отчаяние очень плохие советчики. Запомни это и ты, мой юный друг, и ничего не делай сгоряча. Это поможет избежать неприятностей и огорчений тебе и твоим близким. На наш взгляд, они перекликаются с основными христианскими постулатами. А как вы относитесь к религии?

– Я глубоко верующий человек. Уже несколько лет я преподаю курс «Верование» для детей 5–7 классов в воскресной школе города Каменца. Недавно я получила благословение батюшки Свято-Симеоновской церкви города Каменца на второе издание «Раскрашенного мира» для воскресных школ брестского региона.

– **Кроме литературы, на какие увлечения еще есть время?**

– Люблю заниматься рукоделием. Вяжу крючком салфетки и новогодние украшения. Дарю друзьям, а если удастся продать свои изделия, вырученные деньги отдаю в храм. Вязание помогает успокоиться, сосредоточиться, отвлечься.

– **И традиционный последний вопрос о планах на будущее. Над чем сейчас работаете?**

– Как я уже говорила, планирую второе издание «Раскрашенного мира». Начала обдумывать новый сборник и уже написала несколько сказок. Можно сказать, что сейчас у меня творческий отпуск. Слишком много событий происходит в мире и в нашем обществе. Мне нужно время для осмысления происходящего.

Для каждого творчество является частью собственного пути и попыткой сказать людям о разных переживаниях. Для сказочников, писателей, работающих в жанре детской сказки, это возможность поговорить с собственным ребенком или поделиться своим грустным или радостным прошлым, а иногда – поговорить с обществом о современных проблемах. Именно желание поделиться своими мыслями, умение видеть красоту в самых обычных предметах, желание сохранить извечные ценности мы видим в сказках молодого автора, нашей землячки, Натальи Кухлич и желаем ей творческих успехов.

Литература

1. Кухлич Н.И. Раскрашенный мир: сказки и рассказы для детей и их родителей / Наталья Кухлич. – Брест : Полиграфика, 2019. – 86 с.

СЕКЦИЯ 4

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Л.В. Габуева, Л.В. Газаева

*(Северо-Осетинский государственный педагогический университет,
г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания,
Российская Федерация)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЯЗЫЧНОГО ОСЕТИН- СКОГО ПОЭТА Г. Г. ГУДИЕВА)

Актуальность представленной научно-исследовательской работы связана с обстоятельствами, наблюдаемыми в национальной культуре Республики Северная Осетия – Алания, а также тем, что в педагогическом вузе, в котором я обучаюсь, разрабатывается и внедряется в образовательное пространство республики полилингвальная модель поликультурного образования (далее – ПМПО), которая совмещает сохранение фундаментальных образовательно-воспитательных функций родных языков народов России и усиление роли русского языка – активного посредника диалога культур.

Именно поэтому представляется целесообразным взять за основу языковую модель (родной–русский–иностранный), позволяющую рассматривать язык и как средство общения, и как национальное достояние.

Несмотря на то, что республика является традиционно культурным центром Северного Кавказа, сегодня мы вынуждены констатировать: молодые люди осетинской национальности, хорошо владея русским языком, плохо знают свой родной язык и культуру; налицо их лингвокультурное обеднение.

Под текстом мы понимаем разновидность общего понятия «текст» и результат речевой деятельности в устной и письменной форме, реализованный в произведении словесности.

Не вызывает сомнений плодотворность реализации культуроведческого подхода на базе филологии как обучающей области гуманитарного знания. Современный период развития методики преподавания русского языка характеризует интерес к культураносной функции языка при обучении языку как средству приобщения к национальной культуре.

Нельзя не согласиться с М. М. Бахтиным в том, что «... текст – это первичная данность всех гуманитарных дисциплин и всего гуманитарно-филологического мышления» [1], что текст – не только единица языка и речи, но и единица культуры [2]. Анализ текста на занятиях по русскому языку позволяет: реализовать функциональный подход при изучении лексики, морфологии и синтаксиса; развивать исследовательские способности обучаемых, подво-

дить их к открытию «динамики преобразования» значений слов в контексте; формировать положительное эмоциональное отношение к художественному слову, вводить студентов в этнокультурный контекст, отражающий мировоззрение и систему нравственных ценностей народа. Именно художественный текст аккумулирует современный опыт переживания и понимания национального. Он обладает цельностью, образностью и функциональностью, выражает мировоззрение автора, воплощенное в образах языковыми средствами.

Анализ художественного текста имеет особое значение в условиях полилингвальности, поскольку он обладает мощным лингводидактическим потенциалом.

Являясь базовым компонентом современного образования, культура является средством сохранения и развития этнокультурного разнообразия.

Специфика ПМПО нашла отражение в теоретических и практических исследованиях научно-педагогических работ студентов и аспирантов государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Осетинский государственный педагогический институт» (далее – Институт). Темы курсовых, дипломных и диссертационных исследований соотносятся с деятельностью научной школы по данному направлению.

Рекрутирование новых членов школы происходит из студенческого коллектива, чем и объясняется большое количество работ по данной тематике (соавторами научных и учебно-методических материалов являются студенты и аспиранты вуза). Решается и проблема подготовки будущих педагогов к работе в поликультурной среде.

При обучении в педагогическом вузе лингвокультурологический анализ и его элементы используются при реализации филологических дисциплин на разных этапах обучения (бакалавриат, магистратура, аспирантура), в том числе и по выбору: «Лингвистический анализ текста», «Филологический анализ текста», «Комплексный анализ текста» и др.

Линия непрерывности (колледж – бакалавриат – магистратура – аспирантура – научные школы) в Институте позволяет уже на раннем этапе включить обучающегося в научную работу.

Научно-исследовательская работа в СОГПИ в основном выстраивается таким образом, чтобы актуальные темы исследований являлись продолжением курсовой, дипломной работы, диссертационного исследования, чтобы, по возможности, сохранялась преемственность тематики в соответствии с потребностями школьной и вузовской практики преподавания.

Формирование готовности будущих педагогов к работе в условиях поликультурной образовательной среды обеспечивается реализацией программ спецкурсов на всех этапах обучения, изучение которых ориентирует студентов-будущих учителей на развитие у школьников компетенций, обеспечивающих социально-культурную идентификацию личности, которая определяет ее статус при участии в межкультурном диалоге и обеспечивает ее первичным опытом изучения культуры; формирование представлений о культурно-этническом многообразии мира; воспитание терпимости и уважения права каждого народа сохранять свою культурную самобытность. В перечень спецкурсов вошли: «Психолого-педагогические основы полилингвального и поликультурного образования», «Культурология», «Этногенез осетинского народа», «Этнопедагогика», «Этнопси-

хология», «Практикум по гармонизации межнациональных отношений в начальной школе», «Полилингвальная модель поликультурного образования» и др.

Основными методами изучения художественных текстов в вузе являются наблюдения и анализ. При этом ставятся следующие задачи: научить студентов понимать, как языковые единицы могут выражать ценностные установки, уметь сравнивать ценностные картины мира, интерпретировать сведения о культуре.

Изучение культурного смысла проходит при обсуждении следующих вопросов: *Какие факты, названные в художественном тексте, имеют отношение к национальной действительности? Каковы способы репрезентации этнодействительности в тексте? Проиллюстрируйте материалом. Классифицируйте его. Есть ли в художественном тексте (в стихотворении) культурологический аспект?*

Как уже отмечалось, среди народов Северного Кавказа именно осетины в значительной степени хуже владеют родным языком, а в осетинской литературе мало молодых писателей, пишущих на осетинском языке.

Нельзя не согласиться с В.И. Абаевым в том, что двуязычие – это не нечто навязываемое нам извне, а наша внутренняя осознанная необходимость, наше естественное состояние [3].

Между тем Осетия богата поэтами и писателями, которые пишут на русском языке.

Существует различные точки зрения лингвистов и литературоведов на проблему. Одни считают, что «существование осетинской русскоязычной литературы требует защиты» [3], другие полагают, что если дать русскоязычному произведению статус национального, он рассматривается «как угроза перерождения национальной литературы» [4]. Мы разделяем точку зрения И.С. Хугаева о том, что «русскоязычная осетинская литература является органической частью осетинской национальной культуры и литературы, объективным явлением мировой литературной истории, обладающим своим индивидуальным и неповторимым генетическим кодом...» [3].

В рамках деятельности научной школы «Полилингвальная модель поликультурного образования» в Институте, членом которой я являюсь, мы ставим задачи:

1) восстановить в правах имена русскоязычных поэтов и писателей советской эпохи, малоизвестных талантливых, творчество которых почти не изучено, несмотря на известность в литературных кругах;

2) выбрать произведения, которые обладают большими возможностями для формирования лингвокультурологической компетенции;

3) разработать научно-практические рекомендации к пониманию замысла, заложенного в текстах родной культуры.

Будущие учителя посредством лингвокультурологического анализа могут выбрать ориентир в отборе языкового материала, в выборе подходов к его изучению.

Задания, выполняемые ими на занятиях при лингвокультурологическом анализе художественного текста, могут сокращаться, дополняться, конкретизироваться, наполняться новым дидактическим материалом в зависимости от целей обучения в ходе их дальнейшей преподавательской деятельности.

Большое значение имеют выступления студентов с подготовленными докладами на ежегодных региональных и всероссийских конференциях в ходе Дней науки в Институте по лингвокультурологическому анализу текста.

Учитывая низкую речевую культуру, а также общую культурную неразвитость современной молодёжи, «не вызывает сомнений плодотворность реализации культуроведческого подхода на базе филологии как обучающей области гуманитарного знания» [5, с. 41]. Текст при этом рассматривается как первичная деятельность гуманитарно-филологического мышления или совокупность произведений, принадлежащих одному автору. Он функционирует и как источник информации о мире, и как носитель эстетической информации, и как источник собственно языковой информации.

В связи с этим представляется целесообразным при реализации филологических дисциплин в педагогическом вузе на различных уровнях обучения по возможности использовать лингвокультурологический подход, позволяющий «посмотреть на учебный процесс через призму языковой личности и использовать интегративные возможности русского языка» [6, с. 79].

Современная лингвокультурологическая компетенция обучающихся предполагает не только знание языка как способа коммуникации, но и познание языковой картины мира, феномена культуры; создает условия для саморазвития и самоактуализации языковой личности в пространстве культуры.

Художественный текст (в том числе и поэтический) характеризуется метафоричностью, богатыми возможностями синонимии, многозначностью, разнообразием стилевых ресурсов русского языка, спецификой «живой речи», «литературной нормы» и «произведения искусства», что делает его ценным учебным материалом, содержащим потенциал для развития устной речи студентов и являющимся культурной ценностью.

В силу психологических особенностей восприятия стихотворной речи этот анализ имеет значительное преимущество перед прозаической речью.

Характеризуя эмоциональную сферу личности, воображение и мышление, художественный текст предоставляет читателю возможность освоить духовный опыт разных поколений, помогает формировать мировоззрение, пробуждает гуманность, раскрывая образ человека как величайшей ценности, вводит в пространство культуры.

Перечисленные особенности художественного текста «говорят» о необходимости его использования в билингвальной аудитории.

Несмотря на то, что «лингвокультурологическая компетенция принимает форму языковой, она содержательно более глубокая, поскольку предполагает проникновение в природу культурного смысла, закрепленного за определенным языковым знаком» [7, с. 123].

У студентов (будущих учителей) формируется потребность в поиске истинных ценностей и развивается их нравственный потенциал. Кроме того, они приобретают опыт анализа художественного текста, в котором представлены все лингвостилистические ресурсы, описанные языковедами.

Опыт показывает, что работа с лирическими произведениями поэтов-билингвов, пишущих на русском языке, имеет большие возможности: при переводе в какой-то мере теряется этнонациональная специфика (в большей мере

это относится к стихотворным произведениям).

Работа с текстом стихотворения позволяет рассмотреть функцию языкового явления, наряду с его структурой и семантикой, иллюстрирует эстетическую функцию языка (именно в стихотворной речи проявляются художественные свойства и возможности русского языка).

Изучение формальных признаков тех или иных языковых единиц не способно побудить обучаемых к эмоциональному восприятию, вызвать стремление обогатить свою речь. Поэтический текст дает нам эту возможность. Текст стихотворения представляет собой ценный учебный материал, позволяет изучать языковые единицы и категории в плане от языка к речи. Кроме того, стихотворения содержат огромный потенциал для развития устной речи студентов, так как близость стихотворной и разговорной речи очевидна.

Поэтические тексты могут быть предметом презентации при изучении различных тем (в особенности синтаксических), поскольку в них имеются лингвистический и коммуникативный потенциал, текстовая организация стихотворного текста, специфика «живой речи», «литературной нормы» и «произведения искусства».

Предлагая варианты работы с поэтическими текстами Германа Гудиева (прозаика, драматурга, публициста, поэта) – человека, не умевшего гореть «вполнакала» ни в творчестве, ни в дружбе, ни в любви, ни в нравственно-духовных исканиях, реализованные нами в ходе педагогической практике, мы не претендуем на многоаспектность его анализа, ограничившись в основном синтаксическим уровнем языка, поскольку он является основой языка. Поэтическое произведение может быть при этом иллюстрацией изучаемой темы, основой анализа тех или иных синтаксических категорий, единиц, их функций.

Учитывая то, что поэтический текст представляет собой сложную систему речевого образования, трудно поддается исследованию, мы рассматривали некоторые его изобразительно-выразительные средства, а также функции знаков препинания.

На наш взгляд, понятие художественности, образности не должно сводиться, как это делается в практике школьного и вузовского обучения, к тропам и фигурам речи. Здесь более целесообразен не сплошной анализ текста, который может отвлечь от главного, а избирательный, с использованием культуроориентированных заданий.

Для выявления первичного восприятия стихотворения учащимся предлагались следующие вопросы, важные для анализа и интерпретации стихотворения:

Какие картины возникают в вашем воображении при чтении стихотворения?

Какие чувства вызывает у вас этот текст?

Прочитайте выразительно стихотворение (текст проецируется на экран).

Осетинская гармонь

Осетинская гармонь – боль и мечь Сырдона...

Ты ее дыханьем тронь – и она застонет!

Ты ее тоскою тронь –и она заплачет!

Осетинская гармонь ничего не прячет!

Осетинская гармонь – лучше нет подруги!

Ты ее руками тронь – поцелует руки!
 В поцелуях пальцы рук согревает душу
 Каждый вздох и каждый звук, из нее плывущий...
 Осетинская гармонь согревает тело,
 Как огонь над очагом путника с метели...
 Вся Осетия поет или же рыдает,
 Если сердце оплетет музыка родная!
 Если верные сердца нежно укачает
 Без начала и конца светлою печалью...
 Если к счастью позовет через все несчастья!
 И сама в слезах замрет, чтобы отмечтаться...
 Отчего такой мотив, ласковый и долгий,
 Словно едешь и молчишь ночью на дороге...
 Словно едешь на коне раненым абреком,
 Тихо думаешь о ней, заезжая в реки...
 Осетинская гармонь – царственная бедность!
 Вижу – худ, но озарен бледный профиль деда...
 Вижу – голоден мой дед, как его собака,
 Но крылат худой бешмет, а в глазах отвага!
 Вижу – дед не доживет и до свадьбы сына,
 Втянут намертво живот, но в ручищах сила!
 Отчего мотив берет за душу и тащит,
 Словно снова не растет ничего на пашне...
 Словно снова на аул рухнула лавина,
 Белой смертью помянув грешных и невинных...
 Тонкоструйная, моя, в переливах песни,
 Помяни, гармонь, меня, отойду я если...
 Каждой раною души чувствую так много!
 Ты тащи меня, тащи по ножам живого!
 Я стерплю и смех, и стон, я люблю, страдая!
 Осетинская гармонь – девушка седая!.. [8].

После выразительного чтения стихотворения внимание учащихся обращалось на использование языковых средств для передачи смысла поэтического произведения.

На какие части композиционно можно разделить стихотворение? (1) гармонь – живой человек; 2) величие гармонии для народа; 3) грусть, печаль, смертельные катастрофы; 4) личное отношение и переживания автора за свой народ).

I этап: синтаксис и пунктуация текста стихотворения:

Какова роль двусоставных предложений в стихотворении? Какую смысловую нагрузку они несут? (Преимущественно их употребление придает определенность, образует высказывание с четким содержанием). Употребление в конце стихотворения двусоставного предложения после определенно-личных предложений еще раз «показывает» авторскую сопричастность к тому, о чем он пишет.

С чем, на ваш взгляд, связано преимущественное употребление простых предложений? Стремление автора приблизить текст произведения к народному,

разговорному стилю: осетинская гармонь – это народный музыкальный инструмент. *С чем, на ваш взгляд, связано частое употребление глаголов повелительного наклонения?* «Ты тащи меня, тащи по ножам живого» – для передачи отчаяния, надрыва, создания ощущения диалога с гармонью.

Какие предложения по цели высказывания преобладают в стихотворении? Почему? (Восклицательные, для выражения эмоционального состояния автора).

Какова роль в нем определенно-личных предложений? (Акцентирование внимания на действии, концентрация внимания на чувствах, душевных порывах).

Какие однотипные синтаксические конструкции повторяются в тексте стихотворения? (Сложносочиненные предложения; сложноподчиненные предложения с придаточными условными, сравнительными; бессоюзные сложные предложения).

Какова цель использования повторов? (Повторы слов и синтаксических конструкций используются как выразительное средство, яркий способ выражения экспрессии, «нагнетания» смысла слова, усиление его значения, придают высказыванию особую ритмичность).

Какова роль обособленных определений после определяемого слова, постановки союза в несвойственном ему месте? («Отчего такой мотив, ласковый и долгий...»; «Помяни, гармонь, меня, отойду я если ...» – усиливают выразительность высказывания, трагический аспект звучания).

Почему автор стихотворения часто использует пунктуационный знак многоточие?

Анализируя стихотворение, учащиеся сделали следующие выводы:

1) в поэтической речи многоточие используется не только для передачи недосказанности, затрудненности, прерывистости высказывания, но и для передачи едва уловимых оттенков значения, предугадывания смысла (когда словами уже трудно что-либо выразить);

2) многоточие в произведении Г. Гудиева – эмоционально наполненный знак, показатель психологического напряжения подтекста, побуждающий к раздумьям [5].

Следует отметить, что анализируемый поэтический текст дает обучаемым возможность «увидеть» многофункциональность пунктуационного знака тире, закономерности его употребления, например:

1) тире – сигнал пропуска, например, связки: *Осетинская гармонь – боль и месь Сырдона ...* и т. д.;

2) тире – смысловоразличитель (передача значения условия, сравнения, сопоставления в тех случаях, когда эти значения не выражены лексически, т. е. союзами): *Ты ее руками тронь – и она застонет! Ты ее тоскою тронь – и она заплачет!* (первая часть предложения обозначает условие);

3) тире – знак смысловой неожиданности, неожиданности присоединения, усилитель экспрессивности: *Осетинская гармонь – лучше нет подруги! Осетинская гармонь – девушка седая!...*

В стихотворении пунктуационный знак тире «разрывает» его интонационную плавность, создает эмоциональную напряженность, остроту и динамизм, что связано с авторским замыслом.

Рассмотрев структурные, смысловые и экспрессивные функции пунктуаци-

онного знака тире, учащиеся убеждаются в расширении его употребительности: например, он вытесняет двоеточие в бессоюзных предложениях для конкретизации или раскрытия содержания во второй части предложения:

Вижу – голоден мой дед, как его собака ...

Вижу – дед не доживет и до свадьбы сына ... и т.д.

На II этапе для выяснения ценностно-смыслового пространства языка анализировались лексические и изобразительно-выразительные средства стихотворения.

Найдите в тексте синонимы и антонимы. (Заплачет – зарыдает – застонет; поет – рыдает; счастье – несчастье; грешный – невинный; смех – стон, без начала и конца, к счастью через все несчастья и т.д.).

При помощи каких средств в произведении создается этнонациональная специфика? (Сырдон, абрек, бешмет, аул и др.)

Какими словами автор «оживляет» осетинскую гармонию, уподобляет ее человеку? Как называется это выразительное средство? (Олицетворение – не прячет, рыдает, в слезах замрет, поцелует руки и т.д.). Перед нами глубоко прочувствованное одушевление осетинской гармонии, которая имеет большое значение для народа (вся Осетия поет или же рыдает).

Найдите в тексте стихотворения метафоры и эпитеты. (худой бешмет, светлая печаль и др.).

Для какой цели поэт использует в стихотворении аллгорию? (крылат худой бешмет – для символической передачи характеристики конкретного образа – образа деда).

Приведите примеры гиперболы в стихотворении. С какой целью она используется? (лучше нет подружки; вся Осетия поет или же рыдает; в ручищах сила – для создания яркого образа, передачи настроения поэта, его отношения к гармонии).

Укажите смысловую сторону сравнений. (ассоциации, аналогии). Сравнения в стихотворении Г. Гудиева имеют эмоционально-экспрессивный, субъектно-оценочный характер.

В ходе анализа обращается внимание на способность языковых единиц порождать ассоциативные значения, учащиеся осмысливают поэтический подтекст.

Какова роль перифразов в тексте стихотворения? (Акцентирование внимания на важных чертах предметов и явлений).

Какой стилистический прием используется автором стихотворения как выразительное средство сопоставления несопоставимых понятий? (оксюморон – царственная бедность, девушка седая).

Что выражает поэт при помощи антитезы? (состояние души, качество, свойство предмета, явления).

Расскажите, что вы чувствуете, слушая осетинскую гармонию.

Обучающиеся убеждаются в том, что исследование особенностей употребления языковых средств в тексте как речевом произведении помогает им глубже понять содержание текста, замысел автора. Только таким образом можно «увидеть» импульсивность авторской энергетики, эмоциональную насыщенность языка, ярко выраженную боль, страдание, любовь к родине и родным ме-

стам в лирическом произведении Г. Гудиева. Переданы присутствие и переживания автора (тонкоструйная моя; помяни ... меня, отойду я если, ... чувствую так много; я стерплю; я люблю). Настроение автора меняется от величественно царственного до печально несчастного.

Какими средствами, на ваш взгляд, выражен в произведении культурологический аспект? (боль и месть Сырдона – сравнение с героем нартского эпоса погружает в этническое; бешмет, аул, абрек – архаизмы и сравнения показывают причастность к национальной культуре: словно едешь на коне раненым абреком и т.д.)

Приведем в пример фрагмент анализа другого стихотворения Г. Г. Гудиева

«Серый Терек и серые скалы,
серо небо, как воды реки...
В сером, грубо граненом стакане
серой кажется плоть араки...
Серый цвет основателен, сдержан,
цвет неброский, спокойный, простой,
Я любил в осетинской одежде
цвета серого скромный покой...
В серой пыли колеса арбички,
домотканая ткань башлыка...
В серый день, рядовой и обычный,
не гремит под рукою строка...

Эта серость, конечно, не серость
серых будней и серой души –
в этой серости мудрая смелость,
смысл того, чем всегда дорожил.

В этой серости древняя сага
о героях забытых могил,
в этой серости выцветшей саржи
слезы тех, кто терпел, но любил!..

И глаза незабытой горянки
были серыми, словно скала...
Ранним утром, по-летнему ярким
я простился, не спрыгнув с коня...».

Рассмотрим семантику цвета в данном художественном тексте.

В ходе лингвокультурологического анализа учащиеся отвечают на следующие вопросы:

Какие оттенки серого цвета использует автор в стихотворении? (стальной, пепельный, сизый).

Какова основная функция серого цвета? (скрыть чувства, которые на самом деле светлые, передать безысходность, пустоту, тоску).

Почему восприятие поэта изобилует серыми пятнами? (В серый цвет автор вложил историю своего народа, обычаи и традиции, описал картины быта, он маскирует свои чувства, о которых нельзя говорить мужчине-горцу).

Какие традиции и законы горского народа называет автор стихотворения? (национальные обычаи, правила поведения, почитание старших, уважение к женщине, почетное внимание гостю).

Каково значение цвета саржи? (показать то, что скрыто от посторонних глаз).

Как представлен серый цвет в осетинском фольклоре? (цвет сострадания, строгости, сдержанности).

Таким образом, обучающиеся приходят к выводу: цветообраз позволяет донести до читателя больше и подчас то, что не всегда можно сделать с помощью словесных образов и выразительных средств языка [10].

Подобная работа с художественным текстом на занятиях помогает выявить функциональный аспект языковых и изобразительно-выразительных средств языка произведения, позволяющий сделать шаг к интерпретации текста, дает возможность возвращения к истокам родной культуры. Обучающиеся на примере двух стихотворений убеждаются в том, что вклад Г. Гудиева в культуру остался недооценен. Через образы в стихотворении они глубже понимают текст, особенности национальной культуры, которые формировались в течение столетий.

Презентация стихотворений на различных этапах обучения русскому языку в педагогическом вузе (в особенности при повторении и обобщении), а также в курсах по выбору, позволяет обеспечить некоторую системность и преемственность в подаче, на первый взгляд, не традиционного, но очень ценного материала. При этом в условиях, когда назрела необходимость разработки методики обучения школьников целостному восприятию текста как единицы языка, речи и культуры, именно педагог является основным транслятором и интерпретатором художественных произведений. От того, насколько развито их национальное самосознание, сколь глубоки их представления о средствах и методах деятельности, зависит действенность его преобразующего влияния на обучаемых.

Практика показывает, что использование лингвокультурологического анализа в разном объеме целесообразно не только при изучении языка иностранцам (с учетом их культурной специфики), но и в условиях поликультурности. Студент (будущий учитель) берет на вооружение те же методы и приемы, которые используются в вузе при анализе художественного текста, он получает опыт работы с текстом, необходимый в их дальнейшей педагогической деятельности.

Работа в данном направлении соотносится с установленной современной лингводидактики: рассматривать текст не только как дидактическое средство и лингвистическую единицу, но и как средство ценностно-смысловой ориентации личности [11].

Литература

1. Бахтин, М. М. Язык в художественной литературе / М. М. Бахтин // Собрание сочинений в 7 томах ; Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук. – Москва : Русское слово, 1996. – Т. 5. – 732 с.
2. Болотнова, Н. С. Художественный аспект как единица культуры и проблема его изучения / Н. С. Болотнова // Культурологический подход: его реализация в школьном и вузовском курсах русского языка: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика А. В. Текучева (г. Москва, 11-12 марта 2003 г.) ; Составители проф. А. Д. Дейкина, проф. Л. А. Ходякова. – Москва : МПГУ, 2003. – С. 10–15.
3. Хугаев, И. С. Осетинская русскоязычная литература : генезис и становление : специальность 10.01.02 – литература народов Российской Федерации (осетинская литература) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : / И.С. Хугаев; Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия–Алания. – Владикавказ, 2010. – 47 с.
4. Рамонов, С. Д. «Русскоязычие» как проблема национальных культур / С. Д. Рамонов // Дарьял. – 1996. – № 1. – С. 98.
5. Газаева, Л. В. Культуроведческий аспект преподавания русского языка в педагогическом вузе / Л. В. Газаева // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества : материалы IV Международной научной конференции (12 ноября 2012 г., г. Владикавказ) / под ред. Л.В. Газаевой ; Сев.-Осет. гос. пед. ин-т. – Владикавказ : Изд-во СОГПИ, 2012. – С. 41–45.
6. Елканов, К. Р. Лингвокультурологический подход к изучению художественного текста / К. Р. Елканов // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества : материалы VIII Международной научной конференции (29–30 сентября 2020 г., г. Владикавказ) / под ред. Л. В. Газаевой ; Сев.-Осет. гос. пед. ин-т. – Владикавказ : Изд-во СОГПИ, 2020. – С. 77–80.
7. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Изд-во Флинта ; Наука, 2010. – 284 с.
8. Гудиев, Г. Г. «Живу достойно. Всем бы так» / Г. Г. Гудиев. – Дарьял. – 2010.
9. Газаева, Л. В. Формирование лингвокультурологической компетенции студентов педагогического вуза посредством концептуального анализа художественного текста / Л. В. Газаева, Г. Г. Микерова, К. Р. Елканов // Современные технологии в образовании : материалы XXI Всероссийской научной конференции (25 марта 2021 г., г. Владикавказ) / под ред. канд. пед. наук, доц. Л. В. Газаевой ; Сев.-Осет. гос. пед. ин-т. – Владикавказ : Изд-во СОГПИ, 2021. – Выпуск XXI. – С. 69–75.
10. Фардзинова М.Д. Семантика цветообраза в произведениях живописи и поэзии (на примере стихотворения Германа Гудиева «Серый Терек и серые скалы» и картины Аркадия Кумаритова «Пейзаж в камне») / М. Д. Фардзинова // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества : материалы IX Международной научной конференции (16 мая 2022 г., г. Владикавказ) Сев.-Осет. гос. пед. ин-т ; под ред. Л.В. Газаевой – Владикавказ : Издательский центр СОГПИ, 2022. – С. 208–215.
11. Судакова Н.А. Концептуальный анализ текста на уроках русского языка в старших классах / Н.А Судакова // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 10(138). С. 222–228.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

За последнее столетие 'экология' стала самой обсуждаемой **проблемой** как в науке, так и в политике, социальной сфере и, естественно, в культуре. И причина тому – человек. Его влияние на природу оказалось губительным для нашей планеты. А потому неудивительно, что все больше появляется научных статей, выделяется грантов и создаётся законов для решения ряда экологических проблем, которые уже стали глобальными. Все чаще творческие деятели обращают внимание своих слушателей, зрителей, читателей на ужасающие последствия человеческой деятельности, рисуя страшные картины осушения рек и озер, гибели лесов, загрязнения морей и океанов. Среди них и Глуховский с постапокалиптическим романом «Метро 2033» и Воннегут с произведением «Колыбель для кошки». Однако еще в конце 19 века, когда влияние человека на экологию не было настолько разрушительным, Антон Павлович Чехов, известный русский писатель и драматург, затрагивал в своих произведениях тему человека и природы и их влияния друг на друга. В ряде его произведений, в том числе и в комедии «Вишневый сад» и в пьесе «Дядя Ваня», поднимается проблема взаимосвязи природы и человека и подчеркивается небрежное отношение последнего к окружающей среде.

Цель работы – раскрыть взаимосвязь человека и природы в произведениях А.П. Чехова.

Достижение цели исследовательской работы подразумевает решение следующего ряда **задач**:

- 1) Проанализировать произведения А.П. Чехова («Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Степь», «Крыжовник»);
- 2) Определить влияние человека на природу и природы на человека;
- 3) Установить последствия влияния человека на природу в рамках творчества А.П. Чехова.

Как уже было сказано, образы природы и человека занимают важное место в творчестве Чехова. Персонажи, как и происходящие события, описываются на фоне пейзажей деревень, лесов, полей. Еще при жизни многие критики отмечали великое мастерство Чехова в изображении природы. Д.В. Григорович, знаменитый русский прозаик, писал о работах Чехова следующим образом: *«Рассказы «Мечты» и «Агафья» мог написать только истинный художник; <...> ни в одном слове, ни в одном движении не чувствуется сочиненность, — все правда, — все как должно быть на самом деле; то же самое при описании картин и впечатлений природы: чуть-чуть тронута, — а между тем так вот и видишь перед глазами; такое мастерство в передаче наблюдений встречается только у Тургенева и Толстого...»* [1]. Недаром Григорович сравнивает Чехова с Тургеневым и Толстым, природа у драматурга изображена с доскональной точностью: отовсюду в произведениях Чехова при описании пейзажей

раздается звук: кузнечики *«затянули в траве свою скрипучую монотонную музыку»*, слышится *«ласковое журчание»* речки, а гром *«гремит сердито»* [2]. А средства выразительности, используемые автором, не банальны: степь *«сбросила полутьну, улыбнулась и засверкала росой...солнце над ней, как хозяйка по утрам, тихо, без хлопот принялась за свою работу»*, *«травы и бурьяны подняли ропот»* [2]. Такое внимание к природе неслучайно. Образы природы у Чехова могут выполнять функцию фона, сопровождения к эмоциональному состоянию героя, они могут раскрывать тему и идею произведения, могут дать характеристику самому герою (в таком случае, чем ближе человек к природе, тем более проявляется его духовная красота). И, наконец, пейзаж может стать отражением размышления писателя о человеке, о его месте в этом мире. Так или иначе, взаимосвязь между природой и человеком в произведениях Чехова очевидна и неоспорима. Природа у Чехова мудрее, краше, во многом лучше самого человека. Петр Вайль и Александр Генис в книге «Родная речь» также отмечают это свойство, а потому и рассматривают вишневый сад как идеальную систему: по их мнению, вишневый сад - это целое общество, *«в котором каждое дерево свободно, каждое растет само по себе, но, не отказываясь от своей индивидуальности, все деревья вместе составляют единство. Сад - прообраз идеального слияния единичного и всеобщего»* [3]. В вишневом саду Чехова царит такая гармония, и такое спокойствие, какие не способны существовать в человеческом обществе. Все в саду правильно, прекрасно и последовательно. Вишневый сад выступает в роли Эдема, райского места, где нет горя и царит свобода, блаженное спокойствие и счастье. Именно там прошли тихие годы юности Раневской, по которым она до сих пор скучает: *«О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое...»*[4].

Природа возвращает в человеке способность к созерцанию, она способна изменить его, заставить задуматься о смысле собственной жизни. Подобный прием можно видеть и у Толстого в произведении «Война и мир» [5]: смотря на небо над Аустерлицем Болконский, один из главных героев романа-эпопеи, осознает, что некогда его кумир Наполеон, гений и великий полководец, на самом деле лишь маленький, ничтожный человек, напрасно обрекающий тысячи жизней солдат на смерть. Князь Андрей уже не рассматривает войну, как место, где можно проявить себя, совершить подвиги и прославиться, а готовность умереть за Тулон кажется глупостью, ведь Болконский находит новый смысл жизни в семье и понимает, что мир гораздо шире его честолюбивых стремлений. Герой наконец обретает счастье и духовную свободу, а помогает ему в этом природа. Подобный мотив есть и в произведениях Чехова. Природа у драматурга ассоциируется со свободой, красотой и счастьем, в то время как человек в его произведениях зачастую заключен в 'футляр': для Алёхина, героя рассказа «О любви» [6] таким футляром стало общественное мнение, для Пети Трофимова, героя пьесы «Вишневый сад» – его идеалы, не дающие ему действовать, а остающиеся лишь пылкими словами о грядущих переменах, которые, однако, он осуществить не в силах. Постоянное желание чеховского героя освободиться от собственного футляра – ведущий мотив произведений Чехова. Природа становится мечтой, которая де-

лает ярче это желание, заставляя человека осознать естественное для него стремление к свободе.

Помимо этого Чехов показывает читателю, что человек на фоне совершенной природы кажется мельче, глупее. Он зависим от нее, как несмышленное маленькое дитя от своего мудрого родителя. В отрыве от нее человек не может существовать. Уход из 'райского сада' сулит для героев пьесы отказ от прошлого и грядущие беды. Так, продажа и последующая вырубка вишневого сада из одноименного произведения знаменует конец прежней жизни героев. Финал истории, несмотря на комедийную составляющую пьесы, трагичен: звучит лязг топора, означающего гибель сада и последние слова Фирса, обреченного на смерть в запертом поместье Раневской. Сам драматург на протяжении всего произведения с нежностью говорит о саде, описывая его величие и красоту. Чехов вкладывает в него свои надежды о скорейшем преображении России, но сад рубят, рубят в погоне за деньгами невежественные Лопахины, не заботящиеся ни о чем, кроме прибыли. Однако вырастет ли на месте старого *«новый вишневый сад, роскошнее прежнего»* [4]? Ответ на этот вопрос автор читателю не дает. Не удалось ему еще найти того, кто бы это смог сделать – ни *«вечный студент»* Петя Трофимов, ни юная мечтательная Аня не готовы взять на себя эту ношу.

Тема взаимосвязи природы и человека звучит громче в произведении Чехова *«Дядя Ваня»*. *«Люди не творят, а только разрушают то, что им дано свыше»* [7] – говорит Астров, один из главных героев пьесы, бережно относящийся к окружающей среде и призывающий к подобному других героев произведения. Чехов обращает внимание на людей, которые из-за своей невежественности и лени способны лишь разрушать то, что не в силах создать. *«Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее»* [7] – говорит Астров. И тем печальнее на фоне становится полное игнорирование ситуации другими героями пьесы. У них свои проблемы, бытовые, их не волнует, что скоро ничего не останется – ни прекрасных пейзажей, ни вековых деревьев, ни чудесных зверей. Герои не осознают, что именно природа кормит людей, дает им возможность выживать зимой, топя печи древесиной, кормиться летом. *«Человеку нужна не усадьба, – напишет Чехов годом позже в рассказе «Крыжовник», – а весь земной шар, вся природа»* [6].

Чехов рисует страшную картину человеческой невежественности. В одной из сцен пьесы Астров показывает Елене Андреевне карту изменения местности их уезда за 50 лет: сначала, 50 лет назад, половина площади усеяна лесом, к озеру слетались стаи птиц, *«рогатого скота и лошадей было много»* [7], спустя 25 лет картина мрачнее, лесом занята 1/3 площади, животные уже не пасутся в таком количестве, и, наконец, картина уезда в настоящем уже представляет собой пару зеленых пятен, означающих лес, *«исчезли и лоси, и лебеди, и глухари»*. *«В общем, – говорит Астров, – "картина постепенного несомненного вырождения»* [7]. И вина такому вырождению – косность людей, *«отсутствие самосознания»* и невежество. Люди живут одним днем, забывая, что за этим днем идет новый, завтрашний, а потому уничтожают все не жалея и не раздумывая.

Ненависть и вражда, порожденные людьми, их жадность и мелочность несут гибель миру.

Таким образом, Чехов, рассуждая о связи между человеком и природой, рисует безрадостную картину человеческой невежественности, алчности, беззаботности, которая сказывается на окружающей среде. Прекрасный вишневый сад гибнет вследствие глупых поступков его владельцев, вследствие неуёмной жажды наживы. Целые леса спиливаются, животные погибают не из нужды, а потому что «у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топлива» [7]. Природа мудра, совершенна, гармонична. Лишь она способна дать человеку то, что он так желает: свободу. Но человек, с детства одаренный интеллектом, этого не понимает, он живет в 'футляре', скованный общественными и личными рамками, и вместо того, чтобы созидать и созерцать, находя в природе ответ на собственные духовные искания, он лишь разрушает всё на своем пути.

Литература

1. Бердников, Г.П. Чехов / Г.П. Бердников. – Москва : Молодая гвардия, 1978. – 137 с.
2. Чехов, А.П. Степь / А.П. Чехов. – Москва : АСТ, 2021. – 384 с.
3. Вайль, П.Л. Родная речь: уроки изящной словесности / П.Л. Вайль, А.А. Генис. – Москва : КоЛибри, 2011. – 256 с.
4. Чехов, А.П. Вишневый сад / А.П. Чехов. – Москва : АСТ, 2022. – 352 с.
5. Толстой, Л.Н. Война и мир. Книга 1 / Л.Н. Толстой. – Москва : АСТ, 2020. – 960 с.
6. Чехов, А.П. Рассказы / А.П. Чехов. – Москва : АСТ, 2020. – 384 с.
7. Чехов, А.П. Дядя Ваня. Три сестры / А.П. Чехов. – Москва : Мартин, 2021. – 160 с.

А.К. Ерошина

*(Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация)*

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА» В ПОВЕСТИ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ»

С каждым годом в нашем мире проблема экологии становится более глобальной и масштабной. Человек перестал заботиться о природе: вырубка леса в больших количествах, загрязнение морей и океанов, горы не перерабатываемого мусора. Пользуясь богатствами природы, человек стал делать всё для себя – и ничего для природы, для ее сохранения. Он потерял понятие ценности природы, и осознание того, какое важное место она занимает в его жизни.

Об этом пишет великий русский писатель Борис Васильев в своем произведении «Не стреляйте в белых лебедей». По мнению автора, человек возомнил себя царём природы, который ее покорила и завоевал. Но почему человек так решил? С чего он взял, что он вправе вмешиваться в природу, нарушать её гармонию и баланс, устанавливая свои правила? Ведь природа-это не то, что со-

здал человек, у неё свои законы, так какое право человек имеет, чтобы их нарушать? В своём произведении автор описывает случай, когда туристы пришли на поляну и увидели рядом с одним из деревьев большой муравейник. И, не задумываясь о последствиях, облили его бензином и сожгли. Туристы не подумали о старой ели, которая много лет прикрывала этот муравейник, и тем более не подумали о пожаре, который впоследствии мог бы начаться. Они просто стояли и смотрели, как сгорает на глазах кропотливый труд миллионов маленьких существ, которые упрямо лезли в самое пекло, чтоб успеть спасти свои личинки. В природе есть своя система, в которой важен каждый ее член, даже такой маленький как муравей. Человек не может решать, кто должен существовать в этой системе, потому что одним таким действием он может целиком её разрушить. Муравейник догорел, не успевшее погибнуть муравьишки растерянно бегали вокруг него. Автор пишет: «Отвоевали место под солнцем. – Теперь никто нам не помешает, никто нас не побеспокоит» [1]. Человеку следует понимать, что приходя в лес, это он находится в гостях у природы и это он не должен беспокоить окружающий мир и его жителей, именно он должен соблюдать её заповеди, а не нарушать их. По мнению Бориса Львовича, каждому живому существу, как любому человеку нужен покой: «Всякая животина, всякая муравьятина, всякая елка-березонька – все по покою своему тоскуют» [1].

Другой пример безжалостного отношения к природе в романе Васильева показывает, что люди ради выгоды и денег, бездумно обдирали липы в заповедном лесу, тем самым нарушая баланс природы. После этого большая часть заповедного леса высохла. Деревья стояли голые, не живые, даже птицы на них не садились и все остальные живые существа обходили стороной. Никто из них не подумал, что липа-дерево очень важное, одно из самых полезных деревьев в лесу. Липу – наоборот нужно хранить, а не портить. Автор рассуждает, что с этой липки один человек получит прибыль, а природа получит убыток, гораздо больший, чем может себе приставить человек. И, если так пойдёт дальше, то потом спасать будет просто нечего: «Не думаем о государстве. О России не думаем совершенно. А надо бы нам думать» [1]. Это наглядно показывает, что, пока не поздно, нужно задуматься о сохранении природы, пока мы не потеряли всё, что имеем. Поэтому нельзя с безразличием, жестокостью и равнодушием относиться к природе. Всегда нужно задумываться о вреде своих поступков, и о том, как они отражаются на мире вокруг: «А голые липы тяжело роняли на землю увядающий цвет, и земля под ними была мокрой от соков. Сгубили. За рубли сгубили» [1]. Бездумно люди продают природу за деньги, но деньги можно вернуть, а природу-нет. Эту мысль пытается донести нам автор.

Борис Васильев в своём произведении рассказывает, что люди также забыли, что забота об экологии дарит им не только здоровую атмосферу, но и красоту, которую необходимо поддерживать. Природная красота не подвластна человеческим законам, как человек может ее покорить и считать себя царём? Каждому из нас необходим этот кусочек живой природы, который будет нас вдохновлять, давать силы и эмоции, утешать и давать покой. Автор пытается это доказать читателю: «И грохот тот городской, проползает в квартиры и мотает беззащитное человеческое сердце. И уже нет этому сердцу покоя ни днем,

ни ночью, и только во сне видит он росные зори и прозрачные закаты. И мечтает душа человеческая о покое» [1].

В современном мире, за кирпичными домами и серыми стенами, люди забыли о существовании природы вне города и о том, насколько она прекрасна, поэтому, не задумываясь о последствиях, продолжают её разрушать. Нельзя думать, что красивый город, может заменить природное богатство. Но людям стало мало чистой природы, они перестали ценить её по достоинству. Народ вечно суетится и спешит, так и не насладившись отдыхом и не поняв его прикрас: «Высокий берег был вытоптан и частично выжжен, и свежие пни метили его, как оспины. Туристы. Вот тебе и заповедный лес» [1]. Поэтому автор пытается объяснить, что красота природы разная, неповторимая, но и при этом простая и радует сердце и душу: «Красота – это когда разное все! А без красоты как же можно? Без красоты – как без праздника» [1]. Находясь на природе, почувствовать её, быть в моменте, уловить её дыхание и сохранить на долгую память – вот, что нужно человеку. Частичка красоты, которая всегда обрадует и согреет душу в самый тяжелый час.

Автор показывает, что человек в своих попытках покорить природу и завладеть ей - страдает, сам того не понимая, ведь нельзя жить спокойно и радостно когда нет гармонии с окружающим миром: «Страдает человек. Сильно страдает. А почему? Потому сиротиночки мы: с землей-матушкой в разладе, с лесом-батушкой в ссоре, с речкой-сестричкой в разлуке горькой» [1]. Для того чтобы жить в гармонии с собой, нужно уважать, заботиться и любить в природе всё, её реки, леса, поля и самое главное - всех её обитателей. «Только в мире природы, а не среди людей, главный герой находится в состоянии полной душевной гармонии». [3] Это хочет донести до своих читателей автор, особенно когда описывает ситуацию, где главный герой проснулся рано утром в лесу, и ощутил странное чувство торжественного спокойствия, он осознал тишину. Тишина не означает отсутствие звуков, она означает отдых природы. В этот момент он понял всю её прелесть и красоту: «Он всем телом ощутил свежесть тумана, уловил его запах, настоящий на горьковатом мокром лозняке. Он увидел в глубине воды белые стволы берез и черную крону ольхи. И ему стало вдруг грустно от сознания, что пройдет миг и все это исчезнет, исчезнет навсегда, а когда вернется, то будет уже иным, не таким, каким увидел и ощутил его он» [1]. Чтобы найти покой и быть счастливым иногда нужно просто остановиться и посмотреть вокруг, обратить внимание на самые обычные вещи, мимо которых проходишь годами. Достаточно присмотреться и заметить всю красоту природы в её самых маленьких, привычных и невзрачных деталях.

В книге рассказывается о лебяжьем озере, где раньше жили красивые белые лебеди. Не случайно автор пишет именно про белых лебедей, ведь они являются символом чистоты, неприкосновенности и красоты природы. [2]. Люди истребили всех лебедей, вода помутнела, и озеро начало зарастать и стали его называть чёрным. Главный герой решил вернуть лебедей на озеро, исправить нарушенный природный баланс, чтоб лебеди снова сделали озеро сияющим, звонким и чистым. Белые лебеди так же отражают добрые и честные намерения главного героя, который ухаживает за природой и пытается предотвратить нарушение её системы. Ради этой цели он привёз лебедей из Москвы и начал их

разводить. Лебеди смогли опять оживить озеро, оно снова обрело жизнь и заиграло яркими красками. Все местные жители были счастливы, начали гулять у озера, кормить лебедей, купаться, устраивать пикники.

Но не долго длился этот покой, потому что позже баланс природы был снова нарушен. Туристы у всех лебедей, отрезали им головы и сварили из них суп. Главный герой, увидев эту картину, был в сильном шоке и ужасе, он не смог закричать или позвать на помощь. Он впал в ступор, как только увидел в котле ощипанных, без голов лебедей, а в пламени догорал последний белый лебедь: «Черный теперь, как озеро» [1]. Он попытался задержать нарушителей, но их было больше, и они просто его избили. Главный герой не смог перенести не этих травм, не душевных, и умер в больнице. Ведь убив белых лебедей, туристы загубили и его белую душу тоже. Он честно старался блюсти природные порядки, оберегать их, и не позволял нарушать их. Эти же качества он привил своему сыну, который сделал плакаты об охране природы и они вместе следили за их выполнением. Герой вложил всего себя, чтобы восстановить баланс природы: ради справедливости, спокойствия и радости глаз. Увидев черного от пепла лебедя, все светлые чувства и надежды о прекрасном озере умерли в нём навсегда, он не смог бы жить дальше без этих чувств, поэтому умер. Но Борис Васильев не оставляет своей веры, что есть ещё в мире порядочные и честные люди, которые смогут защитить природу. В конце произведения автор пишет: «С одной стороны вроде учат: природа – дом родной. А что с другой стороны что имеем? А имеем покорение природы. А природа, она все покуда терпит. Она молчком умирает, долголетно. И никакой человек не царь ей, природе-то. Не царь, вредно это — царем-то зваться. Сын он ее, старший сыночек. Так разумным же будь, не вгоняй в гроб мамоньку» [1]. Этим он хотел донести главную мысль, что не нужно пытаться изменить то, что тебе не принадлежит, чего ты не создавал, нужно беречь и заботиться о том, что имеешь. К природе нужно относиться как к старшему поколению: с уважением, ответственностью и бережливостью. Так же в своей статье пишет А.П.Черников: «Человек и природа, человек и его совесть, мера ответственности человека за всё, что происходит вокруг, – вот важнейшие проблемы, поставленные автором» [2]. Окружающий нас мир – это один из самых главных факторов нашего существования, мы не должны его разрушать, нарушать его гармонию или вредить ему, мы должны ставить его на первое место и заботиться об экологии окружающего мира для нашего будущего, будущего наших детей и всего человечества.

Литература

1. Васильев Б.Л. “Не стреляйте в белых лебедей” [Электронный ресурс]. СЕРАНН 2002 // <http://www.serann.ru/text/ne-strelyaite-v-belykh-lebedei-8824>
2. Черников, А.П. Нравственная сила доброты. Повесть Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей». //Литература в школе. – Калуга, 2014.
3. Герасимова, К.М. Нравственно-этические основы личности на примере главного героя романа Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей – Комсомольск-на-Амуре, 2021.

**ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЛИТЕРАТУРЕ КАК СРЕДСТВО
ОТРАЖЕНИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОСТИ
БРЕСТСКО-ПОДЛЯССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. КОВАЛЕВИЧА)**

Флористическую лексику в литературе мы будем рассматривать как средство отражения полиэтнической культуры и духовности брестско-подлясского пограничья на примере интерпретации и анализа произведений известного поэта Брестчины, члена Союза писателей Беларуси, Н.И. Ковалевича. Поэтому для нас будет важно показать, как происходит образное познание и переживание мира автором и читателем, отражение жизни пограничья в её эмоциональном и духовно-нравственном осмыслении.

Давно известно, что язык – это не только средство общения, но и способ проникновения во внутренний мир человека, его ментальность и мировоззрение, и потому рассматривается сегодня и как средство оценки общества и самого себя. Особенно такая оценка важна при чтении художественных произведений, в которых отражён опыт поколений и цивилизаций. Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются в тексте произведения, в используемых речевых конструкциях, манере говорения героев, тематике речи, а также в пословицах, поговорках, отдельных метафорах, символах культуры. А в художественном произведении именно они являются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, потому что в них как бы законсервированы истории, легенды, обычаи, черты характера народа. Всё это помогает современному читателю постигать культуру предков, экстраполируя отдельные её элементы и на современность. И потому язык художественного произведения, являясь важнейшим средством передачи мысли автора и проблем времени, в то же время является и зеркалом национальной культуры, её хранителем и двигателем. Следует заметить, что эти проблемы исследуются разными учёными. Так, в современной лингвистике и литературоведении наметилась антропоцентрическая тенденция, выражающаяся в изучении языка как части духовной культуры человека (Ю.Д. Апресян [1], Н.Д. Арутюнова [2], Е.Б. Борисова [3–4], Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Е.В. Падучева, Ю.С. Степанов), в изучении языковой картины мира (Ю.Е. Прохоров, С.Г. Тер-Минасова, В.Н. Телия). В отечественных лингвистических исследованиях изучение фитонимической лексики еще не приобрело системного характера. В опубликованных монографиях и статьях фитонимы часто привлекаются в качестве иллюстративного материала, в том числе для описания фитоморфных функций, например: калин(к)а, берез(к)а как национально-культурные метафоры, стереотипы женской красоты [10, с. 102–107]; смородина, вишня, лепестки роз, яблоня при анализе семантики устойчивых срав-

нений (в описании внешности человека), которые, по мнению Масловой, можно считать «ключом» к разгадке национального видения мира [10, с. 145].

В диссертационных работах русских учёных в последние десятилетия фитонимы все чаще становятся объектом самостоятельного исследования: проведена систематизация и классификация русских фитонимов по тематическим группам на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях (Т. В. Цой, 1995); описана национальная специфика образной номинации русской фитонимической лексики в сопоставлении с аналогичными лексическими единицами в двенадцати языках (Р. Д. Сетаров, 2000); проанализированы функционирование наименований растений в составе устойчивых сравнений (Л. Б. Воробьева, 2002).

Несмотря на значительное количество исследований, выполненных с позиций антропоцентрической лингвистики, в настоящее время мало исследованы вопросы, связанные с изучением флористической лексики в литературоведении и определении её роли в осмыслении читателем художественного текста. Здесь важно показать, как она влияет на формирование мировоззрения и психологии читателя, определить уровни влияния её на осмысление читателем общечеловеческой и полиэтнической культуры, особенно при анализе литературы в пограничных регионах, одним из которых и является брестско-подлясское пограничье [5].

Попытаемся на примере интерпретации и анализа творчества поэта Брестчины, члена Союза писателей Беларуси Н.И. Ковалевича проанализировать флористическую лексику в художественном произведении, определить её роль в отражении полиэтнической культуры и духовности народа белорусско-польского пограничья.

При этом «*флористическую лексику*» мы будем рассматривать не только как совокупность *растений*, упоминаемых в стихах поэтов пограничья для описания природы края, но и лексику, указывающую на духовность и психологию в разные периоды жизни человека. Она может быть метафорически обозначена как *цветы, весна и юность*, так как само понятие «Флора» указывает на это (*Флора – древнеримская богиня цветов, весны и юности*), и являться своеобразным способом формирования полиэтнической культуры, используемым художником слова.

Покажем только отдельные фрагменты интерпретации и анализа произведений. Для примера возьмём последний сборник поэта «Элегий светлая крылатость», в котором «доминирует полная мягкой грусти мелодия осеннего ноктюрна, обогащённая обертонами зимней тревоги и благодати летнего полдня» [7, с. 416], и проследим, как флористическая лексика формирует представление читателя о полиэтнической культуре пограничья, духовности народа, проживающего здесь.

Для этого сначала определим, какие растения и цветы, деревья и кустарники, просторы, земля и солнце использует поэт для создания картины мира пограничья, сделав выборку фитонимов (природа, растения, деревья, кустарники, земля, цветы, солнце, просторы, весна, юность) по всем разделам сборника:

Разделы книги	«Осенняя симфония»	«Ялик весны»	«Арфа Эола»
Природа	«Весна. Сиятельные своды», «дымят березы свечами», «ручей замедлил серебристый бег», «какой чудесный мир застыл под снегом», «дух тишины... Ни зверя и ни птицы, / Ничто не всколыхнёт немой простор», «дрожит заря...», «редкие звёзды свет тусклый прядут», «ива в озёрке глядит...», «время запуталось в звёздных сетях», «василёк поздним цветом инет...», «зацветает медово гречиха», «звезда стояла одиноко»	«Всё летят облака по-над полем приветно...», «сады вишнёвые в цвету», «и берёзкам, и ольхам янтарные серьги дарил...», «сияют звёзды в небе чистом», «васильковый, лазоревый полдень», «клубок целующихся змей», «в облаках гнездятся журавли»,	«тяжёл горизонта свинец», «потухшего неба покой», «суровые скалы», «звёзды ликуют в мерцающей дали».
растения	«из болот, из полян аромат иван-чая», «летний день расстелил вересковый ковер», «можжевельный ряд...», «янтарная рожь», «жёсткие травы», «желтеет россыпь чистотела», «подсолнух с солнечным лицом», «желтки ромашек за окном»	«папороть в веках не зацветёт...», «ромашек благой, осиянный рассвет», «бледно-синяя ночь иван-чая», «пурпурно-морозный гвоздичный закат»	«запах чебреца»
деревья	«среди берёз опечаленных», «пуща... сосна и ёлка, редкая берёза... грезят о весне», «молитвенно скорбит по ним рябина...», «зима берёз», «холоден лес», «сосен стройных шатёр», «сад окутал», «листья с берёз, налетая, срывает», «засыпят снегом хутор вишни», «лист кленовый», «рябин-калин рубины гроздь», «блестит еловый изумруд», «ивы тонкий прут», «дымит цветущая сосна»	«черёмуха вокруг», «отшестит родных берёзок вече», «раздарила черёмуха-фея аромат...», «где дуб корявый в лиственном камзоле»	«колонны базилики - тополя», «веточку вербы сжимали пергаментно руки...», «так трепетна ещё осина»
кустарники	«к ногам жались кусты», «снами объаты кустарник, куга...», «ежевичный костёр полыхнул за порогом», «напоил его запах сирени», «можжевельник кистью изумрудной /Разукрасил в зелень холст дво-ра»	«сквозь белый сон акации», «не роза, а шиповник лишь...», «Триумф цветенья: красок, аромата! /Калины ангельской приветные цветы, /Жасмин, шиповник, хрупкий ландыш, мята...»	
Земля, цветы, солнце	«чернели от робкого солнца проталины», «кланяясь земле по-молодецки колос...», «пыли столб над землёй», «звенит дождинками капель», «платки цветов», «васильки над ромашками клонятся», «лучистых астрах», «на вереске торфяников-болот», «дыхание полей и всходы», «потянулись к солнцу ржи победы...»	«И города, и хутора, /И рек спокойные разливы. И просинец из серебра, /И малахит апрельской нивы», «и льётся трелью вышней песня, /Чтоб чувствам должное воздать», «и улыбнётся солнце золотое», «расцветают опять хризантемы»	«Высоко величаво по небу /Золотая проходит луна», «синец цветов»
просторы	«качался простор на ветвях наготы...», «в пуще дух тишины замяжит среди леса», «поле обошёл от края и до края...», «мучной туман округу застит...», «замерли вдруг лес, река и луг», «затаились змейками тропинки», «разрываешь усталый простор», «какая царственность простора», «пруд всколыхнули лягушки», «тишина... лес... поля... перелесища...»	«Озёра. Пуши вековые, Вид приосиненных берёз. Соборы, церкви приходские», «целует ветер локоны волос»	«мириадами звёзд высь оплыла на землю...», «безграничный простор»
Весна, юность	«стояло предвесние скудно-щемящее... без звона ручьёв и без пения птиц», «река – что жизнь, где волны чувств, и радость, и покой, и грусть...», «птички не смолкают голоса», «ветер неистово рошу стегает», «на чувствах ясных умиротворённых», «тайна лета», «радость детям ловить веснушки в солнечных лучах», «желание просто идти»	«рябина цветёт! Я влюблён!», «в наш край, поверь, пришла весна»,	«и несёт на лучах золотых, как весна, Благодать...», «весна пролилась золотыми дождями»

В результате сплошной выборки фитонимической лексики из данного сборника, мы заметили, что особую роль в создании языковой картины мира как раз и играют лексемы с предметно-вещественным значением. К таковым относятся и многочисленные наименования растительного мира, то есть наименования деревьев, кустов, трав, цветов, овощных, ягодных и иных культур (см. таблицу выше). Как известно, уже сам факт наличия или отсутствия определенных наименований указанного тематического класса информативен с точки зрения картины мира. Кроме того, анализ фитонимов даёт представление о природе края, его особенностях, характерах, а значит, отражает представление специфики этой действительности определённым этносом, а в мультикультурном пространстве, каким является белорусско-польское пограничье, в сопоставлении с представлениями других народов.

Фитонимы мы рассматриваем и как важные атрибуты обрядовой деятельности жителей брестско-подлясского пограничья, и для раскрытия самого широкого культурного контекста, и как отражение синкретического восприятия мира, построенного на сплетении в традиционной народной лексике языческих и христианских образов, и как средство постижения психологии человека.

При семантическом анализе фитонимических единиц в сборнике Н.Н. Ковалевича, мы выяснили, что фитонимы здесь представляют из себя ступенчатую систему от более общего значения к конкретному. Значения эти зависят от тематических понятий, с которыми они соотносятся.

Мы заметили, например, что, сотканный из трёх разделов («Осенняя симфония», «Ялик весны» и «Оставшееся»), сборник «Элегий светлая крылатость» своим содержанием утверждает извечную истину: Природа создала Дух (Человека) и Духовность (нормы нравственности) для того, чтобы они бережно сохранялись, оставались в социуме, передавались из поколения в поколение и постоянно совершенствовались [6, с. 3–29]. Только такой путь способен сохранить Человека и его достижения в цивилизованном мире и в Мироздании:

*Не меряй городом и домом,
Успехом, славою, постом,
Ни ярлыком, ни лестным словом,
Ни острым, дерзостным умом...
А меряй той, что в мире этом
Скромна, неброска,
сирота...
Цветёт в душе блаженным цветом
И носит имя –*

Доброта.

22 февраля 2006 г.

От сборника к сборнику перед читателем раскрывается путь поэта (стих. «Память») в его духовно-нравственном измерении, в котором Н.Ковалевич выступает, с одной стороны, как христианин, человек от земли, а с другой, как поэт-интеллектуал, впитавший современный опыт, достижения современной культуры, но всё-таки сохранивший индивидуальность.

Перед читателем предстаёт поэт-романтик и реалист, философ и психолог, мотивы стихов, романсов («Усталому сердцу», «Светлый месяц», «Утро зарёй улыбалось», «Белым сном» и др.), посвящений, элегий, переводов (пер.стих. В. Ковтун «Свяча любви»), которого вроде бы традиционны, но они обладают

каким-то особым энергетическим полем, и благодаря использованию фитонимов вызывают у читателя новое качество эстетического сопереживания, как, например, в стихотворении «Соловей-благовест»:

Сияют звёзды в небе чистом.
Струится мягкий робкий свет.
И соловей волшебным свистом
Импровизирует рассвет.

Полночный сад певцу внимает –
Чтит благовест слова мольбы,
И сердцу сердце отвечает
Тревожным трепетом любви.

В груди большому счастью тесно,
Оно мечте святой под стать.
И льётся трелью вышней песня,
Чтоб чувствам должное воздать.

28 ноября 2005 г.

Тайна... Вечность... Вера... Как часто эти слова адресует себе каждый из читателей, пытаюсь расшифровать их смысл, а значит, понять не только их значение, но и историю зарождения, а вместе с тем понять главное – тайну бесконечного и вечного бытия, силу Творца и непреходящей очищающей веры, что получает каждый человек на своей «малой родине». Используя фитонимы, создающие яркие описания местности, края и уважительного отношения автора к нему, преклонения перед его первозданной природой и чистотой человеческих душ, проживающих здесь, Н. Ковалевич формирует у читателя чувство гордости за свой народ и родину. Вот как об этом говорит поэт в стихотворении «Малая родина»:

Блаженный край,
где церковь и погост,
Где перед рощей вызревшее поле,
Где песенный из трёх берёзок мост,
Где дуб корявый в лиственном камзоле,
Где в облаках гнездятся журавли,
Где
родником исхоженная пажить,
Где детство поднимало
горсть земли,
Где труд и вера
вдохновенно княжат.
Блаженный край,
где тихий хуторок,
Где дым черемух
пенисто струится,
Где крест, большак, болото, лес, ярок...
Где гость...
Где приснопамятные

лица.

13 ноября 2009 г.

Духовность лирического героя Н.Ковалевича многогранна, но не расплывчата: она воспринимается как солнечный гений мировой духовной культуры. Предвидя те тупики, к которым приводит бездуховность («Будь Пушкиным – найдутся и Дантесы... Исполненные зависти и спеси»), Н.Ковалевич устами своего героя утверждает, что и сегодня вера представляется той вполне объективной реальностью, которая и эстетически, и нравственно воздействует на духовное здоровье нации и укрепляет человека в истине, добре, красоте, милосердии:

25 марта 2006 г.

9 июля 2005 г.

Поэта волнует и возрождение тех духовно-нравственных христианских принципов, которые составляют основу здоровой жизни любого общества. Поэтому философские проблемы: сущность жизни и смерти, глубокая вера — являются морально-психологической доминантой всех сборников Н.Ковалевича. Лирический герой, наделённый чертами жертвенности и непокорности, отдаёт предпочтение душевным мукам, жизненной борьбе над пассивной покорностью судьбе. Осознать это помогают читателю тоже фитонимы.

Покажется, что больше никогда
Сквозь *тучи солнце* не пробьётся
жизнью,

Не заиграет *талая вода*
И *радуга в рассвет* не заискрится,
Не воссияет *солнце в облаце*,
Не унесёт тугие *тучи ветер*,
Угаснет радость на родном лице,
Отшелестит родных *берёзок* вече.
Но вопреки...

Сквозь горести минут,
Сквозь сито жизни огненно-густое
Любовь услышит нас, хлеба взойдут,

И улыбнётся солнце золотое. 26 сентября 2004 г.

За вдумчивым и лаконичным, чётко звучащим авторским словом (стихотворение «О, Беларусь!») фитонимы открывают читателю христианский мир, где есть место и родному дому, и семье, и «малой родине», и сельской хате, и деревенскому пейзажу, роду и родне, и, конечно, родной Беларуси:

О, Беларусь! Люблю до слёз

Озёра. Пущи вековые.

Вид приосененных *берез*.

Соборы, церкви приходские.

Благопристойный наш *погост*,

Теплят лампы где *рябины*,

И *разговение, и пост*.

Обычай предков — *именины*.

И *города, и хутора*.

И рек спокойные *разливы*.

И *просинец* из *серебра*,

И *малахит* *апрельской нивы*.

И зиму — пусть уже не ту.

И *Рождество. И Пасхи* свечи.

Сады вишневые в цвету.

И *речь* — сестрицу русской речи.

Земли-причастья *полосу*,

Где упокоились святые.

Твою

иконную

красу...

Души

оклады

золотые! 28 апреля 2009 г.

Автор поднимает проблему и культуры человеческих отношений, и бережного, душевного отношения к внутреннему миру человека, который является частью Вселенского разума. И тем дороже поэту отношения людей друг к другу, и тем прискорбнее душевный разлад:

Решив однажды уходить... -
Уже не кайтесь.
И не просите ничего... —
не унижайтесь.
Не обижайте
...уходя...
Не обижайтесь.
И навсегда
...как на вчера...
легко прощайтесь.
И никогда...
И ни за чем...
Не возвращайтесь...

Отличительной чертой лирики Н.Ковалевича является то, что он умеет, используя фитонимы, тонко и гармонично соединить описательные моменты с психологическими и философскими, в которых раскрывается внутренний мир человека, его душевное состояние, видится его роль в Мироздании.

Руки Удач не ласкают,
Яды Предательства не жгут,
Зависти псы не терзают,
Годы Несчастья не лгут,
Ветры Желаний не веют,
Ливни Забот не идут,
Злаки Надежды не зреют —
Как ту Обитель зовут?..

5 марта 2006 г.

Книги Н.Ковалевича — это не только его путь становления как поэта, но и одновременно ответственность перед временем и соотечественниками. Сознательно или нет, но он не может примириться с безнравственностью, человеческой глупостью, чванством, подлостью, жадностью:

...Ответ дураку — молчание.
Хвастливому — невнимание.
Чванливому — осмеяние.

7 января 2010 г.

Поэт верит в человеческий разум, без которого нет развития цивилизации, как без поэзии нет духа, надежды и оптимизма, нет той внутренней силы, которая может помочь преодолеть любые преграды.

Так в своих стихах Н.Ковалевич изображает жизнь, стремящуюся к гуманным духовным целям, которые помогают человеку осознать смысл и назначение высших христианских моральных ценностей:

... О снисхожденье
не прошу,
Не жду
от времени
пощады,
Я
лжепророкам
не служу...
Какой ещё
хотеть

награды?

30 марта 2010 г.

Как видим, флористическая лексика в литературе белорусско-польского пограничья является важным средством отражения культуры и духовности народа, проживающего здесь. И вместе с тем отражение христианской культуры народов пограничья в стихах Н.Ковалевича – это ещё одна попытка помочь читателю определить своё место в социуме и Мироздании, понять и принять этот прекрасный и одновременно такой загадочный мир, в котором есть и хорошее, и дурное, научиться выбирать свою стезю в жизни, следуя традициям предков и обогащая их. Как справедливо заметил П. Коэльо в своей книге «Мактуб», если мы будем смотреть нашу «ленту жизни только со своими провалами и неудачами, то застынем в душевном столбняке. Если будем смотреть только ленту, где отражён наш многогранный опыт, – покажемся себе, в конце концов, мудрее, чем мы есть на самом деле. Обязательно надо смотреть обе» [9, с. 16]. Христианская культура и её отражение в стихах Н.Ковалевича как раз и помогает читателю смотреть обе ленты жизни, а значит, становится мудрее.

Литература

1. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – М.: Изд. дом «Инфра – М», 1993. – 264 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека, М., 1999. – 385 с.
3. Борисова, Е.Б. О лингвопоэтическом методе исследования художественного текста / Е.Б. Борисова, Л.М. Козеняшева // Известия Самарского научного центра РАН. Актуальные проблемы гуманитарных наук, Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. № 2. – С. 20-28.
4. Борисова, Е.Б. Слова ландшафтного ряда в английской и русской литературной традиции // Текст как объект лингводидактического исследования и как элемент культуры: Межвузовский сборник научных трудов, Самара: Изд-во «Слово», 1998. – С. 24–29.
5. Жигалова, М.П. Этновitalность и мультикультурность в литературе: Интерпретация и анализ: монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 305 с.
6. Жигалова, М.П. Понять ленту жизни... / В кн.: Н.Ковалевич. Элегий светлая крылатость: сб. стихов, Брест: ОАО «Брестская типография», 2015. – С. 3–29.
7. Ковалевич, Н. И. Элегий светлая крылатость, Брест: ОАО «Брестская типография», 2015. – 416 с.
8. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 348 с.
9. Коэльо, П. Мактуб. – Москва : АСТ, 2013. – 252 с.
10. Маслова, В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 204 с.
11. Складарская, Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С ХУДОЖЕ- СТВЕННЫМИ ТЕКСТАМИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА)

Введение. *Объектом* нашего исследования являются художественные тексты экологического характера и методы работы с ними на практических занятиях с иностранными студентами в техническом вузе.

Актуальность заключается в том, что сегодня, в эпоху технологизации и прагматизма, вопрос о чистоте человеческой души, об охране душевного состояния, а также забота о чистоте и развитии души, не менее важен чем экология природы. Умеем ли мы радоваться и сострадать, сочувствовать, сопереживать, творить добро, быть милосердными и откликаться на чувства других и держать свою душу открытой. Понимаем ли мы, насколько это всё морально ценно, насколько оно способствует благополучию человека, общества в целом. Всё это и есть экология души.

В современном мире русские учёные (И.П. Герасимов, А.М. Гиляров, В.Г. Горшков, К.С. Лосев, Н.Н. Моисеев, Я.П. Наумов, В.В. Розанов и др.) и зарубежные (Ю. Одум, Цж. М. Андерсен, Э. Пианка, Р. Риклефс, М. Бигон, А. Швейдер, Т. Миллер и др.) рассматривают эту проблему с метапредметных позиций, в том числе, и с позиций педагогических (Т. Я. Ашихмина и др.). Подчёркивается, что сегодня важно больше внимания уделять вопросам экологической культуры, в том числе и в университетах, чтобы повысить интерес обучающихся к законам природы и строгому следованию им.

Проведённый среди учащихся и студентов университета опрос, изучение интернет-ресурсов по теме показали, что не все опрошенные знакомы с понятием «экология души»; не все знают, а самое страшное, не все считают нужным заботиться о «чистоте» души. Это помогло нам сделать вывод о том, что и художественный текст экологического характера будет способствовать формированию экологической культуры, поможет студенту-читателю задуматься и над вопросом экологии души, путях её очищения.

Целью нашего исследования является представление разнонаправленной аналитической работы с прозаическим текстом экологического характера малой формы на практических занятиях.

Для её реализации необходимо решить следующие задачи:

- произвести отбор материала, предназначенный для интерпретации и анализа на практическом занятии;
- познакомиться с читательским восприятием прочитанного;
- произвести интерпретацию и анализ прочитанного с целью обогащения лексического запаса, осмысления прочитанного и формирования экологической культуры обучаемых.

В своей статье мы и показали один из фрагментов работы с художественным текстом экологического характера, который поможет задуматься над сво-

ими и чужими делами и поступками, увидеть пути очищения души и, может быть, таким образом поможет миру стать добрее.

Материалы и методы. Используя авторский метод художественной интерпретации, попытаемся показать, как в рассказе Э. Скобелева «Невинную душу отнять» (1989) решается экологическая проблема, раскрывается подлинная мудрость в постижении гармонии между природой и людьми, определяется значимость той самой гармонии души, которая должна присутствовать в каждом человеке, а значит, и во всём мире. Автор рассказа уверен, что, если в мире будут царить ложь и алчность, катастрофа неминуема: «Как убедить, что нужно жить правдиво, честно и открыто?» [8, с. 134]. «Жизнь не игра, а время испытаний: ты человек или не человек?» [8, с. 109].

Используя на практических занятиях авторскую типологию анализа художественных произведений [1, с. 105–106], покажем её эффективную реализацию на примере работы с рассказом Эдуарда Скобелева «Невинную душу отнять».

Сначала мы предлагаем иностранным студентам познакомиться с фрагментами биографии писателя и историей создания произведения. Затем, после прочтения, выявляем читательское восприятие, сопоставляя интерпретацию с мнением литературоведов. И только после этого приступаем к анализу.

Студенты отмечают, что в творчестве русскоязычного писателя Беларуси, публициста, поэта, литературоведа, критика *Эдуарда Мартыновича Скобелева*, мысль об экологии души становится ведущей, потому что известно, что только чистая душа может рождать чистые помыслы и дела. И писатель-пророк, остро чувствующий природу, понимает это. А значит, такому человеку всегда дорог мир, в котором он живёт. Но не менее значим ему и день завтрашний. Будет ли он? И что необходимо делать человечеству, чтобы этот мир состоялся.

Современные исследователи подчёркивают разносторонний характер творчества писателя [3; 4]. И вместе с тем, замечают, что, по мнению писателя, «жизнь – это гармония. Там, где она нарушена, – страдание и гибель» [5, с. 333]. Поэтому многие герои Э. Скобелева озабочены будущим Планеты, Матери-Земли и понимают, как важно эту главную проблему выживания человечества решать всем вместе. Так, Луийя, героиня его романа «Катастрофа», утверждает, что «нет большего горя, если человечество выйдет в космос разобщённым» [6, с. 266], ведь «...человеку больше всего нужно...не благосостояние, а безопасность человечества, с которой только и начинается всё остальное» [6, с. 265]. Другой герой его романа «Пересечение параллельных» Веремич замечает, «чтобы избежать вселенской катастрофы, человек должен следовать уже известным заповедям: видеть добро, стремиться к добру и всеми силами сопротивляться злу...морально всё то, что отвечает интересам человечества как космического целого, что уравнивает народы в праве влиять на общие судьбы, что спланирует и укрепляет мир...» [7, с. 389]. В своём дневнике Альфред пишет: «Не оставить бы детям мир, неприглядней, чем есть». И далее он размышляет: «Какой быть жизни, чтобы были лучше люди? Каким быть людям, чтобы жизнь была богаче и полнее?» [7, с. 509].

Некоторые из студентов-читателей интерпретируют прочитанное, высказывая свои суждения: «Когда читаешь его произведения, невольно на ум приходит мысль об экологии жизни вообще: природы-Матери и всей Планеты, чистоты

человеческих отношений, экологии человеческой души...»; «Действительно, самое большое заблуждение всего человечества сегодня заключается, наверное, в том, что оно уверено, что природа подчиняется ему, что человек создал свои законы Природы, по которым она должна жить».

Подытоживая отзывы читателей о прочитанном, преподаватель подчеркнёт, что «На самом деле, всё происходящее ныне на планете свидетельствует об обратном. Природа не только создала свои законы, но гораздо дальше человека пошла в плане нравственном. Она гораздо сильнее человека и как Мать-кормилица прощает ему многие «грехи», но всегда его любит и примет любого [2].

Анализ текста начинается с выполнения *притекстовых заданий*, а позже студенты обращаются к *послетекстовым*, которые и помогут выявить не только знание прочитанного, но и поработать над эмоциональной стороной восприятия содержания, формирующего экологическую культуру обучающихся. Приведём примеры таких заданий.

Притекстовые задания (Задание 1. Прочитайте рассказ Эдуарда Скобелева «Невинную душу отнять». Разделите его на смысловые части. Озаглавьте их. Составьте план. Задание 2. В каждом из смысловых частей прочитайте ещё раз фрагмент и скажите, о чём он?). *Послетекстовые задания* (Задание 1. Ответьте на вопросы: *Чью жизнь описывает автор? Что случилось с Лосихой? Как на это отреагировал Лось? О чём этот рассказ?* Задание 2. Как вы понимаете слова автора: «*Отчего вы, люди, не цените, не умеете ценить то благо, которое даровано вам по рождению?*». Задание 4. Найдите в тексте и прочитайте, какие чувства испытывают животные Лось, Лосиха и люди – охотники. Как эти чувства их характеризуют? Задание 5. Напишите, какие чувства у вас вызвал этот рассказ. О чём заставил задуматься?).

Результаты и обсуждения.

Обратимся к конкретным примерам, взятым из текста рассказа и покажем, как можно вести на практических занятиях разнонаправленную аналитическую работу с прозаическим текстом экологического характера малой формы.

Описание жизни Лося и Лосихи заставляет читателя почувствовать человеческую чёрствость, ощутить всю боль трагедии семьи животных, испытать жгучую ненависть к людям-убийцам. Правда, природа не проявляла ненависти к этим людям. И в этом нет ничего удивительного, ведь природа-Мать не может ненавидеть своих детей, она любит их потому, что они есть. И потому, наверное, справедливо замечено, что «умное дитя жалко раз, а глупое – дважды». Тема рассказа – взаимоотношения человека и природы. Идея – гармония или дисгармония? Автор высказывает опасение: гармония человека и природы нарушена, и сегодня они чаще живут в атмосфере непонимания, вражды. А надо бы «прильнуть к Матери-Природе, довериться ей полностью».

Можно предположить, что рассказ написан по следам аварии на Чернобыльской АЭС, произошедшей в 1986 году. «Подозрение о какой-то страшной беде, постигшей лес и лесных жителей, а вместе с тем и Лосиху, зародилось, когда Лось увидел на берегу реки дохлых вьюнов и небольшого сома, а в ольшанике наткнулся на труп болотной совы. Вот тогда он вспомнил о том, что аисты, две семьи, жившие за лугом у реки, ближе к деревне, давно снялись с обжитых мест и улетели. Или они тоже погибли? Присмотрев за собой, что он

тоже стал быстро уставать и часто испытывал боли в брюхе, Лось решил уйти из этих гиблых мест, и Лосиха покорно последовала за ним, хотя переходы давались ей с большим трудом» [9]. Автор начинает свой рассказ о жизни животных с ряда вопросительных предложений: «Может, он совсем постарел и разучился скользить почти бесшумной тенью? Может виною тому предчувствие, что он теряет Лосиху навсегда?». Читатель узнаёт судьбу этой пары животных: как они встретились, как были счастливы, как умели чувствовать красоту, которая их окружала: «Она (Лосиха) любила взбираться на песчаный холм и смотреть оттуда, как за лес спускалось солнце...и звуки глохли, и всё живое умиротворённо провожало эту великую радость – солнце» [9]. И вдруг... Блеск в глазах Лосихи пропал, когда у неё родился мёртвый телёнок. Что стало причиной, никто не знал, но почему-то всё реже она стала пить воду из реки, предпочитая пить из ручья или болота; стала избегать привычных мест кормёжки. Перестали прилетать сюда аисты. И вскоре Лось и Лосиха покинули это гиблое место. Лосихе становилось с каждым днём всё хуже. «К людям! – тотчас решил Лось, хотя они и не вызывали у него большого доверия. Но более слабый всегда верит в помощь более сильного» [9]. Гармония в рассказе заканчивается тогда, когда появляется человек, нарушающий покой природы. Он бессмысленно и грубо уничтожает всё на своём пути (даже Лось и Лосиха погибают от руки человека!). Автор подчёркивает, что всё живое пережило столько горя, и, казалось бы, это должно было объединить людей и животный мир, ведь несчастные Лоси отправлялись к людям за помощью. Но оказалось, что даже горе людей ничему не научило: они продолжают уничтожать природу и тех, кому всё-таки удалось выжить в этой катастрофе: «Отчего вы, люди, не цените, не умеете ценить то благо, которое даровано вам по рождению? Посмотри, человек, сколько вокруг живого цвета!» [9].

Это подчёркивает и *композиция* рассказа. Рассказ начинается с того, что Лось отправился за помощью к людям и потерял свою Лосиху. Его мучают горькие предчувствия, но он продолжает её искать. *Ретроспективный план* помогает понять историю знакомства животных, их трагедию – смерть лосёнка и следующую за ним болезнь Лосихи. И надежда у Лося теперь только на человека, к которому он и отправляется за помощью. Однако вместо помощи их ждало убийство: во дворе дома он находит зарубленную топором хворую Лосиху, а слёзы в глазах Лося свидетельствуют о его глубоких чувствах. Смерть здесь ждала и его, могучего, сильного и мудрого. «Лось был, конечно, уже стариком. Правда, ещё крепким, даже могучим. Он носил самые ветвистые и тяжёлые рога во всей округе, одним ударом которых пришиб как-то громадного волка-пришельца». Лосиха была романтической, кроткой тихой: «Она любила бродить по незнакомым местам, умела чувствовать красоту. Напрягаясь всем телом и наставляя уши, она благоговейно смотрела на реку, вечную плынь, слушала пение лесных птиц» [9].

Заметим, совсем по-другому описывает автор людей-убийц: «Было ясно, что эти плотные, как брёвна люди, в телогрейках и треухах, провонявшие жжёным табаком и мерзкою водою, убили хворую Лосиху, когда она пришла просить о помощи» [9]. Ещё большее пренебрежение и даже отвращение к людям описывает автор в сцене дележа мяса убитой Лосихи: «Выпьём мужики за мир на

земле и наше взаимное понимание!» [9]. *Концовка рассказа* лишь дополняет образ жестоких убийц: они решают, кому какой кусок мяса достанется, после того, как будет нанесён последний выстрел в уже умирающего Лося: «Старый Лось отбросил всякую мысль о мести. Он мог бы расшвырять или даже забить насмерть этих убийц, но он слишком сознавал, как они жалки в своём преступлении и как несчастны, если не понимают и никогда не поймут своего несчастья. Лось не испытывал страха и даже считал, что после смерти Лосихи, смерти, которую он ускорил, ему больше нечего делать на земле» [9]. Одной из *сильных позиций* рассказа, представляющих концепцию автора, его мнение, является описание «священного обряда» у животных – их поведение во время захода солнца: «Момент, когда солнце опускалось, был священным – никто не пил воду, никто не кормился, никто не охотился. Все понимали, что они равно ничтожны перед этой могучей рекою тепла и света, и, если не подтвердят своё восхищение, светило может не явиться, и ночь затянется, и это разрушит всё течение жизни» [9]. Животные ощущают вышестоящую силу, поклоняются ей, трепещут перед ней. Это подтверждает лишь то, что у животного мира, у мира природы есть своя религия, и Бог жизни – это вечное Солнце, которому они поклоняются, чего не скажешь о человеке. Может быть, поэтому автор, сравнивая человека с животным, пытается сказать, насколько животные во всех отношениях благороднее, нежели люди.

Это отчётливо продемонстрировано автором рассказа на отношениях Лося и Лосихи. С каким трепетом и любовью Лось относится к своей любимой, особенно во время её болезни: как ухаживает за ней, оберегает, пытается накормить: «Ночами Лось располагался на снегу с неветреной стороны, прикрывая собой Лосиху, или вовсе дремал, стоя подле неё... Старый Лось, жалея подругу, иногда лизал её нос и волосатый подбородок» [9]. Даже когда Лосиху убили, Лось не убежал, он остался преданно ждать смерти рядом со своей любимой: «Бедная моя любимая Лосиха! Видишь, я не изменил тебе, не побежал прочь...» [9]. Примечательно также и то, что названия животных автор пишет с большой буквы неслучайно, придавая, таким образом, этой паре животных большую значимость, подчёркивая их величие и превосходство над людьми. Заметим, что никому из людей-убийц автор имени не даёт. И это тоже неслучайно. Имя имеют люди, а убийцы – нелюди. Они хуже животных. Э.Скобелев подчёркивает, что животным неведомо чувство предательства. А человеку...? Экология души, чистота человеческих отношений – вот что выходит здесь на первый план.

Структурный тип речи, используемый в рассказе, лишь подчёркивает это. Рассказ ведётся от разных лиц. Сначала от лица нарратора (рассказчика), затем автора, затем функцию рассказчика писатель передоверяет своему персонажу – Лосю («Мы, животные, ...», «Нам, зверям, ...» и др.). Автор будто бы самоустранился. Лось (персонаж) сам рассказывает о себе, о других животных, о том, что они чувствуют и о чём думают. Такой приём стилизации придаёт событиям характер достоверности, а рассказу колорит подлинности. Явной является и *фигура адресата* в произведении. Автор обращается к читателям с просьбой одуматься и остановиться, понять, наконец, своё неразрывное единство с природой и родной землёй. *Объективная модальность* в рассказе уста-

навливается через категорию сначала изъявительного наклонения глаголов («любила», «увидел», «вспомнил»), затем повелительного («прильните», «не бойтесь», «думайте») и указывает на повествование – рассуждение о вечных ценностях жизни [2]. *Монолог* (Лося) и *диалог* (разговор двух мужчин, совершивших убийство Лося), использование писателем изобразительно-выразительных средств таких, как: сравнения («плотные, как брёвна»), отсутствие имён при описании людей («...завопил голос», «...сказал другой голос») демонстрируют авторскую позицию писателя, его отношение к событиям и персонажам.

Эмоциональное состояние Лося автор передаёт в его *философских рассуждениях о жизни*: «Было ясно..., что они убили хворую Лосиху, когда она пришла просить о помощи... Он мог бы расшвырять и даже забить насмерть этих убийц... Но он слишком сознавал, как они жалки в своём преступлении и как несчастны, если не понимают и никогда не поймут своего несчастья» [9]. Нового трусливого выстрела, который оборвал и его жизнь, раненый Лось уже не слышал... Невинную душу отняли люди, стрелявшие, прежде всего, в самих себя. Понимают ли они это...? Таким вопросом задаётся и писатель, и читатель.

Э. Скобелев в монологе умирающего Лося, мудрого философа, продемонстрировал мир глазами животного неслучайно [2]. Он лишний раз подчеркнул, как несовершенны взаимоотношения человека и природы: «Как же слабы вы, могущественные люди, умеющие седлать железных драконов! И как беспомощны перед хищной своей глупостью! Как умеете видеть собственное сердце и собственную душу! Как далеки голосам и чувствам взлелеявшей вас Матери – природы! Плоды ваши несовершенны, потому что несовершенны вы сами. Вы тянетесь к тому, что бесполезно, восхищаетесь тем, что бессмысленно, служите тому, что преступно. Вы всегда искали и ищете того, кому можно приписать все свои слабости, перед кем можно покаяться в тайных пороках, от кого можно получить согласие на всё, что хотите... Посмотри, сколько вокруг чистого воздуха, сколько зелёных трав и злаков, сколько прекрасной, утоляющей жажду воды! Разве ты ценишь эти блага? Разве не роешь каналы, не осушаешь болота, не загрязняешь реки? Но когда приходит беда, ты мечтаешь о глотке воды больше, чем о куске хлеба, разве не так? Когда приходит беда, ты вспоминаешь о воздухе, который отравляешь пожарами и запахами ядов своей скученной жизни. Ты не ценишь то, что принадлежит всем в равной степени, но это самое бесценное и самое святое. Мы, звери, сознаём это, а ты, быть может, ещё только начинаешь толковать об этом, не понимая, что истекает время твоего прозрения и нужны не слова, а новая мораль... Вам кажется, что все мы, животные, на одно лицо, все подобны друг другу – зайцы, лоси, волки, лягушки. Но у каждого из нас своё неповторимое лицо и своя неповторимая судьба. Когда вы осознаете это, вы, конечно же, иначе построите свои связи с землёй и с живыми тварями на ней, – они перестанут быть мишенью непоследовательности и невежества, несовершенства и провалов морали. Ради вас, не ради себя хочу понять, отчего так происходит, что безвинную душу лишают жизни, на которую не имеют никакого права» [9].

В ходе исследования мы пришли к выводу, что, знакомя иностранных студентов на практических занятиях по русскому языку с текстами экологического

содержания, преподавателю важно учитывать не только характер заданий и последовательность их выполнения, но и содержание текстов, следуя их мотивированному отбору.

Заключение. В статье была представлена нами разнонаправленная аналитическая работа с выбранным прозаическим текстом малой формы экологического характера, которая проводилась на практических занятиях. Она показала, что рассказ, предназначенный для интерпретации и анализа на практическом занятии, дал возможность студентам познакомиться с его содержанием, произвести интерпретацию и анализ прочитанного, обогатить свой лексический запас, осмыслить прочитанное, понять, что рассказ Э.Скобелева «Невинную душу отнять» – это обращение к читателям-современникам, призыв позаботиться о чистоте своей души, одуматься, осознать свою ответственность за всё, что беспечно разрушается человеком в природе. А значит, сделать вывод о том, что работа с художественными текстами экологического характера содействует формированию экологической культуры обучающихся.

Литература

1. Жигалова, М.П. Типология анализа произведений русской литературы / М.П. Жигалова. – Брест: БрГУ, 2004. – 300с.
2. Жигалова, М.П. Не стреляйте в самих себя... (по рассказу Э. Скобелева «Невинную душу отнять») // Русский язык и литература / М.П. Жигалова. – Минск, 2012. – № 4. – С. 17–20.
3. Русскоязычная литература Беларуси конца XX – начала XXI века: сб. научн. статей / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2010. – С.10–15.
4. Боровко В.Ю. Специфика художественной прозы Э. Скобелева // Русскоязычная литература Беларуси / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред) [и др.]. — Минск: РИВШ, 2010. – С. 4–9.
5. Скобелев, Э.М. Гефсиманский сад: (Блуждание современного духа) / Э.М.Скобелев. – Минск: Мастацкая літ., 1993. – 334с.
6. Скобелев, Э.М. Катастрофа / Э.М.Скобелев. – Минск: Мастацкая літ., 1994. – 349 с.
7. Скобелев, Э.М. Пересечение параллельных / Э.М.Скобелев. – Минск: Мастацкая літ., 2005. – 509 с.
8. Скобелев, Э.М. Минская тетрадь / Э.М.Скобелев. – Минск: Звёзды гор, 2008. – 224 с.
9. Скобелев Э.М. Пацаны украли остров. Невинную душу отнять. – Минск, 2010.

Д. Кокудович

*(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь)*

ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИИ В РОМАНЕ Л. М. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»

Роман Л. М. Леонова «Русский лес» – значимое произведение в культурной жизни России второй половины XX века. Это роман, в котором сюжетообразующими центрами стали несовместимые проблемы общественной, культурной и

духовной жизни народа – судьба русского леса и будущее России, борьба двух направлений в учении о лесе, наука и лженаука.

Лес в романе – художественный символ и главный герой произведения, который способствует раскрытию образов персонажей, их психологии и поступков. Именно лес сыграл важную роль в формировании жизненной позиции ученого Вихрова: «К революции я шел, – заявил герой, – своим лесом, и сказать правду, вследствие постоянных побоев, довольно дремучим лесом» [1, с. 102]. Логичным является тот факт, что Иван Матвеевич стал защитником леса. На предложение Таисии Матвеевны уехать из Москвы, бросить институт в отчаянное, беспокойное время и вернуться в Пустоша («Пришел ты из лесу и возвращайся в лес» – порой говорила она) ученый отвечал: «Видишь ли, сестра, деревья на краю леса получают больше света и пищи, без утеснения растут... оттого повыносливей. Вот и меня природа поставила вроде дуба на опушку, для ограждения от напрасного ветровала. Как же мне уйти отсюда?... корешки себе же рубить придется <...>» [1, с. 54–55].

Мировоззрение Вихрова сложилось под влиянием многих факторов, при этом особую роль сыграли общение и беседы подростка Вани с Калиной. Лесник Глухов охотно объяснял мальчику свою веру, ставшую впоследствии верой и самого Ивана Матвеевича. Отсвет немногословной дружбы солдата бессрочной царской службы и простого крестьянского паренька сохранился в сердце Вихрова на всю жизнь. [1, с. 88].

Лес как один из главных сюжетобразующих образов книги определил судьбу, научные успехи Вихрова. Об этом он не раз заявлял: «Лес для меня не профессия, а призвание: от души никуда не сбежишь. Дали бы мне вторую жизнь, я повторил бы ее в том же духе» [1, с. 684].

Судьба леса в романе достаточно противоречива. Несмотря на то, что «история уготовила лесу почетное место и имя кормильца, благодетеля и защитника русских людей, он, исправно неся службу на пользу общества, часто оказывался в роли пасынка» [2, с. 46]. Вихров, глядя на небрежное и безжалостное отношение людей к природе, говорил: «Да <...> не любят леса на Руси. Действует до сегодня древлянская память о непосильном труде, затраченном на раскорчевку необозримых пашен. Но я бы голодом заморил наших генералов от просвещения, не сумевших за двести лет привить народу чувство если не благодарности, то хотя бы справедливости к безгласному зеленому другу» [1, с. 182].

Наиболее полно теория постоянного лесопользования была изложена в книге Ивана Матвеевича «Введение в науку о лесе» [1, с. 398–402]. В ней Вихров пришел к заключению, «<...> что целью лесного хозяина должно являться поддержание леса в состоянии, наиболее выгодном для получения отличной древесины в наибольшем количестве. Для этого рубки, согласованные с приростом и возрастом леса, должны были возмещаться правильным возобновлением его и вестись с таким расчетом, чтобы ко времени вырубки последней лесосеки на первой успевал выпеть новый, промышленного качества лес» [1, с. 399]. Но эпоха и время высветили уязвимые места в вихровской теории. «Во всем мире, – писал Л. Леонов, – начальный прогресс подымался по древесным ступенькам <...>» [1, с. 98]; в России же на протяжении многих веков лес служил «<...> не

только одним из источников народного существования, но и безответной ресурсой государственной экономики <...>» [1, с. 259].

Для автора лес – это раздумья о прошлом, настоящем и будущем Родины и народа. Действительно, стоит внимательно вслушаться в лекцию, которую читает студентам ученый Иван Вихров, чтобы понять, что за его размышлениями о русском лесе скрывается целая философия жизни и места в ней каждого поколения. Основу этой философии составляют уроки народной мудрости, полученные Вихровым в детстве и юности. Легендарный Калина Глухов учил Ивана Вихрова беречь лес, иначе «прозябнет земля без своей зеленой шубейки... Будет коровка по семи верст за травинкой ходить, а раньше с аршина наедалась. И будет вам лето без тучек, иная зима без снегов... И поклянут люди свое солнышко!.. И как побьете до последнего деревца русские то леса, тут и отправитесь, родимые, за хлебушком на чужую сторонку» [1, с. 402]. Отталкиваясь от мысли о том, что «народу нашему жить вечно на этой священной земле», Вихров приходит к выводу о необходимости разумного отношения к природе. «Нет такого пункта в едином организме природы, длительное воздействие на который не сказалось бы в самых отдаленных областях» [1, с. 410].

В романе звучит актуальная для современной литературы мысль о бережном отношении ко всему живому на Земле. Лес – это не просто древесина, это не только зеленые ели да березы. Лес является частью Отечества. Образ леса становится в произведении смысловым центром, к нему сходятся все сюжетные линии романа, его важнейшие идеи. Природа, лес для Л. Леонова – это могучий источник духовной силы, это олицетворение русской земли, тех ценностей, которые накоплены народом за его тысячелетнюю историю. Раскрытие философского смысла произведения помогают ключевые сцены романа, в частности три встречи у родничка. В заветном уголке леса происходит таинство рождения великой русской реки, олицетворяющей народную душу, Россию. Хранителем этой святыни автор называет Вихрова. Отношение к родничку показывает чистоту души героя и подлость Грацианского, которому ничего не стоит воткнуть палку в родничок, словно в бьющееся сердце человека. В маленьком эпизоде обнажается глубинная суть конфликта между героями романа: Вихров защищает не просто исток реки и русский лес, он утверждает своими идеями и делами жизнь. Преемственность поколений воплощается в образе мальчика Калинки, который продолжает охранять родничок. Именно в таком контексте станет понятным глубокий смысл произведения, в котором Л. Леонов показал взаимосвязь вопросов экологии с проблемами духовной жизни народа и истории.

Литература

1. Леонов, Л. М. Русский лес / Л. М. Леонов // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Колос, 1984. – Т. 9. – 702 с.
2. Мочульский, К. Великие русские писатели XIX в. / К. Мочульский. – СПб. : Алтейя, 2000. – 160 с.

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В ПОВЕСТИ МИХАИЛА ЛОГИНОВА «КЛЮЧ ОТ ГОРОДА АНТОНОВСКА»

В XIX веке в Великобритании начался процесс индустриализации. Промышленная революция, произошедшая в последней трети восемнадцатого столетия, постепенно охватила большинство стран Европы, США и дошла до России. Машины достаточно быстро стали внедряться в производство и так же скоропостижно вытеснили ручной труд. За этим последовал непрерывный технический прогресс. «Темп изменений становится катастрофически быстрым по сравнению с прежними временами», – считает историк-медиевист Н.А. Хачатурян. [1, с. 192] Уже к середине XX века всемирная индустриализация достигла огромного роста. Только спустя 50 лет непрерывного использования различных машин и технологий человек задумался о последствиях технического прогресса. В XXI веке этой глобальной проблемой занимается экология.

Несмотря на позднее осмысление влияния человеческой деятельности на природу, слово «экология» вошло в научную лексику на рубеже XVIII-XIX веков. На тот момент оно имело одно значение – «взаимоотношение организма с окружающей средой» [2, с. 1]. Сейчас по словарю Ожегова у него два смысловых варианта. Первый: «наука об отношениях растительных и животных организмов друг к другу и к окружающей их среде» [3, с. 1356]. Второе: «состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношения друг к другу и к окружающей среде» [3, с. 1356]. Если обобщить то, это взаимодействие человека или даже общества с окружающей средой.

В России индустриализация началась примерно в 1830–1870 годы. Законодательно этот процесс был закреплён в апреле 1927 года IV съездом Советов СССР. После трех пятилеток она окончательно закрепилась и принесла свои плоды как положительные, так и отрицательные. Однако о влиянии человека на природу посредством механических машин в России задумались лишь в конце 20 века. В 1988 году был создан Государственный комитет охраны природы СССР. Несмотря на это в отечественной литературе писатели задолго до появления организации, изучающей данный вопрос, задумывались о проблемах экологии. В конце XIX века Антон Павлович Чехов написал пьесу «Дядя Ваня», затрагивающую проблему экологии. В 1957 году Леонид Леонов выпустил роман «Русский лес» о настоящем и будущем страны, тесно связанных с сохранностью природных богатств. Спустя 19 лет два писателя задумались о проблемах экологии – Валентин Распутин со своей повестью «Прощание с Матёрой» и Виктор Астафьев с «Царь-рыбой». В 1981 году **Васильев написал роман «Не стреляйте в белых лебедей»**. И многие другие писатели в разные годы XX века обращались к темам экологии. Большинство из этих произведений изучаются в школе и сейчас.

В XXI веке проблемы взаимодействия человека и природы множатся и растут. «Современное состояние природной среды характеризуется наличием глобальных экологических проблем: сокращение озонового слоя и загрязнение атмосферы, трансграничное перемещение загрязняющих веществ, изменение климата, сохранение биоразнообразия, кислотные дожди, опустынивание, ресурсный кризис и т. п.», – обобщает Ю. А. Саранкина [4, с. 193]. Естественно, в современной литературе тема экологии не менее значима, чем в прошлые два столетия. Проблемы взаимодействия человека и природы проникли как в элитарную беллетристику, например, «Кысь» Татьяны Толстой, так и в массовую литературу – «Метро 2033» Дмитрия Глуховского. В данных примерах отражен фантастический антиутопический мир, который явно гиперболизирует проблему и доводит ее до всемирного масштаба.

В 2015 году была опубликована повесть «Ключ от города Антоновска» Михаила Логинова. Произведение получило третью премию четвертого Конкурса Сергея Михалкова в 2014. Книга относится к детской прозе, но показывает типичную экологическую проблему современных реалий.

В повести рассказывается о компании детей, которые проходят вместе испытания, лишь укрепляющие их дружбу. Главным событием, требующим срочного решения, становится – экологическая угроза родному городу. В произведении отчетливо пропагандируется дружба и взаимовыручка.

Проблему данной работы можно обозначить следующим образом: «Как отображается проблема экологии в современной детской литературе на примере произведения «Ключ от города Антоновска» Михаила Логинова?». Наша цель – выявление особенностей отображения проблемы экологии как объекта художественного осмысления в современной детской литературе в указанном произведении. Задачи: изучить и провести анализ повести «Ключ от города Антоновска» Михаила Логинова и определить особенности отображения экологической проблемы в данном произведении как примера детской прозы.

Повесть состоит из пролога, трех частей и эпилога. Главная проблема, которая выдвинута в аннотацию книги, приходится лишь на последнюю часть. До этого момента герои справляются с испытаниями, которые делают их дружеские узы сильнее и крепче. Важно отметить, что перед читателем разворачивается настоящее приключение в современной России. Каждая из угроз имеет свой статус сложности. В тексте это никак не обозначается, но автор словно готовит героев к самому тяжелому испытанию. Компания из 5 ребят сталкивается с легким, средним и сложным уровнем проблем. Первый: «Балбесы» – мальчишк-хулиганы, которые занимаются вандализмом и мешают спокойной жизни граждан города. Они снимают свои «подвиги» и выкладывают в интернет. Вторая: наркодиллеры, которые охотятся за главным героем – основным свидетелем по их делу. Третья: угроза создания мусорного полигона в городе Антоновск. Читатель должен понять масштаб экологической проблемы. Именно для этого на ней акцентируется внимание, ведь все предыдущие испытания – лишь прелюдия.

Здесь мы можем отметить направление повести, которое и делает создание мусорного полигона не менее серьезной проблемой, чем угрозы и преследование от криминальных субъектов. Экологическая проблема в произведении реалистична, приближена к бытовой среде. В произведении не говорится о гло-

бальных вещах таких, как сокращение озонового слоя, изменение климата или кислотные дожди. Речь идет о том, что может произойти с любым маленьким городком близ огромного мегаполиса. Направление данного творения – реализм. Как известно, это ряд произведений разного периода, в основе которых художественный метод, изображающий «жизнь в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и создаваемых посредством типизации фактов действительности» [5, с. 1].

Читатель видит объективное изображение современного мира. Улицы города описываются так, что в деталях можно увидеть любой маленький город России: «<...>, и все дворы открыты, ни одного замка на воротах и калитках, как в Москве! ... Вокруг дома тянулись высоченные липы и тополя, улицы почти не было видно из-за зарослей сирени, хотя кусты еще не зазеленели» [6, с. 13–14]. В письме главного героя так же дается типичное описание городка в области: «В городе много разных интересных мест. Например, старый завод, <...>. Еще есть старый графский парк и огромная водонапорная башня на вокзале» [6, с. 16–17].

Типичность показана и в портретах героев. Перед читателем предстает компания из 5 человек. С приезда Саши в город начинается завязка истории. Он – 13-летний мальчик с высокими моральными принципами. Юноша любознателен, храбр и дружелюбен. Стандартный главный герой. Однако среди положительных черт появляется и момент малодушия – страх. Однако это чувство обусловлено ситуацией, в которой оказывается герой. Скрываясь от наркоторговцев, он спокойно живет в Антоновске, ожидая возможности дать показания полиции. В это время его отчаянно ищут криминальные личности, чтобы заставить молчать. Наступает момент, когда его находят. И наш герой, естественно, боится, представляя наихудшие исходы поимки.

Его вытаскивают из тревожных мыслей новые друзья. Для читателя в произведении даны разные типы персонажей: и бунтарка, и гений-хакер, и простачок-механик, и отличница. При этом у каждого героя можно отметить индивидуальные черты. Аня – активная спортсменка, любит историю и является заводилой компании, «легко может выписать путевку в травмпункт...». Витька – мастер на все руки, но простоват. Он больше практик, чем теоретик, поэтому в учебе не слишком хорош. Ему нравится Вика, которую в компании зовут «Вичка-ботаничка» или «Вичка-юридичка». Она выросла в приличной семье. Ее отец – заместитель мэра Антоновска. Она самая умная из компании, но душа девочки лежит к выращиванию цветов и овощей. И, наконец, Лешка – будущий айтишник, который заботится о больной матери. Больше внимания уделяется характерам героев, так как представлению внешности помогают иллюстрации. Автор несколько идеализирует героев, придавая им облик неких осовремененных пионеров. Ребята активны, любят учиться и узнавать новое, ценят и любят малую родину, отчего и борются с вандализмом «Балбесов». В компании преобладают негласные правила, которые созвучны с законами пионеров советского союза: преданность родине (в нашем случае малой), равнение на героев труда (в авторитете ребят историческая личность князь Юрий, дедушка Витьки – потомственный ключник дядя Боря, тринадцатилетний воевода Иван Николаев, управлявший в одиночку Забайкальем), настойчивость в учении, труде и спорте, честность и верность товарищам. Возможно, Михаил Логинов дал разнообраз-

разных героев с типичными характерами, но с общими правилами о дружбе и взаимовыручке, для ориентира и стремлений маленьких читателей.

Несмотря на это нет четкого деления на положительных и отрицательных персонажей. Например, появляется Коля – один из «Балбесов». Именно в случае этого героя мы прослеживаем неоднозначный характер. Его берут в плен ребята, но он остается им благодарен за некое спасение. Позже, чтобы подзаработать, Коля почти сдает Сашу наркодилерам, но вовремя решает рассказать все компании. Несмотря на это, парень остается среди «Балбесов» и даже берется за незатейливую работку – по заказу изменить названия улиц с обычных на разного рода мусорные. Однако после лекции компании наших героев меняет свою позицию и помогает в плане по спасению города от экологической катастрофы. То же касается и взрослых, которые собираются принять предложение инвесторов по строительству мусорного завода. Отец Вики показан как любящий отец, профессионал своего дела. Чтобы не угас совсем город, из которого уезжает молодежь, он вынужден идти на соглашение. Несмотря на это четко отрицательные герои все же есть. С самого начала повести перед читателем проводится аналогия. Отдельные части глав начинаются с «В это время в Москве...» [6, с. 22]. За этим следует обычно описание грязной и запущенной квартиры, в которой ютятся наркодилеры. Впоследствии также будут обозначаться и части глав, где описываются высокопоставленные лица и инвесторы, планирующие построить в Антоновске мусорный полигон. То есть мы наблюдаем несколько сюжетных линий: обыденность ребят в Антоновске, жизнь наркодилеров в московской квартире и планы инвесторов из столицы.

Отметим, что писатель использует новаторские приемы. Он вставляет в текст сочинения героев на тему «Почему я никогда не уеду из Антоновска». С помощью этих писем передается отношение персонажей к своей малой родине. Каждый из них ценит город за что-то свое. Помимо этого, в повести можно увидеть и отрывистые сообщения из электронной переписки. С помощью них передается образ главного героя как умелого лидера команды. В этих приемах можно отметить черты мемуарной литературы. Данному направлению присуще использование писем и переписок, но реальных, передающих особенности той или иной эпохи.

Михаил Логинов, словно журналист, достоверно показывает начало и развитие экологической проблемы. Благодаря этому прослеживаются социальные закономерности и причины поступков героев. Автор не упускает деталей и четко прописывает последовательность процесса от формирования информационного пузыря до переговоров с инвесторами. Проблема создания мусоросжигательного завода начинается с информационной пропаганды: пускаются слухи в народ, на телевидении появляется некий эксперт Игорь Маркович Шулейко, который занимается черным пиаром, а местные подростки-вандалы за небольшую плату заменяют таблички улиц на мусорные – общественная акция готова. Все эти эпизоды происходят точечно по мере раскрытия сюжета. Именно так показывается действительность, когда люди из культуры массового потребления хотят «... убедить жителей города, будто они уже живут в условиях реализованного проекта» [6, с. 42].

Писатель доводит решение бытовой экологической проблемы, с которой может столкнуться любой населенный пункт рядом с мегаполисом, до утопической абсурдности. Дети собственными силами обновили город и сделали его туристической точкой. Для этого автор взял типичную ситуацию, происходящую каждый год в школах на День учителя. Тогда школьники могут стать учителями, директором и его замом на время уроков. В повести день самоуправления приурочен к Дню защиты детей. И особенность его в Антоновске в том, что выигравший в конкурсе сочинений может на определенное время стать мэром Антоновска.

Автор повести скрывает от читателя все этапы подготовки детей к этому событию. Они заменяются электронной перепиской и некоторыми сюжетными вставками. И это решение понятно, так как ситуация чересчур нереальна. Однако в этом и состоит ее особенность – даже дети могут справиться с неизбежной экологической проблемой города, если приложат для этого усилия. Эпизод, когда Саша с Викторией отправляются в Москву для подписания контракта о туристическом потенциале Антоновска с федеральным инвестором, прописан четко. Этот момент доказывает, что ребенок может восприниматься взрослыми серьезно. Однако авторское видение чересчур идеализировано. Отсюда и отмечаются элементы утопии – мир Антоновска словно живет отдельно, по своим законам, где дети могут вершить невообразимые вещи, которым взрослые учатся на протяжении многих лет.

Повесть «Ключ от Антоновска» Михаила Логинова можно считать синтетическим жанром детской литературы XXI. В произведении преобладают черты реализма и утопии, которые работают на раскрытие экологического аспекта. Мусорный вопрос из множества других экологических проблем выбран автором не случайно. Именно через подобную бытовую ситуацию, как строительство мусоросжигательного завода, показана реалистичность происходящего. Писатель подходит к теме экологии как к объекту художественного осмысления в современной детской прозе и через утопичность, преувеличение и абсурд показывает, что решить такую проблему реально даже детям. Тем самым Михаил Логинов задает риторический вопрос читателям: «Так почему взрослые бездействуют, когда проблемы экологии могут появиться в любом городе в любой момент?».

Литература

1. Хачатурян, В.М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до конца XX века / В.М. Хачатурян. – Москва : издательский дом «Дрофа», 1999. – 267 с.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/12872/ekologiya.htm> [Дата обращения: 30.04.2022]
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва : издательство «Мир и образование», 2017. – 1376 с.
4. Саранкина, Ю.А. Глобальные экологические проблемы современности: характеристика и основные направления преодоления [Электронный ресурс] // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32559549> [Дата обращения: 25.04.2022]
5. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] // URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0> [Дата обращения: 05.05.2022]
6. Логинов, М.В. Ключ от города Антоновска / М.В. Логинов. – Москва : издательство «Детская литература», 2015. – 105 с.

ЛИНГВОТОКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Последние десятилетия отмечены сменой культурного пространства, что закономерно отразилось на языке, языковых фактах и общей языковой культуре. «Произошедшие социальные сдвиги, изменения в структуре общественно-политического строя, смена форм собственности и состава активных участников коммуникации, расширение рамок публичной речи (телевидение, радио, собрания) нарушили равновесие языковой системы, вызвали “расшатывание” традиционных литературных норм» [1]. Отмеченные факты нашли свое отражение в росте ненормативных элементов, активном употреблении заимствований (не всегда функционально оправданных), стилистическом снижении современной устной и письменной речи, избыточности жаргонизмов, просторечий в средствах массовой информации (далее – СМИ), значительной вульгаризации бытовой сферы общения. Этим и другим негативным тенденциям, поискам путей их нивелирования посвящены исследования ряда ученых в рамках эколингвистики [1].

Эколингвистика – это направление лингвистической теории и практики, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, с другой – занимается поиском путей обогащения языка и совершенствования практики речевого общения [2]. В рамках антропоцентрического подхода в современной лингвистике (в частности – эколингвистике) большое внимание уделяется рассмотрению речи отдельной личности или социальной группы. Мы обратились к анализу речевой культуры молодежи, которая быстро реагирует на происходящие в социуме изменения. В нашем исследовании приняли участие 74 человека в возрасте от 15 до 26 лет, абсолютное большинство из них – студенты; среди респондентов женщин – 71,6 % (53), мужчин – 28,4 % (21). Предполагается, что молодые люди осознанно используют в речи заимствования, жаргонизмы, обценизмы, воспринимают данные пласты лексики как средство реализации коммуникативных интенций.

Таким образом, **целью** нашего исследования явилось выявление интро- и экстралингвистических предпосылок употребления заимствований, жаргонизмов, обценизмов в речи молодежи. В исследовании применялся метод анкетирования, причем некоторые вопросы допускали несколько вариантов ответа и возможность заполнения графы «другое». Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**: 1) определить теоретические основы исследования (осветить ключевые понятия научного направления – эколингвистики); 2) представить результаты проведенного анкетирования; 3) проанализировать результаты анкетирования, выявить частотность и факторы употребления отдельных лексических групп.

Эколингвистический подход в изучении языка возник сравнительно недавно. Основоположителем данного подхода принято считать американского ученого Эйнара Хаугена (1906–1994). Его работа-манифест «Экология языка» была

опубликована в 1971 г. в бюллетене Центра прикладного языкознания. В ходе изучения языка иммигрантов ученый сделал вывод, что развитие, жизнь и смерть языка определяется не столько территорией, на которой он произошел, сколько культурной и социальной окружающей средой. По Хаугену, язык существует только в сознании говорящих на нем и функционирует исключительно при взаимодействии с другими говорящими [3, с. 57].

В настоящее время в связи со становлением эколлингвистики наблюдается некоторое терминологическое варьирование. Так, ряд ученых (А. И. Сковородников, А. В. Кравченко и др.) отождествляют понятия *эколлингвистика* и *лингвоэкология* (экология языка, языковая экология, лингвистическая экология). Н. Н. Белозерова и Н. В. Лабунец разграничивают данные термины: «Для экологии языка релевантна прескриптивная парадигма, которая задает норму употребления и способствует сохранению языкового состояния (консервации языковых элементов различного уровня). Для эколлингвистики приемлема объяснительная парадигма, функциональный подход к явлениям языка и дискурса, в рамках которых язык и языки исследуются как живые системы, находящиеся в тесной взаимосвязи с другими живыми системами, включая социум, окружающую природную среду и самого человека» [4, с. 47].

А. В. Пузырев утверждает, что использование термина *эколлингвистика* для лингвистов более предпочтительно, т.к. соотносит их научные интересы именно с лингвистикой, а не с другими областями знания [5, с. 79].

Большой вклад в разработку терминологического вопроса эколлингвистики внес Алвин Филл, который предложил следующий понятийный аппарат: а) *эколлингвистика* – общий термин для всех областей исследования, объединяющих экологию и лингвистику; б) *экология языков* – область исследований, изучающая взаимодействие языков друг с другом с целью сохранения языкового многообразия; в) *экологическая лингвистика* использует методы и принципы экологии применительно к языку; г) *лингвистическая экология* – область исследований, изучающая взаимосвязь между языком и экологическими проблемами [6, с. 48].

В нашей работе мы будем придерживаться более емкого термина – *эколлингвистика*.

Одной из центральных категорий эколлингвистики являются *лингвотоксические явления* (лингвотоксины) – группа явлений, которые наносят вред и языку как коммуникативной системе, и языковому сознанию его носителей, что может привести к трансформации картины мира говорящих. Лингвотоксический характер носят неоправданные иноязычные заимствования, вульгаризация языка / речи (проявляется в таких языковых формах, как жаргонизмы, арготизмы, обценизмы и т.п.), ярлыкообразование, «токсичное словотворчество», бюрократизация языка / речи и др. [7, с. 28–30]. Мы рассмотрели реализацию первых двух лингвотоксических явлений в речи современной молодежи.

Итак, одним из нездоровых явлений массовой речи ученые выделяют немотивированную замену русских слов иноязычными (*избиратели* – *электорат*, *сок* – *джус*, *поражение* – *фол* и т.д.). Безусловно, заимствования выступают одним из компонентов динамики языка и в эпоху активного развития межкультурной коммуникации заимствование лексем из других языков представляет собой неизбежный и перспективный процесс [8, с. 98]. В то же время отмечается избыточность употребления за-

имствований (особенно американизмов), предпочтительность использования иностранных слов русским аналогам [9, с. 44]. В нашей анкете мы предложили ответить респондентам на вопрос: «Как часто в своей речи Вы используете заимствования при наличии русскоязычных аналогов?» Ответы оказались следующими: *никогда* – 4,1 % (3 человека), *редко* – 20,3 % (15), *иногда* – 48,6 % (36), *часто* – 27 % (20). Среди причин использования заимствований при наличии русскоязычных аналогов были отмечены (допускалось несколько вариантов ответа, в т.ч. заполнение графы «другое»): *передать дополнительные оттенки смысла* – 62,5 % (45), *иностранные слова звучат более представительно, чем русские аналоги* – 29,2 % (21), *затрудняюсь подобрать аналог в родном языке* – 27,8 % (20), *стремлюсь преподнести себя как человека с высоким уровнем интеллекта* – 8,3 % (6), *в целях экономии речевых ресурсов* – 2,8 % (2), *нравится звучание* – 1,4 % (1). Молодые люди чувствуют дополнительные коннотации иноязычных слов, что составляет одну из частых причин употребления заимствований. Обращает на себя внимание индивидуальная оценка иноязычных лексем, восприятие их как более изысканных, модных. Затруднения в подборе аналога в родном языке объясняются, вероятно, недостаточным словарным запасом, его пополнением преимущественно за счет интернет-источников, где отмечается концентрация заимствованной лексики.

К негативным явлениям можно отнести ошибки в употреблении иностранных слов. На вопрос «Бывают ли у Вас ошибки в употреблении заимствованных слов?» респонденты ответили следующим образом: *да, часто* – 0 %, *да, иногда* – 32,4 % (24), *да, редко* – 35,1 % (26), *нет* – 32,4 % (24). Во избежание ошибок при использовании заимствованного слова в первую очередь нужно знать его значение. По результатам анкетирования, молодежь уточняет значения слов несколькими способами (допускалось несколько вариантов ответа, в т.ч. заполнение графы «другое»): *обращаюсь к интернету* – 90,3 % (65), *смотрю в словаре* – 26,4 % (19), *советуюсь с друзьями* – 18,1 % (13), *спрашиваю у преподавателя* – 12,5 % (9), *не уточняю значение, использую заимствования интуитивно* – 13,9 % (10), *понимаю по контексту* – 1,4 % (1). Отмечается популярность интернет-источников как средства уточнения лексического значения слова. К сожалению, не все электронные ресурсы содержат достоверную информацию, что влечет дополнительные ошибки в употреблении заимствований. На качество речи может отрицательно повлиять интуитивное использование заимствований. Как показывают исследования, не все молодые люди способны определить истинное значение распространенного слова [10, с. 22].

Еще одним лингвотоксическим явлением видится тенденция к стилистическому снижению устной и письменной речи. «Процесс жаргонизации, постоянное опускание планки литературной речи – одна из характерных особенностей современной речевой культуры» [11, с. 49]. На вопрос «Как часто Вы употребляете в своей речи жаргонизмы?» молодые люди ответили: *никогда* – 0 %, *редко* – 36,5 % (27), *иногда* – 35,1 % (26), *часто* – 24,3 % (18), *очень часто* – 4,1 % (3). Из этого следует, что речь современной молодежи в большей или меньшей степени содержит элементы стилистически сниженной лексики. Среди причин использования данного пласта лексики были названы (допускалось несколько вариантов ответа, в т.ч. заполнение графы «другое»): *для создания юмористического эффекта* – 60,3 % (44), *чтобы «разрядить» обстановку* –

52,1 % (38), для экономии речевых усилий (подобные слова обычно короче) – 31,5 % (23), чтобы почувствовать себя частью коллектива – 16,4 % (12), придают дополнительное оценочное, эмоциональное значение – 2,48 % (2), не употребляю или в шутку с друзьями – 1,4 % (1).

Для большинства опрошенных жаргонные слова выступают средством создания юмористического эффекта. Юмор возникает в процессе эмоционального осмысления несоответствия стилистически сниженной и книжной лексики, в результате чего создается речевая ситуация комизма (как следствие его – юмористический эффект).

Заметим, что значительная часть респондентов отдает предпочтение жаргонизмам по языковому закону экономии речевых усилий. Как отмечал французский лингвист А. Мартине, «человек растрчивает свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели» [12] – так устроен наш «экономный» мозг. Это обуславливает действие закона экономии речевых усилий.

Стремление почувствовать себя частью коллектива (здесь жаргон выступает средством идентификации участника группы) объясняется социальными потребностями человека как биологического вида. В число этих потребностей входит: потребность принадлежать к определенной социальной группе; потребность занимать в этой группе определенное положение; потребность следовать поведенческим образцам, принятым в данной группе [13]. Нередко в молодежных группах использование жаргона является поведенческим образцом, следуя которому участник группы осознает свою принадлежность к коллективу и занимает в нем определенное положение.

Жаргон, находясь за пределами нормированного литературного языка, может выступать как средство демонстрации доверия, помогает снять напряжение в группе, «разрядить обстановку».

Несомненно, к лингвотоксическим явлениям мы относим использование обсценной лексики в речи молодежи. В графе вопроса «Как часто Вы употребляете обсценную лексику?» респонденты указали следующие ответы: *никогда* – 10,8 % (8), *редко* – 32,4 % (24), *иногда* – 28,4 % (21), *часто* – 23 % (17), *очень часто* – 5,4 % (4). Радует, что среди опрошенных присутствовали те, кто принципиально не употребляет обсценную лексику в своей речи. Среди причин использования обсценизмов были обозначены (допускалось несколько вариантов ответа, в т.ч. заполнение графы «другое»): *переизбыток эмоций* – 76,4 % (55), *«выпустить пар»* – 59,7 % (43), *по привычке* – 22,2 % (16), *недостаточно словарного запаса* – 6,9 % (5), *не знаю* – 6,9 % (5), *почувствовать себя частью коллектива* – 2,8 % (2), *иногда мат лучше передает эмоциональную мысль* – 2,8 % (2), *выделиться в компании* – 1,4 % (1), *потому что это часть языка* – 1,4 % (1), *иногда так смешнее* – 1,4 % (1).

Как показали результаты анкетирования, большинство опрошенных прибегают к обсценизмам с целью повышения эмоциональности речи и снятия психологического напряжения. Во многих случаях употребление обсценной лексики воспринимается респондентами как вредная привычка. Для части опрошенных табуированная лексика выступает как средство идентификации в социальной группе. Интересными видятся ответы на вопрос «Смущает ли Вас употребление обсценной

лексики в речи знакомых?»: да – 20,3 % (15), нет – 24,3 % (18), зависит от обстоятельств – 54,1 % (40). Респонденты (большинство из них использует общенную лексику) отмечают неприемлемость употребления общенной лексики в некоторых обстоятельствах.

Таким образом, в речи современной молодежи проявляются такие лингвотоксические явления, как неоправданные заимствования, жаргонизмы, общенизмы. По результатам анкетирования, молодые люди прибегают к заимствованиям преимущественно из-за наличия дополнительной коннотации в последних (интролингвистический фактор), к жаргонизмам – в целях создания юмористического эффекта или снятия напряжения в группе (синтез интро- и экстралингвистических факторов), к общенизмам – с целью повышения эмоциональности речи и снятия психологического напряжения (экстралингвистический фактор). Среди причин использования указанных выше пластов лексики также отмечались бедность словарного запаса, желание быть принятым в социальной группе, стремление к экономии речевых усилий и др. Большинство опрошенных использует заимствования, жаргонизмы и общенизмы осознанно, намеренно для достижения личностных речевых интенций. К сожалению, не все молодые люди знают и используют другие, «нетоксичные» средства реализации коммуникативных намерений.

Литература

1. Полежаева, А. Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект [Электронный ресурс] / А. Н. Полежаева // DisserCat – электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/problemu-sovremennogo-pesennogo-teksta-lingvoekologicheskii-aspekt>. – Дата доступа: 10.05.2022.
2. Сковородников, А. П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе (тезисы) [Электронный ресурс] / А. П. Сковородников // Новая Университетская жизнь. – Режим доступа: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>. – Дата доступа: 21.04.2022.
3. Haugen, E. The Ecology of Language / E. Haugen // The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. – L. ; N. Y : Continuum, 2001. – P. 57–66.
4. Белоозерова, Н. Н. Эколингвистика: в поисках методов исследования / Н. Н. Белоозерова, Н. В. Лабунец. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета. – 2012. – 256 с.
5. Пузырев, А. В. Лингвоэкология (эколингвистика) с точки зрения субстратного подхода к языку / А. В. Пузырев // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград : ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.
6. Fill, A. Ecolinguistics. State of the Art 1988 / A. Fill // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Muhlhausler. – L. ; N. Y : Continuum, 2001. – P. 43–54.
7. Сковородников, А. П. Лингвотоксические явления в речи и языке / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 28–32.
8. Гуторова, Н. С. Заимствование как проблема экологии языка: иноязычия и риторический канон [Электронный ресурс] / Н. С. Гуторова. – Режим доступа: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/755/760>. – Дата доступа: 13.05.2022.
9. Калинина, М. В. Экология языка. Заимствования в средствах массовой информации / М. В. Калинова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 2. – С. 43–47.
10. Белоусова, Л. С. К проблеме экологии заимствованных слов в русском языке / Л. С. Белоусова // Научные известия. – 2019. – № 16. – С. 20–23.

11. Козырев, В. А. Современная языковая ситуация: жаргонизация речи как социокультурный феномен / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. – 2007. – № 6. – С. 49–53.

12. Попова, З. Д. Возникновение, эволюция и развитие языка [Электронный ресурс] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Режим доступа: https://ciu.nstu.ru/kaf/persons/file_get. – Дата доступа: 13.05.2022.

13. Мартюнина, Т. М. Психофизиология потребностей [Электронный ресурс] / Т. М. Мартюнина // Элитариум : центр дополнительного образования. – Режим доступа: http://www.elitarium.ru/psikhofiziologija_potrebnoستهjj/. – Дата доступа: 12.05.2022.

А. Попова

*(Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация)*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ В ПЬЕСЕ А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЁВЫЙ САД»

В своих произведениях Чехов, поднимая важнейшую проблему о судьбе России, размышляя о ее прошлом, будущем и настоящем, неоднократно акцентирует внимание и на экологической проблематике. Так в пьесе «Дядя Ваня» он актуализирует проблему вырубки деревьев: «Ну, я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их? Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи...» [1, с. 364]. Часто персонажи автора стремятся сбежать из искусственного мира на природу. Астров сажает деревья, Нину Заречную в «Чайке» манят лазурные воды озера.

По мнению Чехова, человек потерял связь с землёй. Он воспринимает мир природы как хозяин. Такое потребительское отношение может привести к катастрофе. Центральным образом символом, олицетворяющим силу природы, является образ вишнёвого сада в пьесе «Вишнёвый сад».

Одним из его значений является понимание вишневого сада как России. При этом Россия в русской традиции представляет собой единство русской природы, человека и истории. В ней соединились прошлое, настоящее и будущее. Персонажи существуют одновременно в нескольких эпохах. Раневская парит в призрачном прошлом: «Я тут спала, когда была маленькой» [1, с. 479], «Счастье просыпалось со мной каждое утро» [1, с. 488]. Фирс вспоминает, как «в прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили...» [1, с. 485].

Лопахин воплощает в себе настоящее. Он смотрит на вишнёвый сад как на источник дохода: «...если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода...» [1, с. 484].

Герой является типичным представителем общества потребления, в котором природа – товар. Для него сад – источник богатства и средство наживы. Связь с ду-

ховностью разорвана. В наше время мы также наблюдаем падение общечеловеческих ценностей. Духовная слепота считается одним из предвестников апокалипсиса.

Раневская с лёгкостью продаёт вишневый сад: «О мой милый, мой нежный прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..» [1, с. 528]. Она любила его лишь на словах. В образе Раневской автор показывает нежелание осознавать конфликт между человеком и природой. Героиня ничего не сделала для того, чтобы спасти имение.

Петя и Аня олицетворяют будущее: «Чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним...» [1, с. 504]. Но при этом Аня забывает отвезти Фирса в больницу. Аня говорит: «Мы насадим новый сад, роскошнее этого...» [1, с. 518]. Чехов же задается вопросом: «Зачем сажать новый, если можно сохранить старый».

Автор акцентирует внимание на том, что люди возомнили себя творцами. Но в философии Чехова не так-то просто возродить то, что уничтожил человек. Для Раневской и Гаева «нового сада» не будет: «В последний раз взглянуть на стены, на окна... По этой комнате любила ходить покойная мать...» [1, с. 528].

Кроме того, вишнёвый сад становится символом потерянного Рая. О христианских мотивах в творчестве Чехова также писали филологи А. И. Медведева и Е. Ю. Виноградова.

Любовь Андреевна Раневская говорит: «О сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя...» [1, с. 488].

Важно отметить и символику цвета: «Белые массы цветов, голубое небо...» [1, с. 488]. Голубой цвет в христианской символике олицетворяет Небесное Царство, а белый – божественный свет. Также в «Откровении Иоанна Богослова» всадник Апокалипсиса сидит на белом коне.

В произведении «Вишневый сад» ярко прослеживается объединение нескольких исторических эпох и временных пластов. Благодаря этому приему события сливаются в одну пророческую картину. Можно провести параллель с «Откровением Иоанна Богослова» с предсказанием о конце света. Чехов так же показывает будущее через перспективу прошлого и настоящего. И это будущее после вырубки сада неопределенно.

Вишня символизирует собой образ Древа Жизни, плоды которого дарили бессмертие. Природа у Чехова дает пищу и помогает выжить в меняющемся мире. В пьесе Фирс вспоминает, как раньше собирали урожай: «И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...» [1, с. 485].

Бордовый цвет вишни – это символ крови, олицетворяющей жертву Христа. Вишню называют райской ягодой, так как Христос иногда изображается с вишней в руках. Неслучайно Аня отмечает, что «выехала на Страстной неделе» [1, с. 480].

Чехов отождествляет природу с Богом. Покушаясь на природу, люди покушаются на Бога. Гаев и Раневская, подобно Адаму и Еве, были изгнаны из райского сада: «Уедем – и здесь не останется ни души...» [1, с. 527]. Эдем вскоре превратится в Ад.

Появление Пети можно сопоставить с приходом Антихриста перед апокалипсисом: «Надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием» [1, с. 504]. Неслучайно Пищик упоминает в разговоре с

Трофимовым Ницше: «Ницше... философ... величайший, знаменитейший... громадного ума человек, говорит в своих сочинениях, будто фальшивые бумажки делать можно» [1, с. 506]. Идеи Пети перекликаются с философией Ницше о сверхчеловеке: «Я свободный человек. И все, что так высоко и дорого цените вы все, богатые и нищие, не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как пух, который носится по воздуху. Я могу обходиться без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд...» [1, с. 520]. Но попытка стать сверхчеловеком всегда становится трагедией.

Также заметна параллель с теорией Ницше о смерти Бога. Но смерть стоит понимать как духовный кризис человечества. Это конец духовного единения с природой и начало эпохи буржуазной морали и власти денег. С гибелью сада (природы) герои теряют себя и растворяются в безвременном пространстве.

По Чехову природа неотделима от человека – мы отражения цветов и солнца в бесконечном небе: «Неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов...» [1, с. 504]. Вишнёвый сад – это символ человеческой души, в которой таится космос со звёздами и кометами. Но там больше не растут сказочные деревья и не поют о вечном мае скворцы. Срубив волшебную вишню, люди уничтожили самих себя.

Петя предсказывает наступление конца света: «Продано ли сегодня имение или не продано – не все ли равно? С ним давно уже покончено, нет поворота назад, заросла дорожка» [1, с. 510]. Вырубкой сада герои Чехова нарушили космический порядок.

Вишневый сад – это и Россия, и потерянный Рай, и душа человека. В этом образе объединились человек и природа. Но из-за потребительского отношения людей к природе может произойти вселенская катастрофа. В мире Чехова мало надежды на Возрождение. Вишня – кровь, а гибель сада – конец существования старой России. Последний звук в пьесе – стук топора по дереву. Автор своим произведением призывает русского человека задуматься над судьбой России, чтобы апокалипсис не наступил.

Литература

1. Чехов, А. П. Вишневый сад: Пьесы. – М.: Эксмо, 2007.
2. Вишня – Энциклопедия знаков и символов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Вишня> [Дата обращения: 27. 04. 22].
3. Сад – Энциклопедия знаков и символов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Сад> [Дата обращения: 27. 04. 22].
4. Словарь терминов. Цветовые символы в христианстве. [Электронный ресурс]. URL: <https://cvet-psy.ru/tsvetovye-simvoly-hristianstva/> [Дата обращения: 27. 04. 22].
5. Символика цвета в христианском искусстве. [Электронный ресурс]. URL: <https://ortox.ru/wiki/simvolika-tsvetov-v-tserkovnom-iskusstve/> [Дата обращения: 24. 04. 22].
6. Ницше. // Электронная библиотека ИФ РАН » Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f008110290bbbd2ef2ffef> [Дата обращения: 25. 04. 22].
7. Макрокосмос и микрокосмос. // Электронная библиотека ИФ РАН » Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHfa8f46a16826798b1d14fa> [Дата обращения: 25. 04. 22].
8. Апокалипсис Иоанна Богослова. Откровение Иоанна Богослова. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliya-online.ru/apokalipsis-ioanna-bogoslova-otkrov/> [Дата обращения: 25. 04. 22].

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Воробьёва Д.С. Церковно-религиозный стиль русского литературного языка первой трети XIX века (на материале духовных автобиографий).....	3
Грибова С.В., Грицук А.Е. Неологизмы с латинскими корнями как средство обогащения лексики русского языка в начале XXI века	7
Макарэвіч А.В. Асаблівасці словаўжывання <i>БРАМА</i> , <i>БРАМНІК</i> у беларускай мове.....	11
Притомская А.Р. Проблема этичности эксперимента в творчестве М. Булгакова.....	14
Радзевіч А.А. Пунктуацыйная прэцэдэнтнасць у простым ускладненым сказе.....	17
Самуйлік Я.Р. Лексічныя запазычанні са славянскіх і неславянскіх моў у беларускай мове: дыдактычны аспект	24
Фетисова В. Конфликт человека и природы в романе Джона Уиндема «День Триффидов».....	33
Чагайда Ю.Н. Специфика адвербиальной лексико-семантической группы «Перемещение в пространстве» в русском языке.....	37

СЕКЦИЯ 1. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ

Бабровіч Т. Кваліфікацыйная прыкмета ў анамасіялагічнай структуры бівербальных найменняў будаўнічай сферы ў сучаснай беларускай мове.....	40
Вагнер С., Трутчанка А. Працэс адаптацыі запазычанняў на прыкладзе першай кнігі твора З. Бядулі “Язэп Крушынскі” (рэдакцыі 1929 і 1931 гг.).....	44
Дунькович Ж., Моховикова Е. Потенциал кейс-метода в преподавании русского языка как иностранного.....	47
Игнатюк Т.Н., Янь Мэнда. Пафос как национальный компонент белорусского языка.....	50
Нин Бо. Оценочные номинации лица в текстах пословиц сборников И.И. Иллюстрова и В.И. Даля.....	53
Снежицкая О. Современные тенденции в преподавании РКИ (опыт работы посредством использования приёмов ТРКМ).....	55
Чагайда Ю.Н., Симончик Д. Фразеологические единицы с компонентом стий в русском языке.....	59
Чуносава І. Канцэптуальныя асновы пабудовы навуковага дыскурсу	62

СЕКЦИЯ 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

Борсук Н.М. Наваградчына XIX стагоддзя ва ўспрыманні пісьменнікаў, народжаных на гэтай зямлі.....	67
Бубен А. О трансформации жанра в эпистолярной писателя (к постановке проблемы).....	71

Денисюк Д.В. Западнорусизм и краевость как феномены культурного пограничья.....	74
Зуева О.В. Белорусское историческое языкознание сегодня и завтра: как заинтересовать молодых ученых?.....	78
Ровнейко М.А. Здание Свято-Николаевского гарнизонного собора в брестской крепости как индикатор национальной идентичности.....	83
Тоболевич Т.Л., Эки Абрур Джудитама Фауризки. Особенности индонезийского фольклора (на материале легенды о Малин Кунданге).....	86

СЕКЦИЯ 3. СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В СУДЬБЕ РОДНОЙ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ветрава Л.У. “З любоў’ю і мірам да вас...”: лірыка Надзеі Мікалаеўны Парчук.....	89
Буднік В.А. Эліза Ажэшка: Берасцейшчына ў сэрцы маім.....	95
Жигалова М.П. Малоритские страницы жизни известных поэтов Беларуси XX-XX вв. в судьбе страны.....	99
Игнатюк Т.Н. Исторические путешествия Юлиана Немцевича по землям Берестейским.....	107
Тоболевич Т.Л., Щерба О.В. Не разучиться быть ребенком.....	112

СЕКЦИЯ 4. ОТРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Габуева Л.В., Газаева Л.В. Лингвокультурологический анализ художественного текста как компонент поликультурного образования (на материале произведений русскоязычного осетинского поэта Г.Г. Гудиева).....	117
Гулиева С.Д. Взаимосвязь природы и человека в творчестве А.П. Чехова.....	128
Ерошина А.К. Осмысление проблемы «человек и природа» в повести Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей».....	131
Жигалова В.В. Флористическая лексика в литературе как средство отражения полиэтнической культуры и духовности брестско-подлясского пограничья (на примере творчества Н. Ковалевича).....	135
Жигалова С.В. Формирование экологической культуры (на примере работы иностранных студентов с художественными текстами экологического характера).....	144
Кокудович Д. Проблема экологии в романе Л.М. Леонова «Русский лес».....	150
Кузнецова В.Ю. Осмысление проблемы экологии в повести Михаила Логина «Ключ от города Антоновска»	153
Моисейчик А. Э. Лингвотоксические явления в речи современной молодежи: лексический аспект.....	158
Попова А. Экологический подтекст в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад».....	163

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

сборник научных статей

Текст печатается в авторской редакции, орфографии и пунктуации

Ответственный за выпуск: Чагойда Ю. Н.

Редактор: Митлошук М. А.

Компьютерная верстка: Митлошук М. А.

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации

издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/235 от 24.03.2014 г., № 3/1569 от 16.10.2017 г.

Подписано в печать 07.12.2022 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,53. Уч. изд. л. 10,25. Заказ № 1353. Тираж 18 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Брестский государственный технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-572-0

